

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Сборник научных работ

Выпуск 1

Тверь 2026

УДК 342.01(082)

ББК Х400-0я43

А 43

Ответственный за сборник:

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
конституционного, административного и таможенного права
Тверского государственного университета Н.А. Антонова

А 43 Актуальные вопросы юриспруденции, законодательства и правоприменения: сборник научных работ. Выпуск 1. – Тверь: Издательство Тверского государственного университета, 2026. – 216 с.

Настоящий сборник содержит научные статьи участников Международного конгресса молодых учёных, проводимого на юридическом факультете.

Научные работы обучающихся посвящены актуальным вопросам юриспруденции, законодательства и правоприменения.

Статьи представлены в авторской редакции.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием ученого совета юридического факультета от 17 февраля 2026 г. (протокол № 7).

УДК 342.01(082)

ББК Х400-0я43

© Авторы статей, 2026

©Тверской государственной
университет, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. Теоретико-правовые науки

Н.Е. Ремнев. Место сутяжничества в типологизации злоупотреблений гражданского процесса	5
--	---

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Э.Т. Аббасов. Конституционные гарантии права на медицинскую помощь в условиях военного времени: проблемы реализации через частную систему здравоохранения.....	10
А.В. Воробьёв. Разграничение предвыборной агитации и информирования в сети интернет.....	16
Е.Н. Галахов. Особенности осуществления трудовой деятельности по совместительству педагогическими работниками.....	22
Д.Н. Кряков. Теоретические основы международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления.....	27
А.С. Кудинов. Автоматизация бюджетных процессов в муниципальных образованиях: проблемы правового обеспечения.....	31
В.О. Некрасов. Особенности соотношения государственной функции отправления правосудия и функции гражданского общества по оказанию квалифицированной юридической помощи: на примере адвокатской деятельности.....	36
Ю.А. Потахов. Конституционно-правовое назначение института адвокатуры в Российской Федерации.....	41
Ю.Н. Прищепа. Проблематика нормативного регулирования технологического суверенитета в наши дни.....	46
П.А. Феоктистов. Нейронная сеть как средство обеспечения жилищных прав: иллюзия или реальность?.....	55

5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки

А.В. Балагура. Супружеская собственность: ценностный подход к реформированию института.....	59
Е.В. Бидюк. Недействительность соглашений супругов по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ.....	66
Т.И. Богуславский. Судебная практика по вопросам привлечения к гражданско-правовой ответственности директора юридического лица.....	74
П.П. Дроздов. Криоконсервированный эмбрион как непоименованный объект гражданских прав.....	80
И.Д. Ерёмин. Соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей как способ уклонения от расчётов с кредиторами: проблемы квалификации и правовые последствия.....	86
Р.А. Иорданян. Теоретико-правовой статус ценных бумаг как объектов гражданских прав.....	94
Е. А. Костилова. Совместность как элемент формирования системы правовых связей (на примере семейного права и семейного законодательства).....	102
Н. С. Купцов. Особенности исполнения обязательства автора по созданию произведения в договоре авторского заказа.....	110

В.В. Ленивкин. Правовое регулирование страхования киберрисков: российский и зарубежный опыт.....	117
А.И. Малинин. Особенности реализации несовершеннолетними права на жилище.....	121
П.С. Матижев. Эволюция института судебного примирения в России и формирование новой профессиональной компетенции адвоката.....	128
А.Р. Мубаракшин. Правовой режим доходов, получаемых в браке одним из супругов, от принадлежащей ему доли участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.....	133
М.В. Нагалина. Современные виды доверительного управления имуществом в силу закона.....	139
Н.А. Цветков. Особенности раздела криптовалюты, приобретенной в период брака.....	145
А.С. Шагов. Порядок защиты прав лица при несанкционированном распространении сведений, составляющих семейную тайну.....	151

Направление подготовки 40.04.01 Юриспруденция

А.Д. Андреева. Конфискация транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения: проблемы правоприменения.....	158
Т.Н. Анненко. Перспективы развития форм участия населения в реализации местного самоуправления.....	164
А.П. Корешкова. Роль современных экспертиз в расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.....	171
В.С. Курочкина. Мировые соглашения в банкротстве, инициированные налоговым органом: некоторые теоретические и практические аспекты.....	176
И.И. Новик. Преднамеренное и фиктивное банкротство: анализ составов и порядок выявления.....	183
Д.А. Розова. Особенности субъективных признаков состава преступления при нарушении режима особо охраняемых природных территорий.....	191
М.Ю. Соловьёва. Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей.....	196
В.Ю. Сташевская. Правовое регулирование мер государственной поддержки многодетных семей на территории Тверской области.....	204
В.А. Хохлов. Новеллы в уголовном законодательстве в части стимуляции осужденных, связанные с проведением СВО.....	210

5.1.1. Теоретико-правовые науки

МЕСТО СУТЯЖНИЧЕСТВА В ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Н.Е. Ремнев

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Научный руководитель: д.ю.н., доцент П.А. Якушев

В статье предпринимается классификационный анализ сутяжничества как особого процессуально-правового явления. Целью работы является определение места сутяжничества в авторской типологизационной системе процессуальных злоупотреблений в гражданском процессе. В основу работы положен диалектический метод исследования с применением анализа, дедукции, обобщения и догматического метода. Делается вывод о том, что место сутяжничества в типологии процессуальных злоупотреблений обусловлено его особым содержанием и степенью влияния на нормальный ход судопроизводства. Новизна работы состоит в апробации авторских теоретико-правовых разработок, которые могут быть применены как в образовательном процессе, так и в юридической практике для совершенствования законодательства и корректировки правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: злоупотребление правом, сутяжничество, кверулянтство, типологизация злоупотреблений, гражданский процесс.

Влияние злоупотребления правом на правовую систему и применение ее элементов на практике значительно и неоспоримо, о чем свидетельствуют многочисленные научные и практико-ориентированные исследования его разновидностей, находящих выражение в многочисленных отраслях права.

Российское правовое регулирование выстроено на свободном осуществлении субъектами своих правомочий, в том числе – по осуществлению конкретных юридических прав. Однако процесс есть позитивно закрепленные императивные рамки, признаваемые законодателем пределы дозволенного осуществления субъектами своих правомочий. Именно поэтому, злоупотребительные акты оказывают особое воздействие на процессуальные сферы права, представляющие собой унифицированные формы юридической деятельности, осуществляемые в строгом соответствии с установленной процедурой. Более того, такие рамки установлены законом не беспочвенно, они ориентированы, помимо прочего, сформированными в социуме традиционными ценностями [1, С. 209], а потому их преступление сравнимо с бросанием вызова поддерживаемым обществом ориентирам.

Всякое процессуальное злоупотребление существенно, поскольку посягает на основные принципы его складной организации – общеобязательная стадийность, состязательность и равноправие [3, С. 106],

разумность использования процессуальных механизмов (в том числе и с точки зрения сроков судопроизводства).

Как ранее было обозначено, злоупотребление прямо связано с использованием лицом тех или иных правомочий. Предпринимая попытки типологизации процессуальных злоупотреблений в цивилистических сферах судопроизводства (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ), автором предложена градация процессуальных злоупотреблений, строящаяся на установлении целей (побуждающем результативном векторе) их претворения. Среди типов такого правового поведения выделяются: 1) улучшающие лицом свое процессуальное положение посредством пренебрежения основами процессуальной формы; 2) ухудшающие процессуальное положение противоположной стороны посредством пренебрежения основами процессуальной формы; 3) затягивающие ход судопроизводства; 4) злоупотребления кверулянтского порядка.

Если первые три группы злоупотреблений широко проработаны в юридической периодике и фундаментальных трудах юриспруденции, то злоупотребления кверулянтского порядка нуждаются в теоретико-практической конкретизации.

Центральное положение среди используемых юридических инструментов в процессуальной среде занимает правомочие на судебную защиту, заложенное в статье 46 Конституции РФ, причем в части 2 статьи 45 Основопологающего закона на уровне конституционного законодательства фактически осуществляется закрепление общепризнанных пределов осуществления всякого правомочия – всеми способами, не запрещенными законом [1].

Суть права на судебную защиту для его пользователя состоит в активизации гарантированного государством механизма проверки определенных правоотношений (чаще всего содержащих конфликтный элемент) на предмет наличия или отсутствия соответствующих условий для удовлетворения или отказа в удовлетворении частного материального интереса истца. Разумеется, волеизъявление правообладателя побуждаемо именно материальным интересом, тогда как процесс выступает одним из легальных способов его удовлетворения (обеспечения).

Возможность злоупотребления правомочием на судебную защиту, главным образом, в виде необоснованного использования механизмов предъявления исков или заявлений, то есть без достаточной заинтересованности в получении судебной защиты по существу [5, С. 105], не отрицается. Однако юридическое значение будет иметь все же выяснение подлинного соотношения вмененного в такое право интереса (интереса в получении реальной судебной защиты, соответствующей целям и задачам регламентированной в законе процессуальной формы) с частными интересами материально-правового характера.

Куда более очевидным бесосновательным использованием средств судебной защиты становится исследуемое автором явление сутяжничества,

широко понимаемое в качестве девиантного, навязчивого (предопределенного возвышением эмоциональных и психологических побудителей над здравым правосознанием) подхода к разрешению конфликтов посредством их обострения через безальтернативное обращение в судебные органы [4, С. 48]. Фактически оно является формально соответствующей правореализацией, но в смысловом эквиваленте не соотносящиеся с логикой построения и функционирования правовых конструкций действием.

Сутяжничество как правовое явление свойственно не столько материальному, сколько процессуальному праву, в особенности – его цивилистическим разновидностям, ведь неудержимое стремление навредить процессуальному оппоненту любыми способами, даже самыми неразумными и невыгодными для злоупотребляющего субъекта, как писал Р. фон Иеринг, побуждаемо не характером сложившихся между спорящими сторонам материально-правовых отношений, а процессуальным ориентиром на его состязательность [2, С. 22].

Сутяжничество способно по своим признакам относиться ко всем из первых трех перечисленных типов процессуальных злоупотреблений, поскольку его частные проявления могут быть направлены и на улучшение собственного процессуального положения, и на ухудшение положения противной стороны (которой может стать и публичный орган, включая рассматривающий дело суд), такие поведенческие акты могут реализовываться и целенаправленно для затягивания процесса. В то же время, именно специфика его формы и содержания обуславливает необходимость и целесообразность выделения данного вида злоупотреблений в отдельный разряд актов кверулянтского порядка.

Четвертый упомянутый тип процессуальных злоупотреблений включает в себя проявления безосновательного процессуального поведения, лишенные всякого процессуально или вовсе юридически значимого смысла, выражающиеся в пристрастном (а иногда – даже хаотичном) пользовании лицом различными процессуальными полномочиями в целях защиты своих субъективных прав, ущемление которых сознательно предполагается этим лицом, но фактически является мнимым [4, С. 56]. Сложность такого правового поведения (автор сознательно не использует термин «неправомерный», поскольку злоупотребление, нарушающее конкретные требования закона, злоупотреблением быть не может, а должно квалифицироваться уже в качестве правонарушения) заключена в том, что оно зачастую схоже по своим признакам с процессуальной шиканой, при этом по своей форме максимально приближено к правомерному процессуальному поведению.

Лица, пользующиеся моделями процессуальных злоупотреблений такого типа, нередко мотивируют свои действия и возражения несогласием с соблюдением формальных положений процессуального законодательства при одновременном использовании их в качестве средства своего очередного

злоупотребления, что является очевидным противоречием в процессуальном поведении.

Примеры сутяжничества в его широком смысле (то есть вбираемом в себя и акты кверулянтства) нередки для практики судов Российской Федерации, причем значительная их часть находит выражение в ходе осуществления судопроизводства судами общей юрисдикции. Более того, такие злоупотребительные поведенческие акты связаны не только с реализацией субъектами своего правомочия на судебную защиту, но и с использованием права на обращение в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Так, по одному из административных дел, рассматриваемых в апелляционном порядке Владимирским областным судом, лицо, именуемое себя в качестве «живой женщины», «гражданина СССР», в связи с оставлением судебной коллегии ее апелляционной жалобы без удовлетворения, прибегло к подаче многостраничных замечаний на протокол судебного заседания, поименованных в качестве «ценной бумаги», и мотивированных, помимо прочего, презюмирующими доводами о коррупционности судей, противозаконности текста протокола, неуказания в нем помощника судьи (при ведении протокола секретарем судебного заседания), причем на момент подачи данного заявления протокол изготовлен не был (при истечении процессуального срока на его изготовление) [8].

Другим иллюстрирующим примером может стать рассмотренное судебной коллегией Владимирского областного суда гражданское дело, в рамках которого физическим лицом подавался иск к медицинскому учреждению и врачам о признании действий неправомерными, нарушении прав на информацию. При оставлении без удовлетворения апелляционной жалобы истца, судом апелляционной инстанции было установлено, что иск построен на опровержении обстоятельств, установленных ранее постановленными и вступившими в силу судебными актами, сам истец ранее уже обращался несколько раз в суд в связи с поставленными в основании иска обстоятельствами, а доводы апелляционной жалобы построены на субъективном мнении о том, как должно быть рассмотрено дело [7].

В ходе обобщения ранее изложенных тезисов, констатируется, что сутяжничество представляет собой особую разновидность злоупотребления правомочиями по реализации прав на обращение в публичные органы и на судебную защиту, тесно связанными с процессуальными сферами права. Исследуемый правовой феномен является центральной формой актов кверулянтского порядка, выделяемых в обособленный тип злоупотреблений в цивилистическом процессе, находит широкое выражение в нынешней правоприменительной практике, а потому их выделение не лишено теоретической и практической значимости.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля. № 144 (8198).

2. Иеринг Р.фон, Борьба за право / Р.фон Иеринг; пер. с нем. П.П. Волкова. – Москва: Изд. К. П. Солдатенкова: тип. Грачева и К., – 1874. – 77 с.

3. Володарский Д.Б. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) / Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – №5 (Т.9). – С. 61-110.

4. Ремнев Н.Е. Сутяжничество и кверулянтство в праве: введение в понятийно-категориальный аппарат исследуемой проблематики, лингво-юридический анализ смежной терминологии / Н.Е. Ремнев // Право и политика. 2025. № 11. С.47-56.

5. Вольфсон В.Л. Теория злоупотребления правом: монография / В.Л. Вольфсон. – Москва: Проспект, – 2023. – 160 с.

6. Якушев П.А. Понятие, сущность и регулирующие свойства традиционных ценностей / П.А. Якушев // Вестник Владимирского юридического института. 2017. №2 (43). С.205-209.

7. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 18.12.2024 // Архив Владимирского областного суда.

8. Наряд непроцессуальных обращений за декабрь 2025 года // Архив Владимирского областного суда.

Об авторе:

РЕМНЕВ Никита Евгеньевич – аспирант кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВА НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ ЧАСТНУЮ СИСТЕМУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Э.Т. Аббасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье анализируется действующее законодательство, регулирующее систему здравоохранения. Исследуется эффективность частной системы здравоохранения во взаимодействии с государством в случае возникновения вооруженного конфликта, а также негативные последствия отсутствия интеграции частного сектора в государственно-частное партнерство в условиях военного времени. Автором предложен один из способов интеграции частного сектора в общую систему государственного здравоохранения в рамках государственно-частного партнерства.

***Ключевые слова:** конституционное право, конституционные гарантии медицинская помощь, государственно-частное партнёрство, реализация конституционного гарантированного права.*

В Конституции Российской Федерации одним из фундаментальных прав человека является право на получение медицинской помощи в рамках государственных гарантий [1]. Охрана здоровья граждан закреплена в основном законе государства, а также в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации. В ч.1 ст.11 Федерального закона № 323 от 21.11.2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено, что отказ в оказании медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий не допускается [2]. За нарушения конституционно гарантированных прав медицинские организации несут предусмотренную законодательством ответственность.

Оказание медицинской помощи в социальном государстве гарантируется каждому гражданину независимо от статуса или социального положения. В связи с чем был издан Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором отмечено, что целью государственной политики является укрепление здоровья населения как в мирное, так и в военное время.

Государственная политика направлена на укрепление здоровья граждан как важного элемента обеспечения национального благосостояния страны, развития экономики и обороноспособности государства при возникновении вооруженных конфликтов и иных чрезвычайных ситуаций.

Конституция РФ гарантирует обязанность государства обеспечивать защиту здоровья граждан в рамках государственных гарантий как в мирное время, так и в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и/или военное

время. Однако законодательством не урегулирован порядок взаимодействия частных медицинских организаций в рамках государственно-частного партнерства при возникновении острой необходимости.

Это создает юридические коллизии и риск нарушения конституционно гарантированных прав на оказание медицинской помощи (включая экстренную) из-за кадрового дефицита и недостаточного оснащения государственных медицинских учреждений, учитывая, что многие государственные организации были привлечены к оказанию медицинской помощи военнослужащим. Из-за колоссальной нагрузки на ведомственные учреждения Министерства обороны, нагрузки на государственную систему выросли.

Согласно статистическим данным, заявленным Министром здравоохранения М.А. Мурашко, по состоянию на 2025 год дефицит кадров в государственной системе здравоохранения превышает 23 тысячи врачей и 63 тысячи специалистов среднего медицинского персонала [5]. В связи с этим в современных реалиях реализация конституционных прав граждан на получение медицинской помощи в рамках государственных гарантий сталкивается с серьезными проблемами.

Например, специальная военная операция, начавшаяся в 2022 году, выявила проблемы реализации конституционно гарантированных прав граждан на оказание медицинской помощи в рамках государственных гарантий. Нагрузка на государственную и ведомственную системы здравоохранения увеличилась в несколько раз, а вопрос дефицита кадров и оснащения в здравоохранении остался нерешенным.

В условиях вооруженного конфликта раненых военнослужащих доставляют в ведомственные госпитали Министерства обороны РФ, а также в государственные гражданские медицинские учреждения. Из-за высокой нагрузки на государственную систему здравоохранения, где не хватает квалифицированных кадров, должного оснащения и которая обладает ограниченными ресурсами оказания экстренной медицинской помощи для лечения раненых и тяжело больных военнослужащих, остро встает проблема привлечения частного медицинского сектора в рамках государственно-частного партнерства в условиях военного времени и при возникновении чрезвычайных ситуаций.

С момента возникновения масштабного со времен Великой Отечественной войны вооруженного конфликта а именно Специальной военной операции в ряд федеральных законов были внесены изменения, регламентирующие порядок оказания первой медицинской помощи (например, Федеральный закон от 11.06.2022 N 166-ФЗ "О внесении изменений в статью 17.1 Федерального закона "Об обороне" и статью 31 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" и статью 31 Федерального закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации").

Изменения в ряд федеральных законов были внесены только после начала специальной военной операции, когда медицинский блок Министерства обороны РФ столкнулся с рядом проблем медицинского характера, включая оказание экстренной медицинской помощи, а также некомплект в медицинских аптечках. Государственный и гражданский секторы здравоохранения оказались не готовы к такой нагрузке.

Помимо проблем оказания тактической первой медицинской помощи в условиях вооруженного конфликта, государство столкнулось с проблемами оказания медицинской помощи и реабилитации военнослужащих в госпиталях, подведомственных Министерству обороны. Из-за высоких нагрузок на систему здравоохранения государство активно начало привлекать гражданские медицинские учреждения для оказания поддержки ведомственным учреждениям.

15-17 октября 2025 года в «Экспофоруме» проходил VIII Петербургский форум «Здоровье», где генерал-майор медицинской службы, профессор филиала Военно-медицинской академии и член-корреспондент РАН Александр Фисун отмечал, что Министерство обороны привлекло дополнительно гражданские медицинские учреждения:

в 2023 году — 33 клиники (6400 коек) в 12 субъектах Федерации;

в 2024-м — 137 клиник в 33 субъектах (18 000 коек) [6].

В 2025 году сеть взаимодействия гражданских медицинских учреждений с Министерством обороны РФ в регионах расширили до 44, в которых смогут обслуживаться военнослужащие, учитывая, что нагрузка на гражданские медицинские организации в условиях мирного времени колоссальна. Это подтверждается сведениями, опубликованными в официальном печатном издании Правительства РФ («Российская газета»). В 2025 году отрасль медицины остается в дефиците по некомплекту специалистов в государственных организациях [7].

Многие медицинские специалисты либо вовсе уходят из сферы здравоохранения, не желая работать в государственных учреждениях из-за плохого оснащения и низкой заработной платы, либо переходят в частные медицинские организации, где лучше оснащены рабочие места и выше уровень заработной платы.

Учитывая колоссальную нагрузку на государственные медицинские учреждения в условиях острой необходимости, дефицита квалифицированных кадров и недостаточного оснащения, частные клиники недостаточно участвуют в исполнении конституционно гарантированных государством обязанностей по охране здоровья в рамках государственных гарантий, оставаясь вне зоны действия этих гарантий. Это создает значительное ухудшение общего состояния системы здравоохранения из-за невозможности привлечь частные клиники в условиях вооруженного конфликта или чрезвычайных ситуаций в рамках государственно-частного партнерства.

При возникновении чрезвычайной ситуации или вооруженного конфликта государству требуется поддержка частного сектора в расширении

возможностей оказания медицинской помощи и реабилитации пострадавших. Из-за отсутствия договоров о сотрудничестве в рамках государственно-частного партнерства Министерство здравоохранения РФ не может привлекать частные клиники для оказания помощи государству.

Следует учитывать, что организационно-правовая форма частных медицинских организаций ориентирована на извлечение прибыли из своей деятельности и финансируется за счет собственных средств, в отличие от государственной системы, которая финансируется из средств федерального бюджета.

Именно о необходимости интеграции гражданских и ведомственных медицинских учреждений писал врач, анатом, естествоиспытатель, педагог, профессор Н.И. Пирогов еще в 1879 году, отмечая, что одним из ключевых условий оказания помощи раненым военнослужащим в период вооруженных конфликтов является интеграция военной и государственной медицинских служб (в XIX веке многие гражданские медицинские организации считались частными, так как финансировались за счет привлеченных средств благотворителей и частных лиц, но были и государственные, которые предназначались для малоимущих слоев населения, а также светская медицина была платной, что указывал известный историк медицины М.Б. Мирский в летописных источниках [3, с.28]), чтобы в случае возникновения потребности в условиях военного времени такие организации смогли восполнить дефицит [4, с.382-394].

Только в 1997 году были предприняты попытки с принятием Постановления Правительства РФ от 05.11.1997 N 1387 "О мерах по стабилизации и развитию здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации" (совместно с "Концепцией развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации"), в соответствии с которым Российская Федерация предусматривала такую интеграцию, косвенно создавая условия для функционирования всей отрасли здравоохранения, однако данное Постановление в части интеграции частного сектора в общую систему здравоохранения по состоянию на сегодняшний день не применялось.

После неудачной реализации интеграции Министерство здравоохранения предпринимало попытки объединить все медицинские организации в единую систему здравоохранения в рамках развития государственно-частного партнерства, однако безуспешно. Аналогичные попытки, привлечения частного сектора Правительство РФ предпринимало и в 2016 году.

В "Военной доктрине Российской Федерации", утвержденной Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976, отсутствует прямое указание на то, что ведомственная медицина Министерства обороны является неотъемлемой частью гражданского здравоохранения, образующего единую систему в государстве. Также нет упоминания о необходимости сотрудничества с государственными и коммерческими медицинскими организациями в случае острой необходимости.

По состоянию на 2026 год законодательно не урегулирован вопрос взаимодействия с частным сектором в рамках сотрудничества в здравоохранении, в связи с чем отсутствует нормативно-правовая база.

Правительству РФ необходимо законодательно урегулировать сотрудничество с частными медицинскими организациями при возникновении острой необходимости (чрезвычайные ситуации, вооруженные конфликты и т.п.) не только в рамках обязательного медицинского страхования, но и для оказания всесторонней поддержки обеспечению обороноспособности и мобильной готовности.

В случае возникновения острой необходимости ресурсы государственной системы здравоохранения могут оказаться недостаточными при масштабных конфликтах, заболеваниях и т.п.

К примеру, в 2020 году Мэр города Москвы С.С. Собянин предлагал привлекать частные клиники для борьбы с коронавирусом, в связи с чем была организована мобилизация сил системы здравоохранения [8]. В связи с этим необходимо дополнительно привлекать частный сектор для снижения нагрузки и оказания качественной медицинской помощи населению и иным категориям граждан (военнослужащим, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций и т.п.).

Законодательным органам РФ необходимо внести законодательные изменения, разработав нормативно - правовой акт, разрешающий совместное функционирование государственных и частных медицинских учреждений в условиях вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций.

Именно объединение участников всей системы в рамках государственно-частного партнёрства необходимо для эффективности и качества оказания медицинской помощи. В ином случае государственный сектор может не справиться, и система окажется менее эффективной из-за высокой перегруженности.

Для привлечения частных медицинских организаций необходимо поддерживать их различными преференциями, предоставлять доступ к дополнительным ресурсам, например, возможность использования незарегистрированных препаратов и медицинского оборудования на всей территории Российской Федерации, а не только в соответствии с Федеральным законом "О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 29.06.2015 N 160-ФЗ. Это откроет частному сектору новые законодательные возможности, компенсирующие низкую рентабельность, возникающую в связи с сотрудничеством с государством.

Решение этой проблемы обеспечит долгосрочное сотрудничество в рамках государственно-частного партнерства в любых условиях, повысят устойчивость государственной системы здравоохранения, снимет нагрузку с государственных медицинских учреждений и усилит доверие общества к власти.

Список литературы

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), статья 41;
2. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ, статья 11, часть 1;
3. Мирский М.Б. Медицина России X – XX веков. М., 2005г. С.28.
4. Пирогов Н.И. Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877-1878 гг. Часть 1. СПб.: Главное управление Общества попечения о раненых и больных, 1879г., с.382-394.
5. <https://rg.ru/2025/03/05/murashko-deficit-vrachej-v-rossii-bolee-23-tysiach.html>
6. <https://53.ru/text/health/2025/10/22/76084582/>
7. <https://rg.ru/2025/11/04/rekrutery-fiksiruiut-pereizbytok-finansistov-i-nehvatku-medikov.html>
8. <https://www.kommersant.ru/doc/4308868>

Об авторе:

АББАСОВ Элшан Тарланович – аспирант 1 года обучения юридического факультета специальности 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет».

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ И ИНФОРМИРОВАНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А.В. Воробьев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор В.И. Крусс

В статье проводится анализ правового регулирования предвыборной агитации и информирования избирателей в сети «Интернет» в Российской Федерации. Рассматриваются особенности законодательного разграничения агитации и информирования. Выявляются проблемы правоприменения в цифровой среде, обусловленные высокой динамичностью интернет-коммуникаций и разнообразием форм распространения информации. Особое внимание уделяется анализу норм Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав» и разъяснений Центральной избирательной комиссии РФ.

Ключевые слова: интернет-агитация, информирование, предвыборная агитация, цифровая среда, избирательное законодательство, социальные сети.

Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» стала площадкой для распространения предвыборной информации и осуществления политической коммуникации, существенно трансформировав традиционные формы взаимодействия участников избирательного процесса. Российское избирательное законодательство закрепляет правовые основы предвыборной агитации и информирования избирателей, однако не содержит исчерпывающих критериев их разграничения в условиях цифровой среды, что порождает неоднозначные подходы к правоприменению. Кроме того, глобальная сеть «Интернет» отличается высокой динамичностью, а перечень способов проведения интернет-агитации постоянно расширяется, что дополнительно осложняет правовую квалификацию соответствующих материалов. В этой связи актуализируется необходимость анализа проблем разграничения предвыборной агитации и информирования в сети «Интернет» для выявления существующих пробелов правового регулирования.

Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ предусматривает два самостоятельных вида распространения информации в период избирательной кампании: предвыборная агитация и информирование. Согласно п. 4 ст. 2 этого Закона под предвыборной агитацией следует понимать деятельность, осуществляемую в период избирательной кампании, и имеющей цель побудить или побуждать избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него [2].

Также следует обратить внимание на подходы к правовой квалификации предвыборной агитации в сети «Интернет», основываясь на ст.48 вышеназванного Закона: как агитацию, осуществляемую в сети «Интернет» (в сетевых изданиях, либо иными не запрещенными законом методами, либо выпуском и распространением аудиовизуальных и других агитационных материалов). В частности в предвыборной агитации следует учитывать: сроки

агитационного периода, установленного законодательством; необходимость финансирования расходов на агитацию исключительно из средств избирательных фондов, которые должны содержать указание об оплате их изготовления из средств соответствующего избирательного фонда; правила использования изображений и высказываний физических лиц в агитационных материалах: запрет привлекать лица, не достигших 18 лет; запреты на проведение предвыборной агитации органам при исполнении своих должностных обязанностей и положений.

В то же время понятие «информирование» раскрывается в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ, который определяет информацию как сведения независимо от формы их представления, а также закрепляет категории предоставления и распространения информации [1].

Таким образом, информирование избирателей в сети «Интернет» охватывает распространение сведений, не направленных на формирование предпочтений избирателей, но граница между информированием и агитацией оказывается размытой.

Действующее избирательное законодательство и разъяснения Центральной избирательной комиссии РФ не устанавливают специальных требований к агитационным материалам, распространяемым в сети «Интернет». Ю.Я. Дубровина подчёркивает, что отсутствие нормативной определённости проявляется, в вопросах правовой квалификации информации, размещаемой на личных страницах кандидатов и политических партий в сети «Интернет», включая фотографии, видеоролики, обращения и иные высказывания [6].

Стоит отметить, что закон предоставляет право распространять агитационные материалы в сети «Интернет», при условии их изготовления за счёт средств избирательного фонда. Требования об информации с расценками распространяются на организации, которые изготавливают печатные материалы, что порождает вопрос о допустимости самостоятельного изготовления кандидатами аудиовизуальных материалов и их размещения на персональных Интернет-ресурсах.

Права избирательных комиссий всех уровней по контролю за агитационными материалами, размещенными в сети «Интернет» были расширены, распространяясь только на те сетевые издания, которые зарегистрированы. Комиссии вправе обращаться в Роскомнадзор с представлением о пресечении распространения агитационных материалов и иной информации, нарушающей законодательство [7].

Вместе с тем предвыборная интернет-агитация активно осуществляется и через ресурсы, не зарегистрированные в качестве СМИ, включая «новостные агрегаторы». Новостным агрегатором является программа для электронных вычислительных машин, которая используется для обработки и распространения новостной информации в сети «Интернет» на государственном языке Российской Федерации, на котором может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания

потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более одного миллиона пользователей сети «Интернет» [10].

Признание того или иного ресурса в сети «Интернет» в качестве новостного агрегатора находится в ведении Роскомнадзором, который обязан вести соответствующие реестры таких ресурсов в сети «Интернет».

Н. Ю. Турищева также указывает, что распространением предвыборной агитации выступают «новые медиа» – персональные сайты, блоги, мессенджеры и поисковые системы. При этом порядок размещения агитационных материалов в социальных сетях в значительной степени выпадает из сферы действия избирательного законодательства, поскольку социальные сети не отнесены к средствам массовой информации [9]. Трушкин С.В. считает, что агитационные мероприятия участников избирательных кампаний становятся причиной взаимных претензий, требующих участия соответствующих комитетов избирательных комиссий разных уровней, а периодически и судебных органов» [8].

Разграничение предвыборной агитации и информирования избирателей получило закрепление в актах Верховного Суда РФ, согласно которым, в отличие от агитации информирование не преследует цель побудить избирателей к голосованию за конкретного кандидата, список кандидатов либо против них, а также к поддержке или отклонению вопросов, выносимых на референдум [3].

Таким образом, ключевым критерием разграничения указанных форм деятельности выступает наличие либо отсутствие специальной цели воздействия на волеизъявление избирателей.

В научной литературе обращается внимание на трансформацию предпочтений избирателей в части каналов получения информации о выборах. Так, Ю. П. Денисов, Е. С. Стаурский и С. С. Стаурский, опираясь на результаты социологического опроса студенческой молодёжи, отмечают выраженную ориентацию молодых избирателей на электронные формы информирования [5]. Подавляющее большинство опрошенных предпочло получение информации о выборах в цифровом формате, при этом наиболее удобными способами информирования были названы смс-уведомления, электронная почта и уведомления через интернет-платформы.

Одновременно результаты опроса свидетельствуют о наличии возрастных различий в предпочтениях каналов информирования: если молодые избиратели ориентированы преимущественно на цифровую среду, то, по их оценке, старшее поколение в большей степени предпочитает личное общение с представителями избирательных комиссий. Указанные данные подтверждают тенденцию постепенного смещения акцента в сторону использования интернет-технологий в системе информационного обеспечения выборов и обосновывают актуальность их дальнейшего развития в практике деятельности Центральной избирательной комиссии Российской Федерации.

В этой связи вышеназванные авторы указывают на необходимость совершенствования правового регулирования информирования избирателей, в том числе посредством уточнения статуса кандидатов, более чёткой регламентации механизмов информирования, а также введения административной ответственности за нарушения в данной сфере.

Анализ норм избирательного законодательства позволяет сделать вывод, что под информированием избирателей понимается распространение сведений о ходе подготовки и проведения выборов, порядке осуществления избирательных действий, кандидатах и избирательных объединениях. При этом законодатель допускает использование различных форм распространения такой информации, включая интервью, публикации в средствах массовой информации и сообщения о предвыборных мероприятиях.

С точки зрения судебной практики единые правила использования сети «Интернет» в целях предвыборной агитации отсутствуют. Как правило, суды избегают комплексной оценки интернет-агитации, однако при необходимости рассмотрения соответствующих споров ограничиваются анализом отдельных аспектов правоотношений. В частности, сеть «Интернет» рассматривается судами преимущественно как источник информации, используемой в агитационных материалах, без оценки достоверности первоисточника либо ответственности владельцев Интернет-ресурсов. При этом в рамках рассмотрения дел суды, как правило, не придают значения наличию либо отсутствию у соответствующего Интернет-ресурса статуса средства массовой информации [4].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в условиях цифровизации избирательного процесса разграничение предвыборной агитации и информирования избирателей в сети «Интернет» остаётся дискуссионной проблемой правоприменения. Несмотря на наличие в избирательном законодательстве и разъяснениях судов РФ формального критерия разграничения, основанного на целевой направленности соответствующей деятельности, его применение в интернет-среде сталкивается с затруднениями.

Специфика сети «Интернет» как коммуникационного пространства - многообразие форм распространения информации, размытость статуса информационных ресурсов и активное использование личных страниц кандидатов и политических партий приводит к стиранию границы между информированием и агитацией.

В этой связи представляется вывод о необходимости дальнейшего развития и уточнения правового регулирования предвыборной агитации и информирования в сети «Интернет». Целесообразно урегулировать вопросы, связанные с местом распространения агитационных материалов в сети: на личных страницах кандидатов и политических партий, участвующих в избирательной кампании, независимо от количества их подписчиков. Материалы, предоставлять в избирательные комиссии до момента публикации, а также расширить перечень организаций, включив в него не

только организации, изготавливающие печатную продукцию, но и организации, способные создавать аудиовизуальный контент, который распространяется в сети «Интернет».

Реализация указанных мер будет способствовать обеспечению баланса между свободой политической коммуникации и эффективной защитой избирательных прав граждан.

Список литературы

1. [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»](#) // СЗ РФ. 2006. № 31
2. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 г. Москва 27 июня 2023 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/32602/> (дата обращения: 15.01.2026).
4. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 11.
5. Денисов Ю.П., Стаурский Е.С., Стаурский С.С. Административно-правовые аспекты информирования избирателей в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2024. № 3. // [Электронный ресурс] - Режим доступа URL: ЭБС «КиберЛеника» <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovye-aspekty-informirovaniya-izbirateley-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 15.01.2026).
6. Дубровина Ю.Я. Современные механизмы защиты избирательных прав при проведении агитации в сети интернет 2022 // [Электронный ресурс] - Режим доступа URL: ЭБС «КиберЛеника» <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-mehanizmy-zaschity-izbiratelnyh-prav-pri-provedenii-agitatsii-v-seti-internet> (дата обращения: 15.01.2026).
7. Суркова О.Е. Предвыборная агитация в сети «интернет»: проблемы правового регулирования. Международный научно-исследовательский журнал International research journal. 2021. // [Электронный ресурс] - Режим доступа URL: ЭБС «КиберЛеника» <https://cyberleninka.ru/article/n/predvybornaya-agitatsiya-v-seti-internet-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 15.01.2026).
8. Трушкин С.В. Предвыборная агитация. Избегаем нарушений на практических примерах // Выборы: теория и практика. - 2020. - № 1. - С. 57.
9. Турищева, Н.Ю. Агитация в сети Интернет: в поисках характеристик новой среды // Н.Ю. Турищева // Государство и право. - 2020. - № 9. – С.52.
10. О внесении изменений в Справочно-методический материал по некоторым вопросам использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для информационного обеспечения выборов. 01 ноября 2017 г. № 108-1-7. [Электронный ресурс]. - Режим доступа URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/vypiski-iz-protokolov/28877/> (дата обращения: 15.01.2026).

Об авторе:

ВОРОБЬЁВ Артём Владимирович – студент 1 курса аспирантуры юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция, e-mail: avvorobev1@edu.tversu.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Е.Н. Галахов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье рассматриваются нормы действующего законодательства, регулирующие выполнение педагогическими работниками трудовых обязанностей в условиях совместительства должностей. Особое внимание уделяется выявленным недостаткам правового регулирования и предлагаются конкретные меры по их устранению.

Ключевые слова: работа по совместительству; педагогический работник; гарантии трудовых прав.

В рамках государственной политики, направленной на повышение уровня образования и улучшение качества жизни граждан, особое внимание уделяется защите и реализации трудовых прав работников образовательной сферы. Это касается как учреждений начального и среднего профессионального образования, так и дошкольных, общеобразовательных и дополнительных образовательных учреждений для детей, а также других детских организаций.

Обеспечение и реализация трудовых прав педагогов — приоритетное направление, поскольку ориентировано на повышение грамотности населения, что вследствие ведет к увеличению социальной стабильности общества, развитию инновационных подходов в различных сферах жизнедеятельности граждан и укреплению основ государственного устройства.

Необходимым условием для реализации вышеизложенных задач является обеспечение соблюдения достойного уровня гарантий трудовых прав педагогических работников, исключающих двойное толкование норм материального права закрепляющие указанные гарантии.

В настоящее время особенно актуальна проблема правового регулирования работы по совместительству и обеспечения гарантий для педагогических работников, которые осуществляют свою трудовую деятельность на одного и того же работодателя как на основной должности, так и по совместительству.

В соответствии с международными стандартами и действующим законодательством, основополагающим аспектом трудовой деятельности является обеспечение каждому работнику надлежащих условий труда.

Трудовое законодательство квалифицирует совместительство как выполнение работником дополнительной регулярной оплачиваемой трудовой функции на основании отдельного трудового договора в свободное от основной трудовой деятельности время [1, ст.60.1].

Работник имеет право заключать трудовые договоры о выполнении работы по совместительству с неограниченным числом работодателей, если это не противоречит федеральному законодательству.

Работа по совместительству может выполняться работником как на основном месте работы, так и у иных работодателей.

Для педагогических работников могут быть установлены особые правила работы по совместительству, которые дополняют общие положения, закрепленные в Трудовом кодексе Российской Федерации и других федеральных законах. Эти специальные нормы могут быть определены Правительством Российской Федерации.

Педагогические работники имеют право осуществлять трудовую деятельность по совместительству при условии, что это не препятствует выполнению их обязанностей по основной должности в образовательной организации. Данное положение регулируется Постановлением Министерства труда Российской Федерации от 30 июня 2003 года № 41. Педагоги могут выполнять дополнительную оплачиваемую работу в свободное от основных учебных занятий время. При этом совместительство может осуществляться как в той же образовательной организации, где они работают по основному месту, так и в других учреждениях. Важно, чтобы характер дополнительной работы был аналогичен основной или предполагал сокращенное рабочее время. Однако существуют виды деятельности, которые педагогическим работникам запрещено совмещать с основной работой. Это касается случаев, когда выполнение дополнительных обязанностей может повлечь за собой нарушение законодательства, норм охраны труда, а также требований, связанных с состоянием здоровья работников [2].

Время работы по совместительству для указанных категорий сотрудников в течение месяца определяется по договорённости между работником и работодателем. При этом оно не должно превышать:

- для педагогических работников— половины месячной нормы рабочих часов, рассчитанной исходя из установленной продолжительности рабочей недели;

- для педагогических работников, если половина их месячной нормы по основной работе составляет менее 16 часов в неделю, — 16 часов в неделю.

В пункте 2 Постановления Министерства труда Российской Федерации от 30 июня 2003 года № 41 определено, что педагогическим работникам не требуется заключение трудового договора и оформление совместительства при выполнении ими дополнительных педагогических обязанностей с оплатой труда в пределах одного и того же образовательного учреждения. Данная норма вызывает правовые споры и может рассматриваться как дискриминационная по отношению к работникам, осуществляющим свою трудовую деятельность в порядке внутреннего совместительства должностей.

Пункт 2 Постановления Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41 допускает двойную трактовку, ограничивая права педагогических работников-совместителей на гарантии, такие как ежегодный оплачиваемый отпуск,

оплата труда не менее МРОТ и другие, предусмотренные трудовым законодательством.

В связи с особым статусом педагогических работников и их важной ролью в обществе, для них установлены специальные нормы рабочего времени. Согласно статье 33 Трудового кодекса РФ, педагоги могут работать не более 36 часов в неделю.

Продолжительность рабочего времени (нормы часов педагогической нагрузки за ставку заработной платы), порядок определения учебной нагрузки в трудовом договоре, включая основания для её изменения и максимальный объём учебной нагрузки, зависят от должности и (или) специальности педагогов. Эти аспекты регулируются федеральным органом, отвечающим за государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере высшего образования, для профессорско-преподавательского состава. Для остальных педагогических работников эти вопросы находятся в ведении другого федерального органа, выполняющего аналогичные функции в области общего образования, в частности Министерства Образования Российской Федерации и его территориальных органов.

Ввиду вышеизложенного норма рабочего времени педагогического работника включает в себя норму часов педагогической работы за ставку заработной платы и иную работу не входящую в педагогическую нагрузку, которые неразрывно связаны между собой и находятся в причинно-следственной связи.

Объём учебной нагрузки определяется как количество часов, отведенных на выполнение преподавательской работы в процессе взаимодействия с обучающимися. Это включает учебную деятельность, установленную учебным планом (или индивидуальным учебным планом), а также текущий контроль успеваемости, промежуточную и итоговую аттестацию обучающихся. Данное определение следует из пункта 1.2 Порядка определения учебной нагрузки [3].

Под иной работой понимается время, затрачиваемое на выполнение различных должностных функций, таких как воспитательная, научная, творческая деятельность, а также индивидуальная работа с учащимися и другие подобные задачи. Эти обязанности определяются квалификационными требованиями в зависимости от должности, которую занимает педагогический сотрудник.

Пункт 2 Постановления Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41 не уточняет, в течение какого времени работник должен выполнять педагогическую работу с дополнительной оплатой в одном и том же учреждении, если это не оформляется как совместительство. На практике может возникнуть ситуация, когда работник, закончив свои основные обязанности, возвращается в ту же организацию для выполнения педагогической работы уже после окончания установленного рабочего времени. В таком случае работодатель может привлекать работника за пределами его основной занятости без оформления трудового договора о совместительстве. Это позволяет работодателю избегать

надлежащего оформления и оплаты, а также не предоставлять работнику положенный отдых, что противоречит основным принципам гарантий, включая оплату труда и соблюдение режима труда и отдыха.

Тем самым правовая неопределенность порождает почву для злоупотребления правом со стороны работодателя, дав ему возможность самостоятельно установить размер доплаты за выполненную работником работу за пределами установленной для него нормы, который может быть существенно ниже гарантированного законодательством в случае надлежащего оформления совместительства, а также уклониться от предоставления гарантий предусмотренных ТК РФ.

Помимо возникновения возможности злоупотреблений правом со стороны работодателя, так же возникает опасность создания дискриминационных ситуаций по вопросу в том числе оплаты труда и предоставления гарантий предусмотренных требованиями трудового законодательства.

Например, два работника один из которых осуществляет трудовую деятельность в организации в порядке внутреннего совместительства, другой работающий по той же должности в порядке внешнего совместительства отработавшие в одинаковых условиях труда, с равной производительностью труда и отработавшие аналогичную норму рабочего времени получают разный объем гарантий, а также размер оплаты труда, что в силу требований ст. 132 ТК РФ является недопустимым и порождает дискриминацию по отношению к работнику, работающему на условиях внутреннего совместительства, поскольку не подразумевает заключение с таким работником трудового договора, а следовательно дает работодателю возможность установить конкретную сумму за выполненный объем работы.

Правовая неопределенность п. 2 Постановления Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41 носит грубый характер и может повлечь за собой значительные последствия для работников, поскольку лишает их гарантий предусмотренных Конституцией Российской Федерации и обязательными требованиями трудового законодательства возникающих у совместителей на основании заключенного с ними трудового договора, к числу которых в том числе относится установление размера заработной платы за труд равной ценности, предоставление времени отдыха, оплаты листка нетрудоспособности и другие.

В связи с чем для устранения возникшей коллизии целесообразно внести корректировку в п. 2 Постановления Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41 дополнив его фразой «в рамках установленной для работника продолжительности рабочего времени по основному месту работы» и изложить в следующей редакции «Для указанных в пункте 1 настоящего Постановления категорий работников не считаются совместительством и не требуют заключения (оформления) трудового договора работы произведенные в рамках установленной для работника продолжительности рабочего времени по основному месту работы».

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // URL: СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановлением Минтруда РФ от 30.06.2003 № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры» // URL: СПС «КонсультантПлюс».

3. Приказ Минобрнауки России от 11.04.2025 N 335 «О продолжительности рабочего времени педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и о порядке определения учебной нагрузки указанных работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях ее изменения и случаях установления верхнего предела учебной нагрузки» // URL: СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ГАЛАХОВ Егор Николаевич – аспирант второго года обучения 2 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», направление научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно правовые) науки

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Д.Н. Кряков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В статье анализируются понятия международных и внешнеэкономических связей. Также раскрыты их содержания и взаимосвязь между ними. В статье обозначены пробелы действующего законодательства и сформулированы рекомендации по его совершенствованию.

***Ключевые слова:** международные и внешнеэкономические связи, органы местного самоуправления, муниципальное право.*

Международная и внешнеэкономическая деятельность государства, будучи одним из основополагающих векторов его внутренней и внешней политики, играет существенную роль в стабилизации национальной экономики.

Укрепление международных и внешнеэкономических отношений России открывает новые возможности для субъектов РФ и органов местного самоуправления в ряде предоставленных им национальным законодательством полномочий в сфере международного сотрудничества. Тем не менее, существующий в настоящее время уровень правовой регламентации, содержания рассматриваемых правоотношений не является достаточным.

По своей природе, международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления представляют собой составную часть государственных международных отношений и ключевой компонент региональной политики.

Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления заслуживают пристального внимания, как с практической точки зрения, так и с теоретической.

Важно подчеркнуть, что координация деятельности органов местного самоуправления в сфере международного сотрудничества осуществляется нормативно-правовыми актами государства. Так, источниками регулирования международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления являются: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, постановления Правительства РФ, указы президента РФ, законы субъектов РФ, нормативно-правовые акты муниципальных образований.

Как отмечает Д.Г. Маслов: «международное экономическое сотрудничество – широкое понятие, включающее в себя различные аспекты внешнеэкономических связей (ВЭС) и внешнеэкономической деятельности (ВЭД)» [4].

В Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2], которым первоначально регулируются международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления, отсутствует определение понятия международных и внешнеэкономических связей.

Обращаясь к Федеральному закону от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [3], следует указать, что под международными и внешнеэкономическими связями субъектов Российской Федерации понимаются осуществляемые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и в иных областях связи с иностранными партнерами. Поскольку в данном случае законодатель не дифференцирует понятия «международных» и «внешнеэкономических» связей, возникает вопрос относительно их тождественности.

В трудах российских ученых дается более широкое понятие внешнеэкономических связей. Так, Е.А. Царевская под внешнеэкономическими связями понимает: «совокупность направлений, форм, методов и средств торгово-экономического, научно-технического сотрудничества, а также денежно-кредитных отношений между странами с целью рационального использования преимуществ международного разделения труда, возможностей международных экономических отношений для повышения экономической эффективности экономической, предпринимательской деятельности» [5].

Важно отметить, что исходя из приведенных толкований понятий международных и внешнеэкономических связей, определить сферы общественных отношений, в рамках которых органы местного самоуправления РФ имеют полномочия на самостоятельное решение вопросов и объем осуществления таких связей представляется невозможным.

Кроме того, нужно указать, что органы местного самоуправления не являются традиционными субъектами международного права по причине того, что они не имеют политической самостоятельности. Однако, при исследовании деятельности органов местного самоуправления по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей, необходимо отметить, что они наделены специфической международной правосубъектностью.

С предоставлением органам местного самоуправления полномочий в сфере международной и внешнеэкономической деятельности возникает ряд существенных вопросов. Так, в настоящее время законодательством не определены объем и пределы международной правосубъектности органов местного самоуправления, их правовой статус на международной арене, также не установлена степень ответственности.

Согласно статье 2 Венской конвенции о праве международных договоров [1], под договором понимается: «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным

правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

Анализируя положения Венской конвенции о праве международных договоров очевидным является то, что право на заключение международных договоров предоставлено сугубо субъектам международного права, что непосредственно исходит из определения международного договора, в таком случае субъектом международного права является само государство, органы местного самоуправления таковыми не являются. Указанное также свидетельствует о том, что органы местного самоуправления, осуществляя международные связи, в соответствии с международным и национальным законодательством, вправе заключать соглашения, но не договора.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что под соглашениями органов местного самоуправления РФ, заключаемых с органами местного самоуправления иностранных государств, понимаются международные документы, подписанные участниками международных связей на муниципальном уровне, где определены основные направления сотрудничества. Указанные соглашения не обладают статусом международных договоров, и их юридическая сила ограничена территорией муниципальных образований, заключивших данные соглашения.

Во избежание двусмысленности в понимании международных и внешнеэкономических связей, необходимо разработать единую концепцию. Важным представляется закрепить законодательно определения понятий «международные связи» и «внешнеэкономические связи», при этом необходимо установить четкие границы полномочий по их реализации для Российской Федерации, субъектов РФ и органов местного самоуправления. Это, в свою очередь, позволит определить конкретные сферы, в которых органы местного самоуправления будут обладать правом на самостоятельное принятие решений.

Укрепление внешнеэкономических и международных отношений на уровне муниципальных образований, их четкая правовая регламентация, безусловно, открывает новые возможности для эффективного решения целого ряда вопросов, относящихся к компетенции органов местного самоуправления.

Список литературы

1. «Венская Конвенция о праве международных договоров» (Заключена в Вене 23.05.1969) // «Ведомости ВС СССР» 1986. № 37. Ст. 772.
2. Федеральный закон от 20.03.2025 №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 20 марта 2025 г. №0001202503200023
3. Федеральный закон от 04.01.1999 № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 11 января 1999 г. № 2 ст. 231

4. Маслов Д. Г. Организация и техника внешнеэкономической деятельности : учеб.-метод. пособие : в 2 ч. / отв. ред. С. Г. Михнева, Д. Г. Маслов. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017 – Ч. 1.С.324.

5. Царевская Е.А. Организация и управление внешнеэкономической деятельностью: Сборник учебно-методических материалов для специальности 38.05.02 «Таможенное дело». Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2022. С.44.

Об авторе:

КРЯКОВ Денис Николаевич - аспирант 3 курса юридического факультета по научной специальности 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

АВТОМАТИЗАЦИЯ БЮДЖЕТНЫХ ПРОЦЕССОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

А.С. Кудинов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

Статья посвящена вопросам автоматизации бюджетного процесса на уровне местного самоуправления и анализу проблем правового обеспечения цифровизации финансовой деятельности муниципальных образований. В работе рассмотрены действующие нормы бюджетного законодательства РФ 2025–2026 гг., регулирующие применение цифровых технологий при формировании и исполнении местных бюджетов, а также изучена судебная практика, включая позиции Конституционного Суда РФ по вопросам финансового обеспечения муниципалитетов в условиях цифровизации. В выводах сформулированы предложения по совершенствованию законодательного и методического обеспечения цифровизации бюджетного процесса.

Ключевые слова: местный бюджет; цифровизация бюджетного процесса; Электронный бюджет; финансовый контроль; муниципальное образование; правовое регулирование.

Цифровая трансформация в сфере бюджетных отношений в России к 2026 году достигла этапа повсеместного внедрения. Ключевую роль играет государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет», создание которой было инициировано Распоряжением Правительства РФ № 1275-р от 20.07.2011 и запущено в промышленную эксплуатацию с 01.07.2015. Система «Электронный бюджет» представляет собой единый веб-портал (budget.gov.ru), обеспечивающий в режиме реального времени доступ ко всей необходимой информации о бюджетном процессе РФ, включая федеральный, региональный и местный уровни.

Бюджетный кодекс РФ также претерпел изменения, направленные на цифровизацию и централизацию бюджетных процессов. Так, Федеральный закон от 27.12.2019 № 479-ФЗ внес существенные поправки в БК РФ в части казначейского обслуживания – был реализован принцип единого казначейского счёта и интеграции всех уровней бюджетов в общую систему казначейских платежей [4]. Эти изменения обязали муниципальные образования проводить операции по своим бюджетам через федеральное казначейство, используя электронные инструменты, что обеспечило большую прозрачность, но одновременно повысило зависимость муниципальных финансовых органов от централизованных информационных систем. В самой структуре Бюджетного кодекса появились нормы о ГИИС «Электронный бюджет» (ст. 168.8 БК РФ), устанавливающие требования к этой системе и порядку размещения в ней данных [3]. Таким образом, к 2025 году федеральное законодательство сформировало базис, обязывающий все уровни

власти пользоваться едиными цифровыми решениями при управлении финансами.

Конституционно-правовой фундамент также задаёт рамки для рассматриваемых процессов. В соответствии с ч. 1 ст. 132 Конституции РФ местное самоуправление самостоятельно управляет муниципальной собственностью, формирует, утверждает и исполняет местный бюджет [1]. Поправки 2020 года дополнили эту норму указанием на единство публичной власти, создав новую модель взаимодействия государства и муниципалитетов. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» развил эти положения, предусмотрев возможность участия органов МСУ в общегосударственных проектах и информационных системах при сохранении гарантий самостоятельности. В п. 4 ст. 4 закона № 33-ФЗ написано, что актами субъектов РФ могут регулироваться вопросы дистанционного взаимодействия органов власти и МСУ в случаях, установленных федеральными законами [5]. Это создает основу для регионального нормотворчества в сфере цифровизации бюджета.

На уровне субъектов Российской Федерации принимаются собственные нормативные акты, направленные на цифровое развитие. Например, в Тверской области действует государственная программа «Цифровое развитие и информационные технологии на 2022–2027 годы», одним из направлений которой является цифровизация бюджетного процесса. Закон Тверской области от 18.01.2006 № 13-ЗО «О бюджетном процессе в Тверской области» с последними изменениями закрепляет порядок составления, рассмотрения, утверждения и исполнения областного бюджета и бюджетов муниципальных образований региона, и в него были внесены поправки, учитывающие применение информационных систем (например, установлены требования размещать проекты местных бюджетов и отчёты о их исполнении в системе «Электронный бюджет») [6].

Тверская область относится к числу регионов, активно внедряющих цифровые решения в бюджетной сфере муниципальных образований. В регионе выстроена система, при которой муниципалитеты используют федеральную платформу «Электронный бюджет» для формирования и исполнения местных бюджетов и бюджетных смет. Бюджетный процесс осуществляется с применением ГИИС «Электронный бюджет» и интегрированных систем электронного документооборота, что охватывает стадии составления проектов бюджетов, внесения изменений и подготовки бюджетной отчетности. Использование цифровых инструментов повысило прозрачность управления муниципальными финансами и обеспечило доступность бюджетных данных через Единый портал бюджетной системы Российской Федерации.

Одним из результатов цифровизации является интеграция системы электронного бюджета с региональной платформой «Мониторинг муниципальных финансов». Данный модуль агрегирует ключевые показатели

исполнения бюджетов городских округов и муниципальных округов Тверской области и визуализирует их. Таким образом регион может оперативно выявлять проблемные зоны (например, падение поступлений НДФЛ в конкретном районе) и адресно помогать муниципалитетам.

Внедрение цифровых решений в бюджетной сфере муниципалитетов Тверской области сопровождается рядом организационных и технических вызовов. Муниципальные органы сталкиваются с необходимостью повышения квалификации сотрудников для работы в информационной системе «Электронный бюджет», а также с требованиями к обеспечению устойчивого интернет-соединения, особенно в отдалённых территориях. Решение подобных вызовов осуществляется в рамках мероприятий по развитию цифровой инфраструктуры региона и профессиональной подготовки.

Стоит подчеркнуть, что Тверская область также уделяет внимание цифровизации финансового контроля. Контрольно-счётная палата региона внедрила систему электронного взаимодействия с муниципальными контрольными органами: акты проверок и аудиторские отчеты передаются через защищённый портал, ведётся единый реестр выявленных нарушений. Это облегчает анализ и позволяет сравнивать показатели эффективности бюджетных расходов между разными муниципалитетами. Более того, данные электронных систем используются при составлении ежегодного отчёта Правительства области о результатах деятельности, в том числе в части финансов (в отчет включены показатели цифровизации бюджетного процесса как одного из критериев эффективного управления).

Опыт Тверской области в цифровизации бюджетных и управленческих процессов выражается в использовании информационных систем бюджетного учета, таких как «Электронный бюджет», и в реализации региональной программы «Цифровое развитие и информационные технологии», утверждённой постановлением Правительства Тверской области № 260-пп от 13 мая 2025 года [7]. Эти меры способствуют повышению эффективности управления бюджетными ресурсами и интеграции автоматизированных решений в работу органов местной власти в регионе.

Несмотря на позитивные результаты, правовое обеспечение цифровизации бюджетного процесса сталкивается с рядом проблем, требующих решения на федеральном и региональном уровнях. Во-первых, возникает проблема разграничения ответственности между участниками бюджетного процесса при использовании единой информационной системы. Если местные бюджеты формируются и исполняются через федеральную платформу, то в случае технических сбоев или ошибок не сразу ясно, кто несёт ответственность – муниципалитет как непосредственный исполнитель бюджета или федеральный оператор системы (Федеральное казначейство). Данный вопрос близок по сути к тому, который рассматривал Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность возложения на муниципалитеты отдельных обязательств без должного финансирования. Так, в Постановлении КС РФ от

30.05.2023 № 27-П Суд отметил недопустимость возложения на органы МСУ новых обязанностей без обеспечения за счёт средств вышестоящих бюджетов [2]. По аналогии, можно утверждать, что возложение на муниципалитеты обязанности использовать сложные ИТ-системы в бюджетной сфере предполагает обеспечение им необходимой материально-технической помощи. Если же сбои системы приводят к финансовым потерям (например, несвоевременное финансирование расходных обязательств), должно быть ясное правовое решение о компенсации таких последствий за счёт уровня власти, ответственного за систему.

Также, существует проблема, связанная с обеспечением безопасности и конфиденциальности финансовой информации. Бюджетные данные муниципалитетов (особенно кассовые операции, платежные поручения) проходят через общенациональную инфраструктуру, что делает необходимым соответствие этой инфраструктуры строгим требованиям безопасности. Закон № 149-ФЗ об информации и подзаконные акты ФСТЭК и ФСБ РФ устанавливают обязательные меры защиты государственных информационных систем (классификация по уровню защищённости, аттестация системы и пр.). Практика показывает, что муниципалитетам сложно самостоятельно выполнить все требования – требуются централизованные решения. В рамках системы «Электронный бюджет» оператором безопасности выступает Федеральное казначейство, однако на местах всё равно должны соблюдаться регламенты по безопасному подключению (например, использование VPN-туннелей, двухфакторной аутентификации пользователей и т.д.). Нарушение этих требований может привести не только к утечкам данных, но и к искажению информации на портале.

Автоматизация бюджетных процессов на муниципальном уровне является необратимым элементом современной цифровой трансформации и способствует повышению прозрачности, подотчётности и эффективности управления, что подтверждается практикой применения системы «Электронный бюджет». Вместе с тем цифровизация затрагивает ряд правовых проблем, прежде всего связанных с распределением ответственности и финансового бремени между уровнями публичной власти. Конституционный Суд РФ последовательно указал на недопустимость возложения на органы местного самоуправления дополнительных обязанностей без соответствующего ресурсного обеспечения, что в полной мере применимо и к цифровым бюджетным платформам. В дальнейшем требуется правовое обеспечение баланса между едиными цифровыми стандартами и финансовой самостоятельностью местного самоуправления, прежде всего через механизмы софинансирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к

Конституции Российской Федерации) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений ряда нормативных правовых актов, возлагающих на органы местного самоуправления обязанности в сфере обращения с твёрдыми коммунальными отходами...» URL: <https://rg.ru/documents/2023/06/09/ksrf27.html> (дата обращения: 20.01.2026).

3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

4. Федеральный закон от 27.12.2019 № 479-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ в части казначейского обслуживания и системы казначейских платежей» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ст. 15.

5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 20.01.2026).

6. Закон Тверской области от 18.01.2006 № 13-ЗО «О бюджетном процессе в Тверской области» URL: <https://base.garant.ru/16310213/> (дата обращения: 20.01.2026).

7. Постановление Правительства Тверской области от 13.05.2025 № 260-пп «Об утверждении государственной программы Тверской области «Цифровое развитие и информационные технологии Тверской области»». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6900202505140009> (дата обращения: 20.01.2026).

Об авторе:

КУДИНОВ Алексей Сергеевич – аспирант 3 курса юридического факультета направления подготовки 5.1.2. Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ И ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ОКАЗАНИЮ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: НА ПРИМЕРЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.О. Некрасов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В настоящей статье исследуются особенности совместной реализации институтами государства и гражданского общества социальной функции по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, социальная функция, юридическая помощь, квалифицированная юридическая помощь.

Функция (лат. *functio* - совершение, исполнение) в науке социологии роль, выполняемая определенным элементом социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении целей и интересов социальных групп [5, с. 397]. Социальные функции с точки зрения государственно-правового регулирования можно обозначить как отношение государства к человеку через участие в развитии его сущностных сил, это политика государства в основных сферах общественной жизни [6, с. 27]. В этом смысле государство можно представить как исполнителя определенных возложенных на него общественных функций по содействию членам общества или обществу в целом как непосредственно, так и путем делегирования отдельных обязанностей и полномочий специальным государственным институтам.

При этом не все социальные функции могут и должны быть возложены на государство, – некоторые из них гражданское общество в целях контроля деятельности государства реализует самостоятельно – опять же, либо непосредственно, либо путем создания институтов гражданского общества. Как и государство, гражданское общество при реализации своих социальных функций содействует обществу или его отдельным членам, исполняя определенные обязанности и реализуя специальные полномочия.

Вместе с тем, большинство социальных функций не могут быть должным образом реализованы единолично государством и гражданским обществом – их исполнение требует определенного комплаенса между государственными органами и институтами гражданского общества. Интересным в данном контексте представляется взаимоотношение государственной социальной функции осуществления правосудия и социальной функции гражданского общества по оказанию квалифицированной юридической помощи лицам, которым такая помощь требуется в связи с их участием в процессе осуществления правосудия по гражданским, административным и уголовным делам.

Статьей 48 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) в ч. 1 гарантировано право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (которая может быть бесплатно в предусмотренных законом случаях). Конституция РФ в ч. 2 указанной статьи отдельно устанавливает право каждого в рамках уголовного преследования пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Так, каждому субъекту уголовного преследования, а также участникам иных видов судопроизводства в судах общей юрисдикции в установленных соответствующим процессуальным законом случаях предоставляется право на получение квалифицированной юридической помощи. Данное право включает в себя в первую очередь оказание юридической помощи в виде представительства лица в юрисдикционных органах (суде, органах предварительного следствия и иных) уполномоченным на это специальным субъектом. Квалифицированная юридическая помощь может быть оказана лицу как на основании заключения этим лицом соглашения (договора) с субъектом, уполномоченным на оказание такой помощи, так и при назначении судом или иным органом адвоката.

Основным институтом, на который возлагается функция по оказанию квалифицированной юридической помощи гражданам является адвокатура: защитником в уголовном процессе в первую очередь выступает адвокат (ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]; представителем по назначению в гражданском процессе также выступает адвокат (ст. 50 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации [3]; представителем по административному делу может быть только лицо, имеющее высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, например, адвокат (ст. 55 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [4] (далее – КАС РФ), адвокат может быть также назначен в установленных КАС РФ случаях (ч. 4 ст. 54 КАС РФ).

При этом оказание квалифицированной юридической помощи в цивилистическом процессе достаточно многогранно: например, в случае, когда местонахождение ответчика (административного ответчика) в гражданском и административном судопроизводстве не может быть установлено, ввиду чего суд назначает ему адвоката, что одновременно свидетельствует как о защите прав и законных интересов ответчика путем возражения против предъявленных требований для предотвращения злоупотреблений со стороны истца, так и о обеспечении интереса истца в рассмотрении его исковых требований. Это связано с тем, что без назначения адвоката при невозможности установить местонахождение ответчика и известить его в установленном процессуальным законом порядке, суд не смог бы законно рассмотреть дело и постановить обоснованное решение, поскольку ответчику не была бы предоставлена возможность участвовать в судопроизводстве или даже проявить процессуальную пассивность путем

игнорирования судебных извещений и неявки в судебные заседания. Фактически в данном случае ответчик становится лишен возможности избрать свое процессуальное поведения при наличии у истца данной возможности в полной мере, что явилось бы нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. С другой стороны, благодаря участию адвоката по назначению в таком процессе одновременно реализуется интерес истца в разрешении гражданско-правового или административного спора по его иску, интерес ответчика в подаче каких-либо возражений относительно заявленных требований и функция государства по отправлению правосудия в соответствии с установленными общеправовыми и процессуальными принципами права и процесса, установленными в Конституции РФ и федеральных законах.

Заслуживают внимания также иные случаи назначения адвоката ответчику в административном судопроизводстве. Так, КАС РФ предусматривает назначение адвоката несовершеннолетнему, в отношении которого подано административное исковое заявление о помещении в центр временного содержания (ч. 3 ст. 285.9 КАС РФ) либо административное исковое заявление, связанное с пребыванием в учебном учреждении закрытого типа (ч. 6 ст. 285.16 КАС РФ), если у суда отсутствуют сведения о наличии у несовершеннолетнего представителя (в том числе законного представителя), а также при отсутствии у гражданина, в отношении которого решается вопрос о госпитализации в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке, представителя (ч. 6 ст. 277 КАС РФ). В данном случае закон устанавливает императивные правила рассмотрения административных дел, связанных с недобровольным пребыванием граждан в специальных учреждениях, с участием адвоката, который оказывает этим лицам квалифицированную юридическую помощь для содействия в защите их прав и законных интересов. Обозначенные лица могут находиться в достаточно уязвимой позиции в связи с их возрастом (несовершеннолетием) или состоянием здоровья и сознания, которое может не позволять им в полной мере осуществлять свои процессуальные права при решении вопроса о госпитализации в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке. Таким образом законодатель установил гарантию защиты прав и законных интересов лиц, находящихся в уязвимом состоянии в целях укрепления состязательности и равноправия сторон (ст. 14 КАС РФ) в отдельных видах административного судопроизводства.

Похожим образом реализуется и оказание квалифицированной юридической помощи в рамках уголовного преследования: государство в лице суда, органов предварительного расследования и прокуратуры имеет интерес в осуществлении уголовного процесса в полном согласии с установленными нормами права, которыми, в частности, предусмотрены принципы законности и процессуального равенства и право на защитника для субъекта уголовного преследования. С другой стороны, субъект уголовного преследования,

зачастую не имеющий специальных познаний в юриспруденции и юридического образования, имеет интерес в том, чтобы его права защищались лицом, имеющим такое образование и соответствующие познания при использовании специальных средств – сопровождении допросов, подачей заявлений, ходатайств, возражений, жалоб, последующем участии в уголовно судопроизводстве – для эффективной защиты его прав и законных интересов при предварительном расследовании и отправлении правосудия по уголовным делам. Таким образом создается особый баланс в рамках уголовного преследования: защита прав и законных интересов преследуемого лица защищается адвокатом – профессиональным субъектом, который на основании соглашения или по назначению действует в интересах этого лица с целью недопущения принятия необоснованных, незаконных и несправедливых решений со стороны юрисдикционных органов и суда. Конечной целью адвоката в данном случае является достижение процессуального результата, который отвечает позиции его доверителя, требованиям законности и справедливости. Более того, в случае назначения адвоката расходы на оплату его услуг несет государство, что позволяет лицу, у которого нет достаточных средств на оплату услуг адвоката, иметь доступ к его помощи.

В этом смысле реализация государственной социальной функции отправления правосудия становится взаимосвязанной с социальной функцией гражданского общества – оказанием квалифицированной юридической помощи членам общества в юрисдикционных процедурах правового характера: предварительном расследовании и содействии в надзоре за ним, а также судопроизводстве. Государство в лице юрисдикционных органов не может осуществлять уголовное преследование в нарушение закона, т.е. не назначая адвоката в том случае, если привлекаемое лицо не отказывается от адвоката, тогда как привлекаемое лицо получает доступ к специальным знаниям и умениям адвоката для поддержки своей процессуальной позиции.

Резюмируя результаты проведенного исследования необходимо заключить, что отправление правосудия институтами судебной системы государства является его социальной функцией, заключающейся в разрешении гражданских, административных, уголовных дел и дел при производстве по административным правонарушениям, что включает в себя рассмотрение дела и вынесение решения в нормативно установленном процессуальном порядке. В свою очередь социальная функция гражданского общества по оказанию квалифицированной юридической помощи является собой оказание профессиональным субъектом содействия лицу, в отношении которого ведется юрисдикционное производство, в защите его прав и законных интересов.

Взаимозависимость отправления правосудия и оказания квалифицированной юридической помощи определяется тем, что законодательство закрепляет определенные требования к проведению председательствующим судьей судебного заседания, которые в определенных

случаях прямо предусматривают назначение адвоката в случае заявления лицом ходатайства о его назначении (например, административным истцом или лицом, в отношении которого ведется уголовное преследование) или даже в том, случае, если такое ходатайство не может быть заявлено (невозможность установления места жительства ответчика в гражданском судопроизводстве).

Таким образом реализуется интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности в получении доступа к специальным познаниям и умениям адвоката для более эффективного отстаивания своей процессуальной позиции, интерес государства в отправлении правосудия в соответствии с законом. Также реализуется презюмируемый интерес ответчика, чье место жительства не может быть установлено, в подаче возражений на заявленные иски требования. Назначение лицу в установленных законом случаях адвоката в качестве представителя или защитника фактически является одной из гарантий реализации принципов процессуального равенства, состязательности сторон и законности в юрисдикционном процессе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru), 06.10.2022 г., № 0001202210060013;

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ от 24.12.2001 г. № 52 (часть I) ст. 4921;

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 15 декабря 2025 г.) // СЗ РФ от 18.11.2002 г. № 46 ст. 4532;

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ от 09.03.2015 г. № 10 ст. 1391;

5. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках // Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА • М), 2000. 488 с.;

6. Шарков А.В. Социальная функция государства: философский анализ проблемы: монография. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018 г. 211 с.

Об авторе

НЕКРАСОВ Виктор Олегович – аспирант 2 года обучения Тверского государственного университета направления подготовки 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nekrasov.viktor.olegovich@gmail.com

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.А. Потахов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель: д.ю.н., профессор В.И. Крусс

В статье рассматривается место и роль адвокатуры как института гражданского общества в конституционно-правовом государстве. На основе анализа научных источников определяется конституционно-правовая роль адвокатуры в реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в актуальных условиях становления в России гражданского общества.

Ключевые слова: адвокатура, юридическая помощь, гражданское общество, институты гражданского общества, права и свободы человека.

Важную роль в оказании населению квалифицированной юридической помощи, защите прав и свобод человека и гражданина в современной России, играет адвокатура, организация и деятельность которой строится на основе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации (далее ФЗ «Об адвокатуре»)» [1], Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [2], провозглашает права и свободы человека высшей ценностью. Их защита профессиональным сообществом адвокатов путем оказания гражданам квалифицированной юридической помощи является обеспечением и выполнением адвокатурой положений Конституции и прямой реализацией их в жизнь. «Если прокуратура – адвокат государства, то адвокатура – защитник гражданского общества». [4; 10]

В этой связи можно сказать, что адвокатура является важным конституционным правозащитным институтом в системе гарантирования защиты конституционных прав и свобод, а также в создании условий их последовательной реализации, так как зафиксированное в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе в некоторых случаях бесплатно, и ФЗ «Об адвокатуре» существенно расширили сферу действия адвокатуры, повысив ее роль и значение как корпорации независимых адвокатов и института гражданского общества (ст. 3 ФЗ «Об адвокатуре»).

Адвокатура, рассматриваемая как профессиональное сообщество адвокатов, выполняющее правозащитную деятельность, в современных условиях выступает важным институтом, благодаря которому гражданское общество должно защищать себя, оказывая в необходимых случаях помощь и государственным органам, а также контролируя государственную и судебную власть в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В то же время, защищают эти права и свободы, а также обеспечивают законность и правопорядок в первую очередь государственные правоохранительные органы, в недалеком прошлом тесно контактировавшие с общественностью (добровольными народными дружинами, товарищескими судами и т.п.).

Анализ современного российского законодательства и правоприменительной практики позволяет констатировать, что адвокатура, являясь сообществом адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность путем реализации на профессиональной основе квалифицированной юридической помощи, официально признана государством одним из наиболее значимых публичных институтов гражданского общества. В условиях современной России адвокатура способна через своих членов осуществлять защиту конституционных прав самостоятельно и информировать об их нарушении общество через органы управления адвокатского сообщества. Это значит, что кроме органов правопорядка контроль над соблюдением всеми государственными чиновниками конституционных прав может осуществлять и адвокатура как общественный квалифицированный контролер.

Поэтому сегодня необходимо выработать единые критерии и определить круг общественных отношений, входящих в сферу регулирования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, соответствующих их истинной конституционно-правовой и социальной природе. Особенно важно определить роль и место института адвокатуры современной России в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод граждан и организаций как института гражданского общества.

По нашему мнению, требуется разграничить виды деятельности, выполнение которых возложено исключительно на адвоката, от видов деятельности, выполняемых адвокатурой, функционирующей одновременно в двух проявлениях: сообщества и института. Следует признать субъектом правозащитной деятельности адвокатуру в целом как адвокатскую корпорацию, а субъектом защиты прав конкретного лица - адвоката, оказывающего ему квалифицированную юридическую помощь.

Рассматривая адвокатуру в качестве одного из основных элементов механизма конституционного гарантирования защиты прав и свобод, нужно определить ее место в системе государственного устройства, классифицировать отношения, возникающие с государством и обществом, а также в процессе совершенствования судебной власти.

Представляется, что основным в определении места и роли института адвокатуры как одного из институтов гражданского общества является его тесная связь с судебной системой современного государства. Независимая судебная система, соответствующая принципам государственного устройства, базирующимся на разделении властей, может отвечать своему назначению лишь при наличии действительно независимой адвокатуры. Пока система правосудия базируется на таких принципах судопроизводства, как состязательность, гласность и т.п., нельзя обойтись без адвокатуры.

На наш взгляд, отчасти двойственное положение адвокатуры в структуре общественных отношений позволяет ей, в силу характера функций, возложенных на нее обществом и государством, связывать интересы общества, личности и государства в судебной практике. Роль адвокатуры проявляется здесь в трех основных формах адвокатской деятельности: участия в различных

видах судопроизводства, разъяснения правовых вопросов (консультирования) и подготовки юридических документов (заявлений, жалоб, договоров и т.п.). Функция адвокатуры как института судебного представительства, безусловно, является первостепенной в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод. Адвокат защищает граждан не от закона, а от нарушений закона в отношении их, способствуя укреплению законности, повышению уровня доверия населения к закону и государству в целом.

Нацеленность на общечеловеческие ценности, приоритет личности, ее прав и свобод обуславливают необходимость переосмысления теоретических и практических принципов участия адвоката в предупреждении и исправлении судебных ошибок, в первую очередь условий обеспечения действительно реальной защиты прав граждан и юридических лиц. [6; 18] Делая ставку на профессионализм, опыт, высокие морально-этические ориентиры, грамотно используя предоставленные процессуальным законом способы и средства защиты, адвокат может противодействовать принятию незаконных и необоснованных решений.

Определяя роль и место современной адвокатуры Российской Федерации в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод, представляется возможным также выделить еще две функции, обусловленные признанием за ней статуса института гражданского общества. Это преобразованная из просветительной функции социально-педагогическая, подлежащая реализации в механизме обеспечения прав через создание школы адвокатуры, обучающей навыкам юридической практики всех без исключения будущих юристов, и медиаторная, заключающаяся в обязательном предварительном урегулировании спора, при наличии у сторон спора представителей адвокатов, во внесудебном порядке. [7; 243]

В процессе построения правового государства в Российской Федерации адвокатура и ее представители призваны формировать у граждан правильное представление о праве и его роли в гражданском обществе и государстве. Еще известный теоретик адвокатуры Е.В. Васьковский отмечал: «только признание адвокатов уполномоченными представителями общества, а не наемными пособниками частных лиц, дает адвокатуре право на существование, и только с этой точки зрения может быть доказана ее необходимость». [5; 8]

В этой связи выполнение просветительной функции, возлагаемой обществом на адвоката и адвокатуру, приобретает все большее значение и может быть расценено в качестве меры обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

Исследование нового социально-правового статуса адвокатуры и определение ее места в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод позволяют рассматривать современную адвокатуру и как потенциальную юридическую школу урегулирования конфликтов, ибо именно адвокаты работают на достижение цели медиатора - примирение сторон спора.

Всё, что связано с внесудебным урегулированием конфликтов, является одной из составных частей профессии адвоката. Это в значительной степени

поиск компромисса, нахождение формулы согласия, казалось бы, непримиримых на первый взгляд интересов. Предупреждение судебных споров является составной частью оказываемой адвокатом юридической помощи, поэтому адвокат заботится об устранении всего, что препятствует мировому соглашению. Мирное разрешение конфликтов – показатель уровня развития гражданского общества. Его повсеместное распространение неизбежно будет входить в юридическую практику при участии адвокатуры, необходимой в формировании посреднического сообщества. Более того, главной целью правозащитной деятельности является примирение сторон без вмешательства власти. В этой связи современные адвокаты очень часто выступают как посредники и миротворцы. [3]

Таким образом, будучи социальным публичным правозащитным институтом, современная адвокатура выполняет жизненно важные для общества функции. В механизме конституционного обеспечения защиты прав и свобод она выступает как специфическая форма негласного общественного договора, как вид социальной взаимопомощи, как независимый гражданский надзор за надлежащим отправлением правосудия, как фактор общественного влияния на государственную политику в сфере юстиции и законотворчества, как сила, сдерживающая произвол властей. Адвокатура современной Российской Федерации призвана защищать нарушенные права и свободы человека и гражданина, формировать общественное сознание, гармонизировать отношения между человеком, обществом и государством, побуждать общество и власть к совершенствованию и распространять правовое просвещение, тем самым приучая людей решать свои проблемы в рамках закона и посредством закона.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024)
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025).
4. Баренбойм П.Б., Резник Г.М. Адвокатура как защитник гражданского общества // Адвокат. 2004. № 8.
5. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. С. 8.
6. Ливанова С.Э. Роль и место адвокатуры Российской Федерации в механизме конституционного гарантирования защиты прав и свобод // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. № 3 (14). С. 18.
7. Рецензия на монографию С. Э. Либановой «Конституционно-правовые основы деятельности российской адвокатуры в механизме обеспечения прав и свобод человека». С. 252

Об авторе:

ПОТАХОВ Юрий Александрович – студент 1 курса аспирантуры юридического факультета направления подготовки 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки, e-mail: potahov2012@mail.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

ПРОБЛЕМАТИКА НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В НАШИ ДНИ

Ю.Н. Прищепа

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., доцент Н.А. Антонова

В настоящей статье исследуются особенности нормативного регулирования технологического суверенитета в Российской Федерации. Ставятся вопросы формирования федеральной основы для становления и развития технологического суверенитета как элемента государственного суверенитета и условий безопасности государства.

Ключевые слова: суверенитет, технологический суверенитет, нормативное регулирование.

В настоящее время в условиях процессов глобализации происходит трансформация основ существующего миропорядка, меняются идеологические парадигмы изучения современных параметров общественного развития.

Создание технологического суверенитета – путь к обеспечению дальнейшего устойчивого научно-технологического развития, созданию конкурентных условий нового поколения и эффективной инфраструктуры государства для независимости от импортных технологий с целью обеспечения государственного суверенитета.

Использование термина «технологический суверенитет» становится все более популярным, активно используется в государственных и медийных программах. При этом, определенно нельзя говорить о корректности восприятия понятия «технологический суверенитет», ведь среди ученых-конституционалистов до сих пор ведутся определенные споры относительно данных понятий. В настоящее время понятие «технологический суверенитет» нередко используется в рамках обсуждения независимости и автономии государств. Вместе с тем, нельзя не отметить разные ценностные ориентиры указанного термина в политическом и научном аспекте. В научном дискурсе акцент сделан на самостоятельное развитие государства, технологический суверенитет рассматривается как необходимость для страны развивать или сохранять в отношении ключевых технологий собственную автономию или же иметь как можно более низкий уровень зависимости.

Технологический суверенитет – это новая тема и для науки конституционного права, требующая комплексного подхода. Для государств становится приоритетной задача развития национальной технологической базы в части законодательной поддержки научно-исследовательских опытно-конструкторских работ, законодательной базы, обеспечивающей защиту данных, кибербезопасность и локализацию информации. В условиях быстро меняющейся технологической среды и возрастающей мировой конкуренции наличие сильной и независимой технологической базы становится

стратегическим приоритетом для любой страны, стремящейся сохранить и укрепить свой суверенитет. Введенные санкции выявили зависимость некоторых критически важных производств и технологий от поставок и услуг иностранных компаний, российские производители ряда отраслей ощутили дефицит комплектующих в связи с ограничением или полным прекращением поставок из-за границы при отсутствии российских аналогов. Таким образом, прекращение деятельности западных компаний на российском рынке обусловило необходимость обеспечить экономику критически важными технологиями только за счет внутренних ресурсов. Следует также отметить, что санкции создали неоднозначную ситуацию в экономике: перспективный спрос, с одной стороны, и сложности в кооперированных связях для развития российских технологий, с другой стороны.

В качестве одного из прототипов технологического суверенитета можно рассматривать процесс создания конкурентной технологичной отрасли массового автомобилестроения, организованного в США в начале 20 века американским предпринимателем Генри Фордом (1863-1947). Великим в технологической области Генри Форда делают не столько создание и выпуск автомобилей, сколько оптимизация и внедрение изобретенного в самом начале 20 века в США метода конвейерной сборки, что имело решающее значение для сокращения стоимости производства, увеличение его объемов (время сборки одной машины сократилось примерно в шесть раз) и снижения отпускной цены автомобилей [1].

Многие исследователи в исторической и технологической сферах экономическим и технологическим лидером на протяжении почти двух тысячелетий считают Китай. Особенно успешным было технологическое развитие Китая в период с VII по XII века, его вклад в области передовых мировых научно-технических достижений составлял более 54% того периода [2], обеспечив технологическое главенство Китая до конца XVII века. Наиболее важными открытиями, сделанными в Китае в указанный период стали порох, магнитный компас, печатный станок, доменная печь и технология выплавки.

Современное технологическое лидерство Китая возникло благодаря крупному вливанию американских инвестиций в экономику Китая в 70-е годы прошлого века. Учитывая обстановку «холодной войны» с СССР, Америка таким образом поддерживала развитие Китая как союзника для борьбы с Советским государством. На базе указанных инвестиций были созданы совместные предприятия с участием китайского и иностранного капитала, предусматривающие прямые поставки в Китай технологий, оборудования и персонала. Таким образом, с начала 80-х годов прошлого века было запущено более 400 предприятий, реализующих полный инновационный цикл на основе собственных технологий, в т.ч. в сфере микроэлектроники, космонавтики, рынка редкоземельных металлов. Если смотреть на технологический суверенитет как противоположность технологической колонии, то налицо взаимосвязь между монополией и технологическим суверенитетом, подробно

описанная в трудах американского экономиста Фрэнка Грэма. Лидерство современное китайского производства в сфере товаров народного потребления обусловлено, в т.ч., возникновением такого явления как «шаньчжай» (одно из немногих китайских слов, закрепившихся в русском языке, которое означает «укрепленный пункт в горах», «крепость», «горное село») [3], используемое в индустрии копий для обозначения поддельного или контрафактного продукта. На современном этапе «шаньчжай» – не только копия, а имитация товара, креативная трансформация товара, особый способ инноваций. В современных условиях, особенно учитывая наличие санкционных ограничений, российские ученые и производители наряду с использованием собственных технологических разработок широко применяют опыт китайских коллег, в т.ч. в части импортозамещения, принятия «шаньчжай».

Основными зарубежными идеологами понятия «технологический суверенитет» являются американский экономист Фрэнк Грэм (1890-1949) и австралийский ученый Пол Грант (1935 – 2023).

В теории Фрэнка Грэма технологический суверенитет рассматривается как противоположность понятий «технологическая колония» или «технологическая зависимость», которые порождаются возникновением технологических монополий, а их существование обусловлено юридически закрепленным правом (патентом), наличием передовых разработок, новейшего оборудования [4].

Технологический суверенитет по Полу Гранту – это способность и свобода выбора для создания или приобретения, а также применения, развития и использования в коммерческих целях технологий, необходимых для промышленных инноваций [5].

Значимые зарубежные исследования представлены группой ученых под руководством Дж. Эдлера, которые отмечают, что технологический суверенитет заключается, с одной стороны, в обладании страной технологиями, критически важными для состояния экономики, уровня конкурентоспособности, возможности реализации собственных стратегических планов развития, а с другой – в осуществлении суверенного контроля за используемыми решениями в критической инфраструктуре [6].

Исторически модели развития технологического суверенитета можно разделить на две группы — активную и пассивную [7].

Активная модель – это целенаправленный и системный подход, при котором государство предпринимает активные меры для создания и продвижения собственных технологий за счет национальных научных разработок, минимизируя зависимость от иностранных решений и укрепляя независимость в стратегически важных отраслях. Примерами применения модели в России являются программа импортозамещения в IT-секторе, разработка национального программного обеспечения, а также укрепление позиций в космической и атомной промышленности.

Пассивная модель развития технологического суверенитета базируется на приобретенных зарубежных технологиях и решениях. Пассивная модель

может быть разумным выбором для стран с ограниченными ресурсами или на этапе первоначального развития технологической экосистемы. Страны с ограниченными ресурсами, например государства Африки или Карибского региона, вынуждены довольствоваться пассивной моделью из-за нехватки средств на развитие собственных технологий. Пассивная модель развития технологического суверенитета не в полной мере отвечает цели обеспечения технологического суверенитета, но однозначно позитивно работает на пути его становления.

Следует отметить, что ни одна страна в мире не достигла состояния абсолютной технологической независимости.

Принимая во внимание опыт различных государств, полагаем, что на современном этапе наиболее удачным является комбинация активной и пассивной форм развития технологического суверенитета, что позволяет находить баланс между независимостью и экономической целесообразностью.

Учитывая изложенное, полагаю возможным сформулировать термин «технологический суверенитет Российской Федерации» как способность государства самостоятельно создавать критически важные технологии и стимулировать научные знания, а также импортировать технологические возможности из иных стран, благодаря налаживанию надежных партнерских связей.

Сущность технологического суверенитета с правовой точки зрения представляет собой комплекс правовых норм, обеспечивающих независимость государства в сфере критически важных технологий, в т.ч. цифровой безопасности и инновационного развития.

Правовыми принципами технологического суверенитета являются:

- принцип государственного суверенитета в технологиях, закрепленный в международном праве и Конституции, который означает, что государство имеет право самостоятельно определять свою технологическую политику;

– принцип национальной безопасности, предусматривающий обязательство государства защищать критически важные технологии от внешних угроз, санкций и утечки информации;

– принцип недискриминации и равного доступа участников процесса воспроизводства технологий к информации, в соответствии с которым национальные технологии должны соответствовать правам граждан и международным нормам, не нарушая конкуренцию;

– принцип защиты интеллектуальной собственности, в рамках которого государство должно охранять научные разработки, предотвращать незаконный экспорт технологий.

Таким образом, основными правовыми условиями обеспечения технологического суверенитета являются законодательное регулирование (законы о стратегических технологиях и инновациях), международно-правовые механизмы (лицензирование и экспортный контроль национальных технологий, договоры о технологическом сотрудничестве), а также

санкционная политика (ответные меры на внешние технологические санкции, контроль за иностранными инвестициями в критически важные отрасли).

До настоящего времени в Российской Федерации отсутствуют законодательные акты, в полной мере регламентирующие защиту и правоприменение технологического суверенитета. Действующее законодательство не успевает за развитием технологий, и эта проблема наиболее болезненна для всех стран, реализующих концепцию технологического суверенитета.

Основным современным национальным документом, включающим законодательные инициативы и государственные программы, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 02.07.2021 № 400, устанавливает необходимость защиты критически важных технологий и определяет меры по снижению зависимости от иностранных поставщиков.

В Концепции технологического развития страны до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р, изложены основные цели государства на соответствующем направлении: достижение технологического суверенитета, переход к инновационно-ориентированному экономическому росту, технологическое обеспечение развития производственных систем. Правовую основу Концепции составляют Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

В 2024 году был принят Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон 523-ФЗ), который определил направления реализации технологической политики в Российской Федерации как комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер по обеспечению технологического лидерства Российской Федерации и экономического развития на основе отечественных технологий [8]. Нормы Закона 523-ФЗ соответствуют части третьей статьи 104 Конституции Российской Федерации и статье 105 Регламента Государственной Думы. В соответствии с указанным законом правовое регулирование технологического суверенитета основывается на Конституции Российской Федерации, которая является необходимой и достаточной основой развития законодательства и всей

правовой системы России, и на федеральных законах. Конституция - бесспорная и единственная в своем роде правовая гарантия стабильности политического и общественного строя. Именно она - фундамент здания «предсказуемого будущего» [9].

В положениях Закона 523-ФЗ учтены цели технологического развития, предусмотренные в Концепции технологического развития на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.03.2023 № 1315-р, разработанной в рамках реализации перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшегося 18.07.2022 (№ Пр-1553 от 01.09.2022) [10], в том числе обеспечение технологического лидерства Российской Федерации, а также ставятся ключевые задачи, способствующие достижению указанных целей.

Указанная в статье 5 Закона 523-ФЗ методика оценки уровней готовности технологий, а также требования к планам развития технологий и порядок их подготовки в дальнейшем были разработаны и утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 06.10.2025 № 1552 «О планировании технологической политики в Российской Федерации». Постановление, в частности, включает положение о планировании технологической политики и четыре методики оценки. Ранее ведомства и компании использовали разные подходы к оценке перспективности и зрелости технологий, теперь введена единая система критериев. Новый подход позволяет государству объективнее выбирать наиболее перспективные, готовые к внедрению технологии для точечной поддержки и финансирования. Кроме того, бизнес и научные организации получили четкие критерии для участия в государственных программах и национальных проектах.

В настоящее время в российском праве отсутствует система, которая полностью регулирует процессы формирования и защиты технологического суверенитета ввиду отсутствия единства подходов в политической, экономической и технологической науках.

Основными законами и нормативными документами, содержащими разделы в отношении обеспечения технологического суверенитета, являются следующие:

- Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон 216-ФЗ) регулирует отношения, возникающие при создании инновационных научно-технологических центров и обеспечении их функционирования в целях реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации. Положения Закона 216-ФЗ послужили основой для создания Федерального закона от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации» (далее – Закон 478-ФЗ). Одним из ключевых аспектов Закона 478-ФЗ является, в том числе, определение форм

государственной поддержки технологических компаний в Российской Федерации – предоставление налоговых льгот, информационной и консультационной поддержки, а также финансовой поддержки в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации;

- Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике, который регулирует государственную поддержку исследований и определяет меры по коммерциализации научных разработок. Следует отметить, что указанный закон был принят в прошлом веке и однозначно должен быть актуализирован;

- Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в редакции от 08.08.2024 № 318-ФЗ), который обязывает государственные компании отдавать приоритет отечественным технологиям;

- Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует контроль за интернет-ресурсами и закрепляет право государства на ограничение доступа к нежелательной информации;

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее - Закон 152-ФЗ) обязывает хранить персональные данные российских граждан на серверах в российской Федерации. Федеральным законом от 08.08.2024 № 233-ФЗ в Закон 152-ФЗ были внесены изменения в части запрета сбора данных граждан России с использованием зарубежных баз данных;

Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», также известный как закон о суверенном интернете направлен на обеспечение устойчивого, безопасного и целостного функционирования интернета на территории Российской Федерации, особенно в условиях внешних угроз, а также на уменьшение зависимости от зарубежных технологических платформ и каналов связи.

IV часть Гражданского Кодекса является основным нормативным актом, регулирующим защиту интеллектуальных прав. Статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрены разные способы защиты авторских прав, в т.ч. признание права авторства, возмещение убытков, компенсацию морального вреда. Нормы, охраняющие авторские права, содержатся также в статье 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Санкциями определены штраф и конфискация контрафактных товаров.

Основным программным документом, направленным на формирование технологического суверенитета, является Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента от 01.12.2016 г. № 642 (далее – Стратегия), — ключевой концептуальный документ, определяющий долгосрочные приоритеты научно-технологического развития страны напрямую связанный с обеспечением

технологического суверенитета. Стратегия легла в основу следующих программ и документов: Государственной программы «Научно-технологическое развитие России», Федерального проекта «Технологический суверенитет (в рамках нацпроекта «Наука и университеты, 2023-2030), Концепции технологического развития РФ до 2030, утвержденной Указом Президента РФ от 21.08.2023 № 633.

Среди действующих нормативных актов, регулирующих важный стимул развития технологичных отраслей экономики - финансовый, следует отметить Федеральный закон о налоговых льготах для IT-компаний от 31.07.2020 N 265-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», который, в т.ч. снижает ставки страховых взносов и налога на прибыль и определяет льготы, которые сможет применять IT-компания с 2021 года [11].

Весомый вклад в формирование технологического суверенитета оказывает новый механизм реализации инвестиционных проектов на взаимовыгодных для государства и бизнеса условиях - государственно-частное партнерство (далее - ГЧП), который регулирует Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». С 2018 года на базе государственной корпорации ВЭБ.РФ действует современный механизм финансирования инвестиционных проектов в приоритетных секторах российской экономики - Фабрика проектного финансирования, деятельность которой определена Постановлением правительства РФ от 15.02.2018 № 158 «О программе «Фабрика проектного финансирования. Заемщики могут получить денежные средства на основании договоров синдицированного кредита (займа) с участием коммерческих банков и ВЭБ.РФ, при этом применяются меры господдержки, способствующие увеличению объемов кредитования конкретных проектов.

Однако наличие достаточно разрозненных нормативных актов не достаточно для обеспечения комфортной регуляторной среды в научной сфере. Необходимо внесение изменений в основные российские законодательные акты, в т.ч. бюджетный, налоговый, гражданский кодекс, а также дальнейшее расширение научной законодательной базы. Для законодательного обеспечения технологического суверенитета в рамках реализации положений Конституции необходимо принятие свода законов, регулирующих развитие и защиту национальных технологий, обновление нормативно-правовой базы в сфере науки, промышленности и цифровых технологий, принятие национальных стратегий.

Полагаем целесообразным рассмотреть разработку научно-технологического кодекса, который будет наделен приоритетом над иными законодательными актами в сфере формирования технологического суверенитета.

Список литературы

1. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. // НИУ Высшая школа экономики. - М. - Изд. дом Высшей школы экономики. - 2018. - 342 с.
2. Национальное статистическое бюро Китая. Woguo gaojshu chaupin maoyi qingkuang feuxi. Анализ торговли Китая высокотехнологичной продукцией.// 2017 год. URL: <http://www.most.gov.cn.kjbgz>.
3. МувисЛиза. Плагиат или шаньчжай.//The art newspaper Russia. - № 38.URL:<https://www.theartnewspaper.ru/posts/2298>.
4. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова. //НИУ Высшая школа экономики. - М. - Изд. дом Высшей школы экономики. - 2018. – с. 342.
5. Paul Grant (1983) Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz. - Prometheus. - 1:2. – p. 239-270.
6. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch Ch., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. Technologiesouveränität. Von der Forderung zum Konzept.// Karlsruhe : Verlag, - 2020. – p. 32 – URL: <https://doi.org/10.24406/publica-fhg-300301>.
7. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. - 2022. - Т. 12. - № 9. - с. 237-239.
8. Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ - ст 3. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494804/.
9. Зорькин В.Д. Комментарии к Конституции Российской Федерации.//Конституционный суд Российской Федерации. - издание 2-е пересмотренное. с. 1. URL: <https://studfile.net/preview/16430097/>.
10. Законопроект № 632206-8 (в архиве). Пояснительная записка к Федеральному закону «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».//Объекты законотворчества. - Система обеспечения законодательной деятельности. - 23.05.2024. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632206-8>.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 N 265-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358732/.

Об авторе

ПРИЩЕПА Юрий Николаевич – аспирант 3 года обучения Тверского государственного университета направления подготовки 5.1.2. «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

НЕЙРОННАЯ СЕТЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

П.А. Феоктистов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор В.И. Крусс

В рамках статьи осуществлена юридико-техническая компиляция актуальных тенденций правопользования и правоприменения, связанных с применением нейронных сетей различными акторами «жилищных правоотношений».

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционное право на жилище, нейросеть, юридическая техника.

Актуальные тенденции развития общественных отношений не только в Российской Федерации, но и в мире безусловно и неразрывно связаны с таким явлением, как цифровизация. Ряд исследователей [2] выделяют также особую её разновидность-цифровизацию правовых институтов.

Безусловно, одним из наиболее актуальным «агентом цифровизации» правовых конструкций является нейронная сеть (нейросеть), что подтверждается в том числе актуальной доктриной [9].

Степень научной разработанности проблематики влияния использования нейросетей в правовой и юридической деятельности достаточно высока, однако, по большей части «охватывает» вопросы авторского права на результаты интеллектуальной деятельности, сформированные нейросетью [6].

В рамках настоящего исследования предметом выступают «жилищные правоотношения», объединяющие в себе прежде всего конституционное право на жилище, право собственности, право на комфортную окружающую среду и иные, смежные с ними права [1]. Каким образом использование нейросетей отвечает, опять же, конституционно-предписанному обеспечению представленных прав?

Исходя из положений ст. 40 Конституции РФ [1], а также тезисов, изложенных в исследовании В.И. Крусса [3], право на жилище имеет сложный, комплексный характер в виду его многовекторной юридической конструкции и, как следствие, правопользовательского и правоприменительного опосредования. В рамках данного исследования также выделяется ряд «паталогических проблем» сферы ЖКХ как таковой и права на жилище, в частности. Среди них особое место занимают аспекты, связанные с злоупотреблением правом, реализации социальной политики в области ЖКХ, опосредующей положения Конституции РФ.

Стоит сказать, что действительная отечественная доктрина не содержит исследований, предметом которых является собственно применение нейросетей в сфере ЖКХ, обеспечения права на жилище, однако «синтез» существующих точек зрения на схожие проблематики позволяют сформировать ряд тезисов.

Так, например, актуальные исследования [7] показывают, что нейросети используются в сфере кадастра недвижимости, что существенно упростило и «мобилизовало» обороноспособность объектов недвижимости, в том числе жилых помещений и домов. Также такая «оперативная информатизационная новация» позволила во многом автоматизировать и ускорить работу специальных субъектов с Единым государственным реестром недвижимости, уменьшило степень расходов для осуществления контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти в сфере кадастра, отношении собственности на объекты недвижимости.

В продолжение предложенного тезиса стоит отметить, что «базовый тренд» и тенденция использования нейросетей как таковых и искусственного интеллекта в широком смысле позволяет аккумулировать большие объёмы информации, систематизировать, изменять и иным образом взаимодействовать с таким «массивом» юридической, технической информации, в особенности в сфере пользования правом на жилище. Подобную методологическую закономерность возможно идентифицировать и в научных исследованиях [5].

Формат настоящего исследования не позволяет в большей степени предложить и раскрыть содержание всех направлений использования нейросетей как инструмента и методологического формата обеспечения жилищных прав. Однако, апеллируя к заявленной теме, стоит всё же задать вопрос-является ли в настоящий момент подобное использование нейросетей, искусственного интеллекта реальностью или фантазией, изложенной в немногочисленных исследованиях учёных-юристов?

Ответ предлагается столь же комплексный, насколько таковым является «титульное» для исследования право на жилище. Стоит обратиться к составляющим последнего, определяющие методологию «нейросетевого моделирования» пользования и применения такового.

Во-первых, вопросы приобретения, пользования и отчуждения жилища в настоящий момент явно в недостаточной степени подвержены цифровизации как таковой [8], и использование нейронных сетей позволит существенно упростить заключение сделок по распоряжению жилищем, в том числе, на условиях ипотечного кредитования преимущественно на льготной основе. К этому направлению также относятся все аспекты гражданско-правового режима различных категорий жилища и прав в отношении него: наследование, социальный найм, проблематика доступа в жилище, его качественные характеристики и прочее.

Во-вторых, сфера обеспечения права на жилище и смежных с ним «жилищных прав» безусловно «продиктована» положениями Конституции РФ и «лежит на плечах» субъектов публичного интереса. Нейросети в заданной области позволят в ходе анализа социального статуса каждого отдельного гражданина-пользователя правами определять его степень обеспеченности жилищем и реализации его «жилищных прав», создавая условия для их наилучшего осуществления с использованием всё тех же ресурсов

искусственного интеллекта. Также, по сходной методологии, возможен анализ и рынка недвижимости в Российской Федерации, в чём помимо органов государственной власти должны быть заинтересованы и субъекты частного интереса-застройщики, управляющие организации и прочие участники таких правоотношений.

В-третьих, защита нарушенного, умалённого права на жилище и корреспондирующих ему прав как юрисдикционным, так и не юрисдикционными методами вновь создаёт «массивы» юридической информации, аккумулярование которой напрямую обеспечивает защиту и восстановление прав. Здесь нейронные сети позволяют органам судебной системы ранжировать судебную практику, обобщать юридическую характеристику каждого конкретного дела и мотивировать выносимое решение суда большим нормативным «базисом», применяемой к конкретному «кейсу».

Безусловно, представленное исследование содержит лишь основные тенденции возможного применения нейросетей как средства обеспечения «жилищных прав» граждан, однако, как уже было сказано, степень научной разработанности предложенной тематики объективно низкая, что вполне корреспондирует и общим тенденциям цифровизации правовых институтов в Российской Федерации, однако выделенные методологические характеристики позволяют обеспечить конституционное правопользование [4] граждан с помощью нейронных сетей как актуального и всё более востребованного технического средства современной коммуникации и работе с «массивами» информации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс. 2026.
2. Анисимов, А. П. Цифровизация и право: теория взаимодействия / А. П. Анисимов, Е. А. Филимонова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1(79). – С. 118-126. – EDN XEFHNV.
3. Крусс В.И. Проблемы и перспективы повышения эффективности комплексного обеспечения конституционного права на жилище в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 4 (84). С. 63–73.
4. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. – Москва: Инфра-М, 2007. – 752 с.
5. Литвинова С. А. Методологические основы функционирования институциональной среды ипотечного жилищного кредитования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 125–133. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-125-133>. EDN NEXVJF
6. Никитина, А. П. Произведения нейросети как объект авторского права в контексте перспектив развития права интеллектуальной собственности в России / А. П. Никитина // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 9-1. – С. 212-216. – EDN BLGTSW.

7. Семенова, Д.Е. Применение нейронных сетей в сфере кадастра недвижимости / Д.Е. Семенова, И.А. Гиниятов // Вестник Сибирского государственного университета геосистем и технологий. – 2023. – №2. – С. 182-188. – DOI: 10.33764/2687-041X-2023-2-182-188

8. Феоктистов П. А. Обеспечение конституционного права на жилище в условиях цифровизации: перспективы и риски / П. А. Феоктистов // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сборник научных статей по материалам Международного научно-практического форума, Тюмень, 17–19 октября 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 51-54. – EDN KNFSAZ

9. Филипова, И. А. Нейросети: применение, вопросы этики и права / И. А. Филипова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 76-81. – DOI 10.14529/law230411. – EDN RHFTPO.

Об авторе:

ФЕОКТИСТОВ Павел Алексеевич – аспирант 3 года обучения юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тверской государственной университет» направления подготовки 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки

СУПРУЖЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К РЕФОРМИРОВАНИЮ ИНСТИТУТА

А.В. Балагура

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

В статье обосновывается необходимость использования ценностного подхода в рамках изучения и реформирования института супружеской собственности. Актуальность исследования обусловлена значительной степенью проблемности правового режима общей совместной собственности супругов, устойчивой в науке критикой его содержания, а также отсутствием единой концепции дальнейшего развития. Посредством обращения к историко-правовому анализу рассматриваемого правового режима выявляются дефекты его правообразования, ставшие следствием разрыва преемственности правовой эволюции, идеологизации семейно-правового регулирования, а также воздействия негативных социально-политических факторов. Доказывается, что обращение к ценностному подходу в современных условиях способно обеспечить внутреннюю согласованность, аксиологическую обоснованность и социальную легитимность института супружеской собственности в ходе его дальнейшего развития.

***Ключевые слова:** ценностный подход; семейное право; правовые ценности; супружеская собственность; общая совместная собственность; семья; имущественные отношения супругов; имущество супругов.*

Общественное развитие, согласно классической теории модернизации, представляет собой универсальный процесс структурной дифференциации и рационализации всех сфер общественной жизни, при котором происходит деконструкция традиционных форм социальной стратификации, генерализация ценностей, а также формирование в обществе новых интегративных структур и механизмов. Такая трансформация со всей неизбежностью порождает социальную напряжённость и риски общественной дезинтеграции. В этих условиях государство, выступая в роли рационального политического учреждения, призвано не только реализовывать свою монополию на легитимное применение насилия во имя достижения всеобщего блага, но и совершенствовать систему особых казуистических установлений - сложившейся в обществе правопорядок. Последнее представляется необходимым для цели формирования регулирующей функции государства, адекватной усложняющемуся характеру и возрастающей динамике общественных отношений, обеспечения стабильности развития общества и адаптации его членов к изменяющимся условиям окружающей среды [9, с. 13, 19, 20, 264, 384; 15, с. 35, 43, 102, 107, 116; 10, с. 275, 346].

Вместе с тем необходимость создания в государстве действенного механизма правового регулирования обусловлена также ослаблением регулятивного потенциала иных социальных норм (морали, религии),

девальвацией ценностей семьи, брака и материнства. В этих условиях эффективное регулирование общественных отношений, в том числе в брачно-семейной сфере, возможно лишь при опоре на достоверное знание социального бытия (сущего) и чётко артикулированные представления о должном и социально желательном. Указанные обстоятельства во многом предопределили специфику механизма семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов, которая заключается в его глубокой социальной природе, обусловленной, с одной стороны, балансом интересов личности, семьи и общества, а с другой - тесной взаимосвязью норм права, морали и обычаев [17, с. 3–4].

Исторической иллюстрацией логики приведенных рассуждений можно считать выявленную Г. Ф. Шершеневичем в рамках анализа влияния социально-экономических трансформаций европейского общества XIX в. на внутрисемейное положение женщины закономерность: экономическое развитие и вызванный им торгово-промышленный тип общественной жизни сформировал предпосылки имущественной и финансовой самостоятельности женщины, равной в своем политическом положении с мужчинами, что, в свою очередь, обусловило закрепление нового, соответствующего духу и ценностям своей эпохи, правового статуса женщины внутри семьи на уровне гражданского законодательства [18, с. 636].

Это утверждение в полной мере соответствует представлениям Г. В. Ф. Гегеля и Ш. Л. Монтескье о том, что законодательство и правовые институты нельзя рассматривать изолированно, ведь они представляют собой «взаимозависимые моменты некоторой целостности, в связи со всеми другими особенностями, составляющими характер определенной нации и определенной эпохи» [11, с. 26], вытекают из самой природы вещей и должны соответствовать не только физическим свойствам страны (типу почвы, климату, размеру), но и общему духу и образу жизни её народа, учитывая сложившиеся в обществе степень свободы, различные склонности, религиозные представления, нравы и обычаи [14, с. 8, 13, 215, 267, 285].

К сожалению, не все создаваемые в отечественном семейном праве и вводимые в практику общественных отношений институты демонстрируют соответствие выявленным закономерностям правового развития. Одним из них стал институт супружеской собственности, центральное место в котором занимают нормы, посвященные установлению его законного и договорного режимов.

Так, впервые появившаяся в 1926 году и закреплённая в ст. 10 Кодекса о браке, семье и опеке [2] императивная модель режима общей совместной собственности супругов была сформирована и введена в действие не только в противоречие с ранее существовавшим режимом раздельного имущества супругов - начиная с эпохи Петра I и до начала XX в. - но и на искусственно сконструированном политическом и идеологическом основании, в условиях экстраординарных конкретно-исторических потрясений. Его ценностная составляющая, направленная, в первую очередь, на обеспечение равенства

супругов и защиту интересов супруги-домохозяйки в случае прекращения брака и раздела имущества, вступала в противоречие с конкретными социологическими и демографическими данными, носила во многом декларативный характер, будучи обусловленной политико-идеологическими прерогативами и интересами партии [18, с. 639–642; 16].

Тем не менее императивная модель режима общей совместной собственности супругов была закреплена в ст. 12 Основ законодательства СССР о браке и семье от 27 июня 1968 [3], а также в ст. ст. 20 - 22 Кодекса о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 [4] вместе с рядом важных дополнений: была установлена презумпция равенства долей супругов при разделе общего имущества, а также определен перечень имущества, относимого к индивидуальной собственности каждого из них.

Императивная модель общей совместной собственности супругов на протяжении всего периода своего существования не допускала изменения установленного законом по умолчанию правового режима посредством заключения брачного договора. Существенные преобразования в этой сфере произошли лишь после распада Советского Союза и последовавшей за этим трансформации отечественного гражданского права, в результате которой оно приобрело свойство в подлинном смысле частноправового регулятора общественных отношений, формирующихся в условиях новой рыночной среды.

Указанные изменения не могли не отразиться на принятом с 1 марта 1996 года Семейном кодексе РФ [1], который наряду с законным ввел также понятие договорного режима имущества супругов, предусмотрев возможность заключения брачного договора. Тем самым законный режим имущества супругов приобрел ярко выраженный диспозитивный характер. Причиной перехода на диспозитивную модель регулирования стала необходимость учета в новой социально-экономической и политической реальности свободы выбора и разнообразия интересов людей в определении режима своего имущества, в том числе на случай прекращения брачных отношений, а также порядка и условий оказания супругами взаимной материальной поддержки [6, с. 137, 138, 143].

Вместе с тем, как нам представляется, революционный характер социально-политических трансформаций, затронувших все сферы общественной жизни как в 1917-1926 гг., так и в период распада СССР в 1991 г., объективно исключал возможность эволюционного и планомерного характера развития как самих имущественных отношений супругов, так и их законодательного регулирования с учетом присущей таким отношениям социальной и ценностной природы. В условиях военных, политических и экономических кризисов, сопровождавшихся разрывом сложившихся общественных связей, сломом социальных институтов, их замещением новыми, ранее чуждыми населению программами общественного существования и развития, ценности как элементы объективной социальной реальности просто не могли быть ни устойчиво сформированы, ни адекватно

выявлены с последующим их отражением в системе национального законодательства.

Более того, ценности могут быть созданы, а следовательно, и обнаружены только в сфере человеческих отношений людей, обладающих свободной волей [7, с. 301–302], что объективно затрудняло до настоящего времени применение ценностного подхода к анализу содержания и путей возможного реформирования института супружеской собственности как в 1926 г. - на момент принятия Кодекса о браке, семье и опеке, так и в период распада СССР. Не случайно С. С. Алексеев, характеризуя состояние свободы воли в российском обществе к 1991 г., отмечал достижение только начального этапа в его развитии: «... за 1989–1991 гг. был уже достигнут обнадеживающий уровень свободы граждан и их организаций. Пусть в полной мере еще не развернувшийся, с изъянами. Пусть даже всего лишь по некоему демократическому минимуму. Пусть в обстановке, когда надо было еще сосуществовать с феноменами, хотя изрядно и обессиленными, прежнего советского строя.... И все же при всем при том за перестроечное время реально утвердился такой уровень свободы граждан, который, по моему убеждению, был приемлем для успешного продолжения демократических реформ» [5, с. 374].

Однако включение института общей совместной собственности в текст Семейного кодекса РФ не вызывало сомнений относительно его соответствия интересам большинства [6, с. 144]. При этом сведений о проведении комплексных научных исследований, направленных на оценку его соответствия изменившейся социальной, экономической и культурной среде, нами выявлено не было.

Вместе с тем представляется также крайне затруднительным говорить о сформировавшейся устойчивой ценностно-культурной парадигме, разделяемой большинством населения, в течение пяти лет после распада СССР, в ситуации нестабильной политической системы, глубокого финансового, социально-демографического и культурно-психологического кризиса, а также значительного роста преступности.

Таким образом, необходимость обращения к ценностному подходу в ходе анализа института супружеской собственности обусловлена не только его глубокой социальной природой как элемента семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов, но и объективной необходимостью в условиях прервавшейся исторической преемственности правового развития сформировать такую модель правового регулирования режима супружеской собственности, которая, во-первых, в своём ценностно-субъектном измерении корреспондировала бы реально сложившимся в обществе на современном этапе ценностям, во-вторых, находилась бы в системном единстве с природой и динамикой социальных отношений, составляющих её предмет. Реализация указанного методологического подхода позволила бы преодолеть обнаруженные в генезисе института супружеской собственности дефекты правообразования, и тем самым обеспечить его

внутреннюю непротиворечивость, аксиологическую обоснованность и, следовательно, удовлетворить притязания на социальную легитимность.

В свою очередь, следует отметить, что закрепленный в тексте действующего Семейного кодекса РФ режим общей совместной собственности супругов отличается высокой степенью проблемности. Как следствие, в научном дискурсе даже было выдвинуто предложение классифицировать все проблемы рассматриваемого института на две категории: глобальные (стратегические) и прикладные (тактические). К числу основных можно отнести: включение разнородных активов без учета их правовой природы; возможность фактического индивидуального обладания отдельными объектами; неразвитость института совместных долгов; смешение на практике и в доктрине режима общей совместной собственности с природой общей долевой собственности; отсутствие публичности (скрытая супружеская собственность), обусловившее дестабилизирующую для гражданского оборота систему согласования и оспаривания сделок супругов; недостаточная регламентация внутренних правоотношений между супругами; неустойчивость (легкость перехода из квазидолевой собственности в личную); проблема квалификации безвозмездных сделок между супругами; проблема учета добрачного капитала и его экономического прироста; установление баланса между интересами супругов и кредиторов; проблема трансформации режимов (трейсинг); отсутствие адекватных критериев разграничения совместной и личной собственности и другие [13, с. 232–235; 8, с. 125–128, 129–131; 12, с. 22, 32–35].

Институт совместной собственности супругов сегодня, как справедливо отмечает А. В. Егоров, представляет собой хаотично смотанный клубок разнородных правовых идей, смесь из черт непубличной долевой собственности и черт классической совместной собственности с элементами режима отложенной общности имущества [13, с. 292]. Проблема усугубляется отсутствием цельной концепции реформирования общей совместной собственности супругов и сохраняющимся вектором современного законодательного регулирования, направленным на укрепление действующей в отечественной правовой системе вещно-правовой модели совместной собственности супругов [8, с. 125, 128; 13, с. 294].

Анализ отечественной научной литературы, посвящённой проблематике законного режима имущества супругов, свидетельствует о преобладании в исследованиях формально-догматического и сравнительно-правового подходов, в рамках которых предложения по реформированию соответствующего института, как правило, сводятся к рецепции зарубежных, главным образом германских, моделей правового регулирования. При этом акцент делается преимущественно на структурно-нормативных и технико-юридических аспектах правовой регламентации, тогда как вопросы ценностной составляющей предлагаемых моделей остаются, по большей части, вне поля системного научного анализа.

Вместе с тем в ряде работ одновременно высказывается положение о необходимости осуществления политико-правового выбора при определении направлений реформирования института супружеской собственности [13, с. 292; 12, с. 35]. Однако данный тезис, как правило, не сопровождается развернутым исследованием предпосылок, критериев и возможных пределов такого выбора, что существенно снижает его эвристический и методологический потенциал. Между тем политико-правовой выбор по своей сущности не может носить характера произвольной логической операции, поскольку всегда предполагает осуществление рациональной и целеполагающей деятельности, особенно в области правового регулирования имущественных отношений супругов.

Как отмечается в философско-правовой литературе, любая рационально организованная деятельность, в том числе в правовой сфере, предполагает проведение оценки с предварительным формированием и выработкой специальных оценочных критериев [7, с. 301]. Такая деятельность, в свою очередь, является структурным элементом ценностного подхода и составляет непосредственно один из его этапов. Применительно к институту супружеской собственности это означает необходимость выхода за пределы исключительно формально-юридического и сравнительного подходов и обращения к исследованию ценностных оснований соответствующих моделей правового регулирования.

Однако в современной отечественной цивилистической доктрине рефлексия ценностных оснований института супружеской собственности и путей его реформирования либо фактически отсутствует, либо ограничивается декларативными указаниями на его социальное назначение, а также трансформацию социальных ролей супругов на современном этапе общественного развития. Подобная редукция ценностного подхода к социологическим констатациям не позволяет в полной мере раскрыть внутреннюю сущность института супружеской собственности и обосновать выбор той или иной модели правового развития. В этой связи обращение к ценностному подходу представляется теоретически обоснованным и методологически необходимым условием дальнейшего реформирования института супружеской собственности на современном этапе развития отечественной правовой системы.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16;
2. Кодекс законов о браке, семье и опеке : постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 19 ноября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – М., 1917–1938. – Отд. 1. – 1926. – № 82. – Ст. 612. – С. 1005–1027 (утратил силу);
3. Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241 (утратил силу);

4. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969) // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. С. 1397 (утратил силу);
5. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 9: Публицистика. – М.: Статут, 2010. – 504 с.;
6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.-Юристъ, 2002. – 336 с.;
7. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.]. – М.: Проспект, 2011. – 552 с.;
8. Бевзенко Р.С. Сделка с супружеским имуществом без согласия другого супруга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 11. – С. 124–134.
9. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 444 с.;
10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 2. Общности. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 429 с.;
11. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 7. Философия права. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 356 с.
12. Егоров А.В. Режим отложенной общности доходов: германский опыт для России // Цивилистика. – 2025. – Т. 1, № 1. – С. 20–35.
13. Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: сборник статей, посвящённый 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2020. – С. 232–294.;
14. Монтескьё Ш.Л. О духе законов. – М.: РИПОЛ классик, 2019. – 690 с.;
15. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.;
16. Чефранова Е.А. Исторический аспект правового регулирования имущественных отношений супругов в российском праве // CenterBereg [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20181125073851/http://center-bereg.ru/290.html> (дата обращения: 13.01.2026);
17. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 38 с.;
18. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5. Учебник русского гражданского права. – М.: Статут, 2017. – 832 с.

Об авторе:

БАЛАГУРА Андрей Владимирович – аспирант 1 курса юридического факультета направления подготовки 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СОГЛАШЕНИЙ СУПРУГОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Е.В. Бидюк

Белорусский государственный университет

Научный руководитель канд. юрид. наук, доцент М.П. Короткевич

В настоящей статье проводится сравнительно-правовой анализ оснований недействительности брачного договора, соглашения о разделе имущества, нажитого в период брака, по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации. Особое внимание уделяется специальным основаниям недействительности данных соглашений.

Ключевые слова: супруги; брачный договор; соглашение о разделе имущества, нажитого в период брака; недействительность брака; недействительность сделки.

В Республике Беларусь брачный договор и соглашение о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, являются эффективными инструментами разрешения супругами вопросов распределения имущества, нажитого в период брака. Однако закрепление автономии воли супругов в соглашениях при определении судьбы имущества, являющегося общей совместной собственностью, нивелируется в тех случаях, когда они заключаются с нарушением требований закона. Недействительность данных соглашений аннулирует установленные условия относительно принадлежности имущества супругам и влечет за собой восстановление режима общей совместной собственности на такое имущество. Несмотря на общность правовой природы регулирования имущественных отношений супругов в Республике Беларусь и Российской Федерации основания недействительности брачного договора и соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, демонстрируют существенные различия.

Целью данного исследования является на основании проведения сравнительно-правового анализа оснований недействительности брачного договора и соглашения о разделе имущества, нажитого в период брака, по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации выявить проблемы правового регулирования и сформулировать предложения по совершенствованию семейного законодательства.

В соответствии с ч. 10 ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [4] и п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее – постановление Пленума № 7) [7], а также ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям для недействительности сделок, предусмотренными Гражданским кодексом

Республики Беларусь (далее – ГК), Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1, 3]. Следовательно, семейным законодательством обоих государств предусмотрены основания недействительности брачного договора исходя из нарушения условий, установленных гражданским законодательством для действительности сделок, где ничтожным является брачный договор: совершенный с нарушением формы (при отсутствии нотариального удостоверения ввиду его обязательности в соответствии со ст. 13¹ КоБС, ст. 41 СК РФ (ст. 164 ГК; ст. 163 ГК РФ) [1, 2, 3, 4]; совершенный гражданином, признанным недееспособным (ст. 172 ГК; ст. 171 ГК РФ) [1, 3]; являющийся мнимой или притворной сделкой (ст. 171 ГК; ст. 170 ГК РФ) [1, 3]; содержит условия, которые ограничивающие правоспособность или дееспособность супругов, право обращаться в суд (ч. 4 п. 10 постановления Пленума № 7, п. 3 ст. 42, п. 2 ст. 44 СК РФ) [2, 7]. Оспоримым брачный договор признается: совершенный гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 178 ГК; ст. 176 ГК РФ) [1, 3]; совершенный гражданином, не способным понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК; ст. 177 ГК РФ) [1, 3]; совершенный под влиянием заблуждения, обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или вследствие стечения тяжелых обстоятельств (ст.ст. 179, 180 ГК; ст.ст. 178, 179 ГК РФ) [1, 3].

Кроме того, в соответствии с п. 3 ст. 42 СК РФ брачный договор не может: ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства [2].

Согласно ч. 2 ст. 44 СК РФ суд может признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. При включении в брачный договор иных норм. Условия брачного договора, нарушающие другие требования п. 3 ст. 42 СК РФ, ничтожны [2].

Следует отметить, что в правовой системе Республики Беларусь недопустимость включения в брачный договор условий, ограничивающих правоспособность супругов, в том числе их право на судебную защиту предусмотрена ч. 4 п. 10 постановления Пленума № 7 [7], однако данное ограничение к содержанию брачного договора не предусмотрено в КоБС. По мнению Короткевич М.П., такие условия соответствуют задачам семейного законодательства и их следовало бы включить в нормы КоБС [14, с. 79].

Рассматривая основания недействительности в соответствии с п. 3 ст. 42 СК РФ, следует отметить, что согласно СК РФ брачный договор ограничен исключительно имущественными правами и обязанностями супругов, а в Республике Беларусь, согласно ч. 2 ст. 13 КоБС, супругам предоставлено право определять в брачном договоре также личные неимущественные права и обязанности [2, 4]. Соответственно, в законодательстве о браке и семье Республики Беларусь признается действительным условие брачного договора, содержащее личные неимущественные отношения супругов.

В юридической литературе Российской Федерации понятие «крайне неблагоприятного положения» остается дискуссионным, поскольку оно носит оценочный характер, а его содержание определяется судом в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела. Верховным Судом РФ в п. 15 Постановления Пленума от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» приводится только пример такого условия: когда один из супругов полностью лишается права собственности на имущество, нажитое супругами в период брака [5].

Необходимость в существовании специального основания для признания брачного договора полностью или частично недействительным, если его условия ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, обусловлена тесной связью договора с личными отношениями сторон [16, с. 138]. Антокольская М. В. указывает на риск злоупотребления правом, возникающий в ситуациях, когда супруг, руководствуясь эмоциональной привязанностью, избыточным доверием, заключает брачный договор, который в долгосрочной перспективе влечет существенное нарушение его прав. [10, с. 82].

Однако, по мнению Ивахненко С. Н., Ибрагимовой Н. Ш. неопределенность формулировки «крайне неблагоприятное положение» допускает ее неоднозначную интерпретацию, порождает трудности в правоприменительной практике [12, с. 74]. Низамиева О.Н. считает, что применение п. 2 ст. 44 СК РФ влечет недействительность брачного договора с момента его заключения и создает правовую неопределенность, ставя под удар интересы не только супругов, но и контрагентов, полагавшихся на условия контракта при совершении сделок. В связи с этим Низамиева О.Н. предлагает исключить «крайне неблагоприятное положение» как специальное основание недействительности, чтобы обеспечить стабильность гражданского оборота и защитить права добросовестных третьих лиц [16, с. 253].

Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь в п. 11 утратившем силу постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» было закреплено такое специальное требование к содержанию брачного договора как недопустимость включения условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречащих основным началам

семейного законодательства. При этом в изначальной редакции ч. 4 п. 11 данного постановления включение условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [9], рассматривались как основание для признания брачного договора недействительным. Однако постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2006 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь» такое указание было исключено [6].

В целом подход ограничения по включению в брачный договор условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, требует от правоприменителя решения таких вопросов как определение времени существования таких обстоятельств и других [14, с. 79–80]. Однако в настоящее время, ввиду уже отсутствия сходной нормы в действующем постановлении Пленума № 7, супругам предоставляется автономия воли на определение судьбы имущества, нажитого в период брака, исключается возможность оспаривания брачного договора по условию поставления одного из супругов в «крайне неблагоприятное положение», а контроль за соблюдением законности, согласованных условий в брачном договоре возлагается на нотариусов при удостоверении договора в соответствии с п. 58 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 [8] и суд при рассмотрении дел о недействительности брачного договора.

Помимо изложенных в законодательстве обоих государств оснований недействительности брачного договора, следует подчеркнуть его акцессорный (зависимый) характер. Юридическая сила брачного договора неразрывно связана с действительностью брака, в связи с чем признание брака недействительным, по нашему мнению, должно напрямую влиять на действие брачного договора.

Так, в законодательстве Российской Федерации четко определена судьба брачного договора при признании брака недействительным в соответствии с п. 2 ст. 30 СК РФ [2]. Маркосян А.В. в своем диссертационном исследовании подчеркивает преэминентность юридических фактов в семейном праве: супруги уже связаны правоотношениями до момента совершения конкретных сделок. Ключевой особенностью является то, что для вступления брачного договора в силу необходимо наличие заключенного брака, при этом недействительность брака автоматически аннулирует брачный договор, но не наоборот [15, с. 16].

В свою очередь, Князева Е.В. акцентирует внимание на том, что семейно-правовые соглашения не создают отношения «с нуля», а лишь корректируют или дополняют уже существующий правовой статус сторон, установленный законом. В отсутствие брачного договора отношения супругов не прекращаются, а продолжают регулироваться императивными нормами семейного законодательства [13, с. 104].

В законодательстве о браке и семье Республики Беларусь прямое указание на недействительность брачного договора при недействительности брака в КоБС отсутствует, что создает правовую неопределенность, так как формально брачный договор в Республике Беларусь может быть признан недействительным лишь по общим основаниям предусмотренным главой 9 ГК. Указанное свидетельствует о менее выраженной правовой регламентации данного вопроса в КоБС по сравнению с СК РФ. Так, ст. 45 КоБС установлен исчерпывающий перечень оснований для признания брака недействительным: нарушение условий заключения брака, установленных ст. 17-19 КоБС (согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие препятствий к заключению брака), а также регистрация заключения брака без намерения создать семью (фиктивный брак) [4].

В соответствии со ст. 48 КоБС брак, признанный недействительным, считается таковым с момента его заключения в органах, регистрирующих акты гражданского состояния [4]. Таким образом, права и обязанности супругов аннулируются с момента регистрации заключения брака, за исключением гарантий для добросовестного супруга и интересов детей (ч. 3, 4 ст. 49 КоБС) [4].

В соответствии с ч. 2 ст. 49 КоБС к имуществу, приобретенному в недействительном браке, применяются правила, предусмотренные ГК [4]. Следовательно, в случае признания брака недействительным режим общей совместной собственности супругов аннулируется, а права на имущество, приобретенное в период брака, определяются нормами ГК. При таких обстоятельствах составление брачного договора, сама возможность заключения, которого тесно связана с наличием брачных отношений между его сторонами, не соответствует законодательству. Однако в ст. 49 КоБС исчерпывающим образом определены последствия признания брака недействительным.

Проведенный анализ правовой регламентации оснований недействительности брачного договора по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации позволил выявить неопределенность правового регулирования недействительности еще одного соглашения супругов – соглашения, которым возможно определить судьбу имущества, нажитого в период брака. В КоБС такое соглашение именуется как соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, а в СК РФ – соглашение о разделе общего имущества, нажитого супругами в период брака (далее – соглашение о разделе имущества, нажитого в период брака). В соответствии с законодательством обоих государств (ч. 1 ст. 23 КоБС; п. 1 ст. 33, п. 1 ст. 34 СК РФ), имущество, нажитое супругами в период брака, является их совместной собственностью, если иной режим не определен брачным договором [4, 2]. Супруги вправе осуществить раздел имущества путем заключения соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, что прямо следует из ч. 3 ст. 24 КоБС и п. 2 ст. 38 СК РФ [4, 2].

Принимая во внимание ч. 2 ст. 7 КоБС и ст. 4 СК РФ, положения о недействительности брачного договора, соглашения об уплате алиментов (ч. 10 ст. 13, ст.ст. 103³, 103⁴ КоБС; ст.ст. 44, 101 СК РФ) [2, 4], следует сделать вывод о том, что соглашение о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, ввиду отсутствия прямого указания об этом в нормах КоБС и СК признается недействительным по основаниям, предусмотренным ГК, ГК РФ. В том числе, по мнению Савельева Д. Б., в отношении недействительности соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, применяются нормы гражданского законодательства с учетом особенностей правового регулирования семейных отношений [17, с. 20].

Однако в законодательстве Российской Федерации гл. 7 СК РФ не закрепляет специальной нормы, аналогичной п. 1 ст. 44 СК РФ. Низамиева О. Н. считает, что упомянутые в п. 1 ст. 44 СК РФ условия, влекущие недействительность брачного договора, должны распространяться и на соглашение о разделе имущества, нажитого супругами в период брака. Также высказывается позиция о целесообразности признания соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, недействительным при содержании в нем условия, ставящего одного из супругов в крайне неблагоприятное положение [16, с. 327].

Следует согласиться и с мнением Звенигородской П.Ф., что применение норм права, регулирующих изменение, расторжение брачного договора, к соглашению о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, считается более правильным не только по аналогии закона, но и в связи с тем, что брачный договор может содержать элементы разных семейно-правовых договоров, в том числе соглашения о разделе имущества, то вполне закономерно по тем же правилам изменять, расторгать соглашение о разделе имущества, т. к. правовая природа этих семейно-правовых договоров одинакова [11, с.139]. Следовательно, ученые допускают признание соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, недействительным по основаниям п. 1 ст. 44 СК РФ, однако такой подход не имеет нормативно-правового закрепления.

Несмотря на указание о недействительности брачного договора при недействительности брака в п. 2 ст. 30 СК РФ, судьба иных соглашений в СК РФ не регламентирована. При этом КоБС также не закрепляет норму о недействительности соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, при недействительности брака. Низамиевой О.Н. отмечается неопределенность правового статуса соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, указывая на отсутствие в семейном законодательстве норм о судьбе соглашения при недействительности брака и единообразных требований к их форме [16, с. 327].

Таким образом, в законодательстве двух государств наблюдается правовая неопределенность регулирования недействительности брачного договора и соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака. При

этом в СК РФ регламентация частична (охватывает только брачный договор), а в КоБС неопределенность распространяется на оба соглашения супругов.

Исходя из вышеизложенного, проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования семейного законодательства Республики Беларусь с учетом опыта Российской Федерации с целью устранения правовых коллизий и обеспечения единообразного применения норм о недействительности брачного договора, соглашения о разделе имущества, нажитого супругами в период брака, предлагаем дополнить ч. 2 ст. 49 КоБС следующей нормой: «Признание брака недействительным влечет недействительность брачного договора, а также соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, с момента их заключения».

Кроме того, с целью обеспечения в семейном законодательстве Российской Федерации унификации правовых последствий признания брака недействительным в отношении брачного договора и соглашения о разделе общего имущества супругов, предлагаем второе предложение п. 2 ст. 30 СК РФ изложить в следующей редакции: «Брачный договор, заключенный супругами (статьи 40 – 42 настоящего Кодекса), а также соглашение о разделе общего имущества супругов, нажитого в период брака, признаются недействительными».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.01.2026).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.01.2026).
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-3 (последняя редакция). URL: https://etalonline.by/document/?regnum=НК9800218&ysclid=m9twdu8e9567606_5241 (дата обращения: 20.01.2026).
4. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 г. № 278-3 (последняя редакция). URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278&ysclid=m9tw9z531q533345_010 (дата обращения: 20.01.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 20.01.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.09.2006 г. № 9 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь» (последняя редакция). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=S20600009> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.12.2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»

(последняя редакция). URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=s22200007> (дата обращения: 20.01.2026).

8. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий утв. постановлением М-ва юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 г. № 63. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=w20615268&q_id=0&ysclid=m9twi2x0gp628382188 (дата обращения: 22.04.2025).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.06.2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (утратило силу) URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=S20000005> (дата обращения: 20.01.2026).

10. Антокольская Семейное право: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.-Юристь, 2002. - 336 с.

11. Звенигородская П. Ф. Изменение, расторжение, признание недействительным соглашения о разделе имущества супругов // Ленинградский юридический журнал. 2007. №4.

12. Ибрагимова Н.Ш., Ивахненко С.Н. Об основаниях недействительности брачного договора // Закон и право. 2021. №8.

13. Князева Е.В. Диспозитивность в семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Князева Елена Васильевна. – М., 2003. – 24 с.

14. Короткевич М. П. К вопросу о предмете Брачного договора и пределах свободы усмотрения сторон при определении его содержания // Судовы веснік. 2022. № 4.

15. Маркосян А.В. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Маркосян Анаит Вячеславовна. – М., 2007.– 27 с.

16. Низамиева О. Н. Функции семейно-правовых договоров: автореф. дис. ... доктор юрид. наук: 5.1.3 / Низамиева Ольга Николаевна. – Казань, 2025. – 513 с.

17. Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере : учеб. пособие / Д. Б. Савельев. М. : Проспект, 2017. - 144 с.

Об авторе:

БИДЮК Елизавета Витальевна – магистрантка 1 курса юридического факультета Белорусского государственного университета.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО ВОПРОСАМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДИРЕКТОРА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Т.И. Богуславский

ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет", г. Казань

Научный руководитель к.ю.н., доцент О.А.Чепарина

В статье анализируется судебная практика в сфере ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени и в интересах юридического лица, за убытки, причиненные юридическому лицу. В работе исследуются тенденции в понимании судами неразумности и недобросовестности действий таких лиц как оснований ответственности. Посредством системного метода структурированы примеры судебной практики, приведенные в Обзоре практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [5] (далее – Обзор). Установлено, что одни и те же действия директора могут трактоваться судами как недобросовестные или неразумные в зависимости от установленных обстоятельств дела. Понятие «разумность» уточнено в Обзоре с учетом акцентов на профессионализм в действиях директора.

***Ключевые слова:** директор юридического лица, убытки, неразумные действия, недобросовестные действия.*

Вопросы ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени и в интересах юридического лица остаются одними из важнейших в корпоративных отношениях и в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами в целом. Нормативная основа такой ответственности содержится в статьях 53 и 53.1 ГК РФ, теоретическая основа представлена в трудах таких ученых-цивилистов как Н.В. Козлова [2], И.С. Шиткина [3], О.В. Гутников [1] и других авторов.

Исследование указанных вопросов не теряет актуальности и в настоящее время. Свидетельством тому является обновление судебной практики, связанной с привлечением к ответственности директора юридического лица и иных лиц, уполномоченных выступать от имени и в интересах юридического лица. Так, 30 июля 2025 года Президиумом Верховного Суда Российской Федерации утвержден Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Обзор) [5]. Необходимость такого обобщения давно назрела, поскольку с момента принятия постановления Пленума ВАС РФ № 62, содержащего обзор судебной практики по привлечению к ответственности директора за убытки, причиненные юридическому лицу [4] (далее – постановление Пленума №62), прошло более 10 лет.

Несмотря на важность постановления Пленума № 62, многие из его положений нуждались в уточнении, поскольку тенденции развития экономики (цифровизация, внедрение инновационных технологий) и права (усиление диспозитивных начал в регулировании корпоративных отношений) стали

факторами, подлежащими учету при квалификации действий лиц, уполномоченных выступать от имени и в интересах юридического лица.

Так, п. 3 постановления Пленума ВАС РФ № 62 содержит вывод, что неразумность действий директора считается доказанной, если директор совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.). Между тем полагаем, что подобные действия директора при определенных условиях можно расценивать и как действия недобросовестные, например, в случаях, когда директор, желая заключить сделку с «нужным» ему контрагентом, делает это в обход процедур согласования, принятых в юридическом лице. Обзор учел указанные обстоятельства и дал им соответствующую оценку.

В целом новое обобщение судебной практики демонстрирует, что каждый случай индивидуален и подлежит рассмотрению с учетом конкретных обстоятельств.

Обзор достаточно объемный по содержанию и включает 26 кейсов, связанных с применением арбитражными судами ст. 53.1 ГК РФ.

Его примерную структуру можно представить следующими видами споров:

- споры, связанные с действиями директора в условиях конфликта интересов (4 кейса);
- споры, связанные с использованием руководителем активов хозяйственного общества на себя или на иных лиц (5 кейсов);
- споры, связанные с поведением директора в условиях обычного делового (нормального хозяйственного) риска (2 кейса);
- споры, связанные с учетом размера полученной прибыли (1 кейс);
- споры, возникающие в связи с тем, что в организации не выстроена система управления обществом, обеспечивающая должную осмотрительность при выборе и проверке контрагентов (2 кейса);
- споры, связанные с вопросами ответственности при недостаточности (ограниченности) у юридического лица имущества и невозможности привлечь дополнительное финансирование (1 кейс);
- споры при привлечении хозяйственного общества к публично-правовой ответственности (3 кейса);
- споры при условии одобрения действий директора участниками (акционерами) общества, включая фактическое одобрение совершенных им сделок (8 кейсов);
- споры о соглашении об устранении или ограничении ответственности руководителя хозяйственного общества в виде возмещения убытков, причиненных обществу совершением недобросовестных действий (1 кейс).

Остановимся на анализе отдельных выводов по приведенным спорам. Пристальное внимание в Обзоре уделено убыткам, наступившим в результате действий директора в условиях конфликта интересов (сделок с

заинтересованностью). В соответствии с постановлением Пленума № 62 подобные действия директора презюмируются как недобросовестное поведение. Обзор продолжает намеченную тенденцию, обозначая, что раскрытие директором конфликта интересов перед участниками общества (акционерами) или членами совета директоров (наблюдательного совета), презюмируется в качестве его добросовестного поведения, пока иное не будет доказано истцом (п. 1, 2). При этом о нахождении руководителя хозяйственного общества в условиях конфликта интересов при совершении сделки может свидетельствовать не только подконтрольность стороны сделки руководителю по формальным признакам, но и фактическая аффилированность руководителя и иных участников сделки (п.3). При этом Обзор обращает внимание на процедуры принятия решений об одобрении сделок (кворум (п. 17), раскрытие информации о заинтересованности участника (п. 19)). При установлении факта о нарушениях процедур и недействительности соответствующих решений, вина директора презюмируется.

Кроме того, одобрение действий руководителя хозяйственного общества не освобождает его от ответственности за причиненные юридическому лицу убытки, если руководитель скрыл информацию, имеющую значение для принятия решения; не раскрыл необходимую информацию о содержании сделки и рисках ее совершения или представил сведения, которые являлись недостоверными (п.18).

Очень важным представляется сделанный в Обзоре вывод о том, что совершение руководителем хозяйственного общества крупной сделки без получения необходимого корпоративного одобрения не является основанием для взыскания убытков, если действия руководителя не были направлены на причинение вреда интересам юридического лица. Если в суде будет доказана невиновность директора, и обоснованность совершения соответствующих сделок, то ответственность не наступает. Так, в одном из дел судами установлено, что договоры поручительства и договоры залога (ипотеки) регулярно заключались обществом в обеспечение исполнения обязательств своего дочернего общества, связанных с ведением его финансово-хозяйственной деятельности, направленной на получение прибыли, то есть в целях увеличения стоимости акций самого общества, что свидетельствует о наличии опосредованной выгоды для общества от выданного обеспечения. Договоры были заключены на обычных условиях и не содержали обременительных для общества положений. На момент выдачи обеспечения риск неисполнения своих обязательств дочерним обществом не мог оцениваться как существенный (п. 20).

В Обзоре обобщена судебная практика по спорам, связанным с использованием директором имущества в собственных интересах. При этом суд делает вывод, что использование руководителем активов хозяйственного общества (имущество, объекты интеллектуальной собственности и т. п.) в собственных интересах и (или) в интересах иных лиц, или если произведенные

выплаты не отвечали интересам этого юридического лица, может являться основанием для возложения на таких лиц обязанности по возмещению убытков, в том числе упущенной выгоды. Так, в рассмотренном в Обзоре примере в период осуществления функций единоличного исполнительного органа общества руководитель допустил использование товарного знака общества контрагентом, подконтрольным руководителю, и впоследствии произвел отчуждение прав на товарный знак в пользу контрагента. Впоследствии товарный знак стал использоваться другим юридическим лицом, подконтрольным членам семьи руководителя общества, которое заменило контактные данные истца на интернет-сайте на собственные данные и стало получать доход вместо истца. Договор об отчуждении прав на товарный знак заключен на условиях, не отвечающих интересам общества (по символической цене) после фактического начала использования товарного знака лицом, подконтрольным руководителю общества. (п. 5). В то же время суд делает вывод, что на руководителя хозяйственного общества не может быть возложена ответственность за расходование средств общества на себя и (или) на иных лиц, если осуществление таких расходов связано с экономическими интересами общества и их защитой. Так, в Обзоре признаны правомерными выплаты адвокату по договору возмездного оказания услуг, исполнение по которому будет осуществляться в пользу руководителя общества, участников общества и иных лиц в случае непосредственной заинтересованности хозяйственного общества в исходе сопровождаемых юристом мероприятий, имеющих прямое либо косвенное отношение к имущественному положению, деловой репутации самого хозяйственного общества (п. 7).

Важным является обобщение практики по убыткам, причиненным в условиях обычного предпринимательского риска, и невозможности их взыскания с директора при отсутствии в его действиях признаков неразумности и/ или недобросовестности. Так, расходы по заключенным директором договорам в целях предварительного изучения возможности строительства торгово-стрелкового комплекса на земельном участке до приобретения его в собственность или аренду обществом, в случае если анализ показал осуществление проекта по строительству комплекса является экономически нецелесообразным само по себе не свидетельствует о виновности директора в причинении обществу убытков, поскольку он действовал в условиях обычного предпринимательского риска, его действия основаны на принципе защиты делового решения, исходя из которого предполагается, что наличие негативных для корпорации последствий от принятых руководителем общества решений само по себе не может являться основанием для привлечения его к ответственности, поскольку возможность возникновения убытков у юридического лица в процессе осуществления хозяйственной деятельности соответствует предпринимательской деятельности (п.9).

В продолжение Постановления Пленума № 62 Верховный суд останавливается на вопросах убытков, возникших по причине невыстроенной системы управления обществом, обеспечивающей должную осмотрительность при выборе и проверке контрагентов. Руководитель хозяйственного общества может быть привлечен к ответственности за убытки, возникшие у юридического лица в связи с неисполнением обязательств его контрагентами, если руководителем не была выстроена система управления обществом, обеспечивающая должную осмотрительность при выборе и проверке контрагентов. По сути, в обществе отсутствовала внутренняя система управления и контроля, исключавшая заключение сделок с поставщиками, заведомо неспособными исполнить обязательства и обеспечивающая проявление должной осмотрительности при выборе контрагентов. Действия ответчика признаны судами неразумными, экономически нецелесообразными и выходящими за пределы разумного делового риска, в связи с чем в силу пункта 1 статьи 53.1 ГК РФ обусловленные его поведением убытки общества в размере перечисленных контрагенту денежных средств по мнению суда должны быть возмещены ответчиком. (п. 12)

Обзор останавливается также на вопросах ответственности участников юридического лица, чье виновное поведение может снизить либо исключить ответственность директора. Так, ответственность руководителя хозяйственного общества в виде возмещения убытков исключается, если руководитель, действуя разумно, не мог предотвратить их возникновение вследствие недостаточности (ограниченности) у юридического лица имущества и невозможности привлечь дополнительное финансирование (п. 13). Суд делает вывод, что убытки не могут быть возложены исключительно на руководителя, поскольку формирование имущества юридического лица в объеме, достаточном для достижения целей его деятельности, относится к сфере ответственности участников (акционеров) общества.

Очень важный вывод сделан судом по результатам обобщения споров о привлечении юридического лица к публично-правовой ответственности. Так, постановление Пленума 62 поясняет, что подобные факты могут свидетельствовать о вине директора в наступлении такой ответственности для юридического лица и быть основанием для взыскания с него убытков. В Обзоре делается вывод, что привлечение хозяйственного общества к публично-правовой ответственности не является достаточным основанием для возложения на руководителя общества обязанности по возмещению убытков. К таким случаям применимы общие правила возмещения убытков руководителем общества, в том числе правило защиты делового решения (абзац второй пункта 1 статьи 53.1 ГК РФ), применяемое для оценки разумности поведения руководителя и ограждающее руководителя от ответственности в ситуациях, когда его действия (бездействие) соответствовали обычным условиям гражданского оборота и (или) обычному

предпринимательскому риску и не являлись необходимой причиной возникновения убытков (п.14).

Подводя итоги проведенному исследованию, следует обратить внимание, что в Обзоре уточнены понятия добросовестности и разумности действий директора. Так, в соответствии с абз. 6 и 7 п. 2 Обзора требование добросовестности поведения руководителя общества означает, что лицо, которому участниками хозяйственного общества доверено руководство его деятельностью, должно осуществлять свои полномочия в интересах дела хозяйственного общества, которым он управляет, а при наличии конфликта интересов не вправе отдавать предпочтение собственным интересам или интересам третьих лиц. Требование разумного поведения предполагает, что руководитель общества при управлении текущей деятельностью общества и совершении сделок от имени общества должен действовать профессионально, предпринимая необходимые и отвечающие его квалификации усилия для реализации интересов юридического лица, состоящих, по общему правилу, в получении прибыли.

Список литературы

1. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-otvetstvennost-v-grazhdanskom-prave-rossii?ysclid=mjpi1om0wv499390590/> (дата обращения 25.12.2025).
2. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. – М.: Статут, 2005. – 476 с.
3. Корпоративное право: учеб. курс. В 2 т. Т. 2. / Отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2018. – 990 с.
4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. N 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица"(последняя редакция) // Вестник ВАС РФ, 2013 г., N 10.
5. Обзор Президиума Верховного Суда России от 30 июля 2025 г. "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 г.)" (последняя редакция).URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412314878/?ysclid=mjgpbprvnd829579718/> (дата обращения 25.12.2025).

Об авторе:

БОГУСЛАВСКИЙ Тимур Ирекович – аспирант 2 года обучения юридического факультета ФГАОУ ВО "Казанский (Приволжский) федеральный университет" научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

КРИОКОНСЕРВИРОВАННЫЙ ЭМБРИОН КАК НЕПОИМЕНОВАННЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

П.П. Дроздов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

В статье анализируются существующие в доктрине подходы к определению правового статуса криоконсервированного эмбриона в качестве субъекта («квази-субъекта») права или объекта гражданских прав. Особое внимание уделяется вопросу обоснования признания эмбриона самостоятельной, непоименованной категорией объектов гражданских прав - объектом права с особым правовым статусом (биобъектом), что направлено на формирование более определённого и сбалансированного правового регулирования отношений, связанных с имплантацией, хранением, донацией и утилизацией эмбрионов.

***Ключевые слова:** вспомогательные репродуктивные технологии; потенциальные родители; криоконсервированный эмбрион; субъект права; объект гражданских прав; правовой статус эмбриона; право собственности на эмбрион.*

В настоящее время отношения по использованию вспомогательных репродуктивных технологий, эмбриона человека остаются в должной степени неурегулированными действующим законодательством. Актуализируется вопрос о правовом статусе эмбриона человека, его характерных признаках и регулировании отношений, возникающих в связи с его применением.

Стоит отметить, что в законодательстве единое определение эмбриона отсутствует. Лишь в статье 2 Федерального закона от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» указывается, что эмбрион человека - зародыш человека на стадии развития до восьми недель [3]. Более того, в статье 2 закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 "О трансплантации органов и (или) тканей человека" указывается, что действие данного закона не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы)[4].

Тем самым законодатель разделяет понятия эмбриона и биологических материалов и органов человека, подразумевая, что эмбрион не попадает под действие норм, регулирующих трансплантацию органов человека. В таком случае возникает вопрос о праве распоряжения эмбрионом, в частности, посредством утилизации или имплантации. Могут ли потенциальные родители осуществлять с ним соответствующие правомочия? Для ответа на данный вопрос необходимо определить правовой статус эмбриона, является ли он субъектом или объектом гражданских прав.

Так, первая точка зрения говорит о том, что эмбрион следует рассматривать в качестве *субъекта права*. В ее поддержку выступает, например, К.Н. Свитнев, который указывает в качестве главного аргумента в пользу признания эмбриона субъектом права «право на жизнь с момента зачатия» [14, с. 32]. В то же время в науке нет единого подхода к тому, как определять сам по себе

момент зачатия, а в случае с криоконсервацией и хранением эмбриона такой подход является куда более сложным. Ведь если в случае с естественным зачатием этот момент наступает в понятный и предсказуемый промежуток времени, то при отборе генетического материала потенциальных родителей и его соединении в эмбрион для последующей заморозки и хранения невозможно однозначно трактовать является ли зачатием момент соединения клеток в лабораторных условиях, либо для этого должна произойти процедура имплантации такого эмбриона в тело женщины. При этом разница между такими процедурами может составлять всего пару часов, а может длиться годами, что вносит еще больше неопределенности в отсчет такого момента в качестве критерия отнесения эмбриона к субъектам права.

Наиболее ярко свидетельствует о несовершенстве такого подхода единственная норма в российском законодательстве, напрямую затрагивающая права эмбрионов, содержащаяся в статье 1116 ГК РФ. В частности, в пункте 1 данной статьи указывается, что к наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства [2]. В данном случае в законе не раскрывается, что подразумевается под «зачатием», когда наступает этот момент, и если под ним понимать только имплантацию эмбриона в тело женщины, то наследственных прав в таком случае лишаются все дети, рожденные в результате посмертной репродукции. Как в таком случае, исходя из предложенных К.Н. Свитневым признаков, рассматривать остальные эмбрионы и можно ли считать одних субъектами права, а других нет, остается не вполне понятным.

Другие же ученые приводят иные признаки, позволяющие отнести эмбрион к субъектам права. В частности, А.А. Мохов утверждает, что «в доктрине назревает потребность в разработке концепции нового субъекта правоотношений — неродившегося ребенка» [13, с. 17]. Л.Т. Гибадуллина же считает, что эмбрион (плод) является пациентом и может наделяться правоспособностью [9, с. 24].

Такая позиция является довольно-таки спорной, поскольку в соответствии с пунктом 2 статьи 17 ГК РФ правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. Частью 2 статьи 17 Конституции РФ также предусматривается, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения [1]. Соответственно, правоспособность, и как следствие, правосубъектность человека может возникнуть только в момент рождения, как только плод отделяется от организма матери, а рождение мертвого ребенка не порождает для него наличие правоспособности.

Иной подход перевернул бы правила для всех существующих в российском праве правоотношений, поскольку перед правоприменителем были бы поставлены неразрешимые вопросы, например, какие последствия будет иметь искусственное прерывание беременности, если эмбрион уже имеет правоспособность, возможно ли утилизировать невостребованные эмбрионы,

хранящиеся в медицинской организации даже по воле потенциальных родителей, можно ли эмбриону причинить вред во время криоконсервации и последует ли за это иная ответственность кроме гражданско-правовой?

Данное умозаключение позволяет сделать вывод о том, что рассматривать эмбрион в качестве классического субъекта права, предоставив ему правосубъектность еще до момента рождения, ошибочно и породит лишь больше трудноразрешимых ситуаций в правоприменительной практике.

При этом интересной представляется позиция С.И. Архипова, который предлагает считать эмбриона «предсубъектом права», аргументируя свою точку зрения тем, что «только воля позволяет отграничить субъект от объекта права и обеспечивает возможность участвовать в правоотношениях» [7, с. 267]. Поддерживая и раскрывая такой подход, Н.Л. Клык и В.Н. Соловьева, полагают, что в статью 17 ГК РФ можно внести изменение, указав «наличие относительной правоспособности эмбриона с целью его защиты, например, при принятии женщиной решения об аборте, поскольку использование понятий вещного права к эмбриону человека противоестественно» [11, с. 20].

С одной стороны, такое предложение выглядит более логичным, позволяя считать эмбриона практически субъектом права, усилив в отношении них меры защиты, что соответствует публичным интересам государства по укреплению института семьи, защите материнства и детства, но, с другой стороны, такой подход не дает возможности уравнивать его в правах и обязанностях с уже родившимся человеком, что позволяет задать вполне логичный вопрос: в чем именно в таком случае будет заключаться правоспособность эмбриона? По нашему мнению, это только усугубит имеющиеся проблемы, создав нового «квази-субъекта права» с не до конца ясным набором признаков и прав, который не является при этом ни субъектом, ни объектом права и не может быть урегулирован ни как тот, ни как другой.

В противовес позиции о рассмотрении эмбриона в качестве субъекта права предполагается его признание, как *объекта гражданских прав*. С нашей точки зрения такой подход представляется более разумным и практически реализуемым, позволяя регулировать уже имеющиеся правоотношения на основе принципов, связанных с правомочиями собственника, но все же нуждается в доработке.

Так, Ю.С. Гамбаров считает, что «вне человеческого организма клетки могут являться вещами как индивидуально-определёнными, так как они имеют индивидуальные отличительные признаки, так и определёнными родовыми признаками» [8, с. 587]. Данное утверждение может быть применимо и к эмбриону, ведь тот является соединением генетического материала двух потенциальных родителей. Однако и классифицировать его в качестве прямой разновидности вещи наряду с стульями и столами нельзя, ведь это, как минимум, кощунственно и неправильно, ведь сам по себе эмбрион, хоть и не является с субъектом права до момента своего рождения, но несет в себе определенный набор прав, который потенциально приобретает субъект права, и которыми не может обладать объект права.

Такая позиция нашла отражение и в судебной практике. Так, в апелляционном определении Верховного Суда Республики Хакасия по делу № 33-1363/2024 эмбрион определяется, как «объект гражданских прав, обладающий признаками индивидуально-определенной, движимой, неделимой и потребляемой вещи, хоть и с определенной спецификой» [15].

Если попробовать рассмотреть его как «чистую» разновидность имущественного права, в частности права родителей, которые могут его реализовать, распорядившись эмбрионом, то такой подход тоже является не вполне верным, ведь в понимании А.П. Сергеева имущественное право является не менее широким понятием, чем вещь, и подразумевает правомочия собственника материальными благами и другими имущественными правами, которые имеют экономическое содержание, могут быть отчуждены и служат удовлетворению материальных интересов субъектов права [10, с. 12]. В то же время эмбрион не может иметь экономического значения, из него не может быть извлечена материальная ценность.

Дополнительным аргументом в пользу квалификации эмбриона в качестве объекта гражданских прав, по нашему мнению, является его рассмотрение в качестве нематериального блага, поскольку в качестве него можно считать реализацию человеком его личных неимущественных прав, в частности, репродуктивного права стать родителем. Эмбрион в таком случае можно рассматривать не как ценность саму по себе, а как «инструмент» и возможность для реализации соответствующего права. При этом репродуктивное право фактически является неотчуждаемым. Его нельзя изъять или передать, человек не может его лишиться кроме как в случае наступления бесплодия, что не лишает права человека стать родителем путем усыновления (удочерения) или иным способом.

Однако у такой позиции присутствует недостаток, поскольку эмбрион фактически можно передать. Его можно хранить в различных медицинских организациях, либо использовать в качестве донорского. Так, в соответствии с пунктом 64 приказа Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению" с целью донорства могут быть использованы эмбрионы, оставшиеся после проведения программ ВРТ пациентам при условии их обоюдного письменного согласия [5].

В то же время пунктом 4 статьи 1349 ГК РФ запрещается регистрировать в качестве объектов патентных прав способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, а также использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях. Следовательно законодательство напрямую не запрещает распоряжаться донорским эмбрионом, но ограничивает его использование в коммерческих и промышленных целях.

Тем самым можно сделать промежуточный вывод, что, хоть эмбрион, в том числе и криоконсервированный, по своей правовой природе является наиболее

близким к остальным объектам гражданских прав, но его невозможно напрямую отнести к одной из его разновидностей, поскольку он включает в себя характерные черты, свойственные как нематериальным благам, так и обычным вещам, а также частично имущественным правам. В таком случае наиболее верно было бы рассматривать его в качестве отдельной, непоименованной категории объектов гражданских прав.

С такой позицией соглашаются Н.В. Аполинская, которая указывает, что «эмбрионы, как и остальные биологические объекты человека, следует включать в иное имущество» [6, с. 10], а также А.Н. Лысенко, которым предлагается подход по «отнесению эмбрионов к новым, непоименованным объектам прав, указывая при этом признаки уже имеющихся в законе, соотнося его с родовыми признаками имущества в той части, в которой их правовое регулирование может совпадать» [12, с. 13].

Таким образом, полагаем, что следует развить данную концепцию, рассмотрев эмбрион в качестве непоименованного *объекта с особым правовым статусом (биобъекта)*, распространяя на него одновременно признаки иного имущества (вещей), а также имущественных прав, позволяя осуществлять потенциальным родителям, которые были бы признаны в таком случае собственниками эмбриона, право владения, пользования и распоряжения эмбрионом, облачив в теоретическую оболочку те действия, которые сейчас осуществляются на практике в медицинских организациях при даче согласия на имплантацию, донацию или утилизацию эмбриона. В то же время на него будут распространяться и отношения, связанные с реализацией личных неимущественных (репродуктивных прав), а сам эмбрион будет считаться наряду с иным имуществом, на которое распространяются правомочия собственника, еще и нематериальным благом, поскольку эмбрион хоть и не является субъектом права до момента рождения и не имеет правоспособности, но он может считаться объектом права, который впоследствии после рождения имеет возможность ее приобрести, став полноценным субъектом права.

Более того, такое предложение позволит считать эмбрион общим имуществом потенциальных родителей, а также предметом наследования, донации и других сделок, позволяющих передать правомочия собственника медицинской организации с согласия потенциальных родителей в случае, если эмбрион оказался для них невостребованным, но может быть использован в качестве донорского для других субъектов, которые по тем или иным причинам не могут иметь собственных детей, что также соответствует публичным интересам государства и направлено на улучшение демографической политики в стране.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями на 4 октября 2022 года) // СЗ РФ. 2020. № 31. ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 3) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // Парламентская газета. 2002. № 94. 23 мая.
4. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 1993. №4. 9 января.
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). № 0001202010190041. 2020. 19 октября.
6. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009. 173 с.
7. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 469 с.
8. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 796 с.
9. Гибадуллина Л.Т. О проблеме правового статуса плода как пациента // Медицинское право. 2017. № 5. С. 19–24.
10. Гражданское право: учеб. в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А- П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 846 с.
11. Клык Н.Л., Соловьев В.Н. Медицинский кодекс России: каким ему быть? // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 20-22.
12. Лысенко А.Н. Понятие и виды имущества в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 233 с.
13. Мохов А.А. Неродившийся ребенок — субъект правоотношений? // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 14–18.
14. Свитнев К.Н. Юридический статус эмбриона в международном праве (правоприменительная практика) // Медицинское право. 2009. № 3. С. 31–36.
15. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Хакасия от 11 июня 2024 г. по делу № 33-1363/2024 // СПС «Гарант».

Об авторе:

ДРОЗДОВ Павел Павлович – аспирант первого года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ КАК СПОСОБ УКЛОНЕНИЯ ОТ РАСЧЁТОВ С КРЕДИТОРАМИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

И.Д. Ерёмин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель: д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

В статье исследуется актуальная проблема недобросовестности сторон алиментных соглашений в процедурах банкротства физических лиц. Автор анализирует и проводит анализ соответствующих признаков. Рассматриваются такие механизмы, как искусственное завышение размера ежемесячных платежей, единовременная передача дорогостоящего имущества в счет будущих алиментов, а также заключение мнимых соглашений. Основное внимание уделяется проблемам квалификации поведения сторон алиментного соглашения и сложностям судебного доказывания их недобросовестности. Автор представляет систематизированный перечень признаков, указывающих на недобросовестность сторон алиментного соглашения, а также вносит предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

***Ключевые слова:** банкротство физических лиц, соглашение об уплате алиментов, недействительность сделок, конкурсная масса, недобросовестное поведение должника, уклонение от расчетов с кредиторами, интересы несовершеннолетних детей, подозрительная сделка, проблемы судебного доказывания.*

Российское законодательство регулирует такой институт как несостоятельность (банкротство). Основой правовой регламентации данного института выступает Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) [3]. В 2015 году, после вступления в силу Федерального закона от 29.12.2014 № 476-ФЗ [4], одним из нововведений стало внедрение в действующую правовую систему механизма проведения банкротных процедур в отношении граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

В рамках настоящей научной статьи автором будет рассмотрено соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей как один из способов уклонения должника от расчетов с кредиторами в контексте совокупного применения норм Закона о банкротстве и Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2].

П.5. ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] устанавливает презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, распространяющаяся и на стороны алиментного соглашения. И при возникновении спора о недействительности алиментного соглашения, на заявителя в таком споре возлагается обязанность доказать наличие соответствующих признаков.

Соглашение об уплате алиментов может выступать в качестве механизма искусственного формирования алиментного обязательства накануне

процедуры банкротства. Должник, предвидя обращение взыскания на свои доходы с последующим введением процедуры банкротства, заключает с супругом нотариальное соглашение в целях исключения из конкурсной массы целевых денежных средств для сохранения контроля над своими доходами. Такие действия приводят к тому, что значительная часть активов должника становится недоступной для взыскания кредиторами. Данный признак является наиболее встречаемым в судебной практике. В таких спорах суды не только оценивают наличие факторов недействительности в соответствии положениями Закона о банкротстве, но и другие, которые прямо или косвенно могут подтвердить характер действий должника. В частности, могут быть рассмотрены обстоятельства, касающиеся бытовых условий жизни должника, его супруга и детей, факт раздельного или совместного проживания с супругами и т.д.

В качестве примера судебной практики предлагаем обратить внимание на Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2025 по делу № А56-1985/2019 [8]. Как следует из материалов дела, судом был установлен факт явного превышения размера алиментов на несовершеннолетних детей при наличии у должника иных неисполненных обязательств при условии того, что должник не обладал необходимыми для выплаты установленного содержания средствами по причине неплатёжеспособности. В таком случае правильным представляется вывод о том, что предоставление ребёнку достойного уровня материального обеспечения не может осуществляться за счёт кредиторов.

Данный судебный акт демонстрирует, что ключевыми критериями для квалификации выступают: 1) временной разрыв между заключением соглашения и введением процедуры банкротства; 2) несоразмерность алиментов реальным потребностям ребёнка и предыдущему уровню его обеспечения; 3) общее финансовое и семейное положение сторон. Необходимость доказывания именно цели причинения вреда кредиторам делает данную категорию споров весьма сложной. Также стоит уточнить, что суд в качестве одного из дополнительных квалифицирующих признаков указал на факт отсутствия указания другого несовершеннолетнего ребёнка должника в данном соглашении. По мнению суда, заключение соглашения об уплате алиментов в явно чрезмерном размере без указания на другого ребёнка демонстрирует недобросовестный характер действий должника, поскольку по соглашению на содержание лишь одного ребёнка причитались денежные средства, которые должник не мог выплатить, чем помимо прав и законных интересов кредиторов по общегражданским сделкам, должник причинил имущественный вред и интересам другого ребёнка.

Доказывание несоразмерности представляет собой достаточно сложную процедуру действий. Закон не устанавливает верхнего предела размера выплачиваемых алиментов по соглашению. В такой ситуации необходимо доказать, что сумма явно превышает реальные потребности ребёнка. Для этого нужно: запросить и проанализировать расходы семьи на ребёнка за

длительный период (чеки, квитанции, банковские выписки получателя). Помимо отсутствия прямого доступа управляющего к информации, следует учесть также и неполноту имеющихся данных, поскольку банковские выписки позволяют свидетельствовать лишь о соответствующих безналичных операциях. Наличные расчёты в такой ситуации остаются невидимыми.

В качестве возможного способа решения данной проблемы предлагается конкретизировать Постановление Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [5], п.5 ст. 10 ГК РФ в части указания на то, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, если законом не установлено иное, а также Закон о банкротстве путём интегрирования презумпции недобросовестности сторон алиментного соглашения, заключённого в период подозрительности сделок, если размер алиментов превышает 50% от дохода должника или существенно изменяет ранее сложившийся порядок содержания ребёнка. В таком случае при наличии данных признаков бремя доказывания добросовестности перейдёт на должника и получателя алиментов.

Одним из признаков недобросовестного поведения может выступать условие, при котором уплата алиментов осуществляется не ежемесячными платежами, а передачей в собственность ребёнка конкретного имущества в счёт погашения алиментных обязательств на много лет вперёд. Одной из проблем в квалификации является необходимость оценки соразмерности переданного имущества реальному объёму алиментных обязательств и проверки.

Как следует из материалов следующего судебного дела [7], супруги заключили соглашение об уплате алиментов на содержание ребёнка путём передачи имущества, а именно доли в размере 46/100 в праве собственности на квартиру. По мнению кредитора, данное соглашение направлено на вывод имущества из конкурсной массы должника в условиях его неплатёжеспособности, однако, в удовлетворении требования о признании соглашения недействительным было отказано. Особенность спора заключается в том, что судом были установлены следующие факты: сделка совершена в период подозрительности, на момент заключения соглашения должник отвечал признакам неплатёжеспособности и имел неисполненные обязательства перед кредиторами. При этом, суд исходил из принципа того, что данные обстоятельства не освобождают должника от обязанности родителя по содержанию своего несовершеннолетнего ребёнка, и что законом не установлен запрет на заключение соглашения при наличии признаков неплатёжеспособности и недостаточности имущества.

По мнению автора, такая позиция носит спорный характер, поскольку в соответствии со ст. 61.3 Закона о банкротстве, сделка, совершённая должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если сделка привела или

может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил. В данном случае передача имущества в счёт алиментов на более чем 10 лет вперёд при условии наличия признаков неплатёжеспособности и недостаточности имущества должника, заключение сделки в период подозрительности прямо говорит не только о наличии квалифицирующих признаков по ст. 61.2 Закона о банкротстве, но и оказание предпочтения одному из кредиторов в силу ст. 61.3 того же закона.

В контексте сложившейся проблематики можно отметить, что несмотря на наличие достаточного количества признаков, квалифицирующих алиментное соглашение как недействительную сделку по правилам Закона о банкротстве, судами применяются положения семейного законодательства, из которого и вытекает правовая природа соглашения, а также регулирование самих прав и обязанностей родителей в отношении детей. Сложность доказывания в подобных спорах заключается в оценке соразмерности будущих платежей. Так, например, управляющий может утверждать о том, что передача квартиры стоимостью 5 млн. руб. в счёт платежей по 30 тыс. в месяц на 14 лет – это недействительная сделка. В свою очередь со стороны должника идёт довод об учёте инфляции, будущем росте потребностей ребёнка и т.д. В такой ситуации суд будет вынужден заниматься, фактически, спекулятивными расчётами, не имея чётких критериев и представления о будущей картине жизни ребёнка.

Подобные случаи обосновывают необходимость внесения изменений в СК РФ и ГК РФ, устанавливающих запрет на заключение алиментных соглашений на условиях единовременной передачи крупного имущества лицом, отвечающим признакам неплатёжеспособности и недостаточности имущества, а также имеющим подтверждённую задолженность перед кредиторами, превышающую определённый размер, либо же при наличии возбуждённых исполнительных производств на аналогичную сумму.

Следующим признаком недобросовестного поведения может выступать увеличение размера платежей уже установленных судом или другим соглашением. В такой ситуации необходимо учитывать, что резкое увеличение размера алиментов в преддверии банкротства должно быть объективным, однако, именно на заявителя соответствующего заявления, будь то кредитор или финансовый управляющий, возлагается обязательство доказать, что помимо признаков, содержащихся в ст. ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве, в деле отсутствуют объективные причины для увеличения размера алиментов, что на деле не всегда представляется возможным.

Наиболее трудно доказуемым признаком является так называемая конвертация денежных средств через выплату алиментов с последующим их возвратом. В рамках заключённого алиментного соглашения может перечислять денежные средства другому родителю, а последний в свою очередь возвращает эти деньги самому должнику или тратит их на общесемейные нужды. Финансовому управляющему в подобных обстоятельствах крайне сложно выявить и доказать недобросовестность действий, так как требуется анализ банковских выписок всех членов семьи,

установление фактической цели расходов, а это не всегда представляется возможным, особенно в случае наличных расчётов. Косвенными признаками недобросовестного поведения на практике могут служить: общее ведение хозяйства супругами, проживание вместе, оплата получателем алиментов обязательных платежей самого должника, отсутствие взыскания алиментов через приставов и т.д. При всём этом, данные обстоятельства являются трудно доказуемыми, поскольку большинство может быть определено исключительно при содействии самого должника или получении свидетельских показаний. В таком случае речь идёт об оценке судом сделки как мнимой, т.е. совершённой лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия.

В качестве примеров судебной практики предлагаем обратить внимание на следующие судебные споры в рамках рассмотрения дел в судах первой [9] и апелляционной инстанций [6].

Как следует из материалов дел судами были установлены факты наличия признаков мнимости сделки, среди которых были выделены следующие: 1) не подтверждён факт совершения действий, направленных на получение алиментов, соглашение об алиментах, имеющее силу исполнительного документа, не предъявлялось в службу судебных приставов; 2) на дату совершения оспариваемого алиментного соглашения должник и получатель алиментов находились в брачных отношениях; 3) соглашение об уплате алиментов на содержание детей было заключено практически за месяц до возбуждения дела о банкротстве; 4) заключение соглашения, последующая исполнительная надпись и обращение в суд с заявлением о банкротстве осуществлены с целью контроля процедуры банкротства супруга и вывода имущества из конкурсной массы, учитывая очерёдность удовлетворения требований по уплате алиментов.

В дополнение к представленному ранее следует учесть ряд обстоятельств, которые сами по себе оказывают затруднение в процессе доказывания наличия признаков недействительности алиментного соглашения. Например, таковым обстоятельством может выступать субъективная оценка потребностей: невозможно доказать, что несовершеннолетнему нет нужды в оплате частной школы, дорогом отдыхе или лечении у частного платного специалиста.

Отдельно выделяется доказывание экономической нецелесообразности соглашения. Так, на текущий момент отсутствует утверждённая методика расчёта будущих алиментных платежей для оценки соразмерности единовременной выплаты по алиментам или передачи имущества в счёт будущих платежей. Также суд может справедливо отметить, что вопрос о злоупотреблении правом – это правовая квалификация, а не установление экономического факта.

Следует отметить и тот факт, что не всегда управляющему хватает полномочий для качественного и полноценного анализа финансовых дел должника, в связи с чем предлагается наделить финансового управляющего

правом запрашивать выписки по счетам близких родственников должника без вынесения отдельного судебного акта об истребовании доказательств.

Далее представлен сформулированный автором перечень признаков недобросовестного поведения сторон соглашения, при квалификации могут возникнуть определённые сложности:

1. Обстоятельства заключения:
  - 1.1. Соглашение заключено перед или после подачи заявления о признании должника банкротом, предъявления к должнику первого крупного иска от кредитора и т.д.
  - 1.2. В зависимости от действий кредиторов: заключение соглашения следует непосредственно за действиями кредиторов, будь то получение судебного приказа, решения суда, запроса от приставов, получения требований от банка о погашении задолженности и т.д.;
2. Признаки, связанные с содержанием и исполнением соглашения;
  - 2.1. Заведомая неисполнимость;
  - 2.2. Необоснованное увеличение размера алиментов;
  - 2.3. Фиктивный характер исполнения: переданное в счёт алиментов имущество фактически продолжает использоваться должником;
  - 2.4. Отсутствие реальных платежей: после заключения соглашения фактические переводы не осуществляются, или осуществляются символически, при этом получатель алиментов не принимает мер к их взысканию через приставов.
3. Признаки, связанные с семейно-бытовыми отношениями сторон:
  - 3.1. Отсутствие фактического расторжения брака, сохранение единой семьи: супруги находятся в браке при заключении соглашения, либо же брак формально расторгнут, но семья продолжает жить вместе, вести общее хозяйство и т.д.
  - 3.2. Общий бюджет: наличие общих совместных расходов, которые финансирует получатель алиментов (оплата коммунальных услуг за жильё, где проживает должник, оплата его кредитов, покупка для него товаров, совместный отдых и т.д.);
4. Признаки, связанные с финансовым положением и поведением сторон соглашения:
  - 4.1. Финансовая несостоятельность получателя алиментов при соответствующем отсутствии интереса к взысканию алиментов до момента инициирования процедуры банкротства;
  - 4.2. Соккрытие соглашения от кредиторов и управляющего;
  - 4.3. Стандартизированный шаблон: соглашение составлено по простому шаблону, без учёта индивидуальных особенностей ситуации. В совокупности с тем обстоятельством, что в соглашении указан один ребёнок, а их у сторон соглашения, допустим, двое, данный признак указывает на формальный характер соглашения, а не на реально существующую договорённость о содержании ребёнка;
5. Признаки, связанные непосредственно с процедурой банкротства:

5.1. Юридическая активность: получатель алиментов требует включить в реестр требований кредиторов задолженность, возникшую за короткий период перед банкротством, демонстрируя внезапную юридическую активность после долгого периода бездействия;

5.2. Отсутствие содействия финансовому управляющему в получении сведений о финансовой ситуации внутри семьи.

В рамках статьи выявлены и проанализированы основные механизмы недобросовестного поведения сторон алиментного соглашения, которые демонстрируют фундаментальную проблему — коллизию между защитой прав кредиторов и защитой интересов ребенка и семьи. Эта коллизия, наряду с презумпцией добросовестности и отсутствием четких критериев оценки, порождает значительные сложности в судебном доказывании недобросовестности сторон. На основе анализа судебной практики автор систематизирует признаки, указывающие на недобросовестное поведение, и предлагает конкретные меры по совершенствованию законодательства, включая установление презумпции недобросовестности для алиментных сделок, заключенных в период подозрительности, и расширение полномочий финансового управляющего. Таким образом, работа демонстрирует серьезную проблему правового регулирования такого вида споров и предлагает пути для формирования более сбалансированного подхода, который бы эффективно пресекал недобросовестное поведение сторон, не приводя при этом к нарушению законных прав и интересов детей.

Список литературы

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 31.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // СЗ РФ. 1996 г. № 1. Ст. 16.

3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // СЗ РФ. 2002 г. № 43. Ст. 4190.

4. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. N 476-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника" (в ред. от 29.06.2015) // СЗ РФ. 2015 г. № 1. Часть I. Ст. 29.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.03.2025 по делу № А40-160252/2021 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZS3ld8HiujL2> (дата обращения: 28.01.2026).

7. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 20.03.2025 по делу № А73-9482/2023 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2mh0IZIFwvVS> (дата обращения: 28.01.2026).

8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.06.2025 по делу № А56-1985/2019 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/HJSukBreveUK> (дата обращения: 28.01.2026).

9. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 25.03.2022 по делу № А40-39438/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 28.01.2026)

Об авторе:

ЕРЁМИН Илья Дмитриевич – аспирант второго года обучения, направление научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические науки)», ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: eremin.ilya@list.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЦЕННЫХ БУМАГ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Р.А. Иорданиян

ГОУ ВПО «Российско-Армянский университет»

Научный руководитель к.ю.н., Бабалян К.Г.

В статье рассматриваются ценные бумаги с их комплексным теоретическим осмыслением в структуре гражданских правоотношений с практическим применением правовых норм, регулирующих имущественные и неимущественные отношения, также попытки выработать правовые представления о природе, сущности и оборотоспособности ценных бумаг, используя общенаучные методы.

***Ключевые слова:** ценная бумага, оборотоспособность, автоматизация, рынок ценных бумаг, объекты гражданского оборота.*

Ценные бумаги представляют собой особую категорию объектов, находящихся на стыке вещного и обязательственного права. Их правовой режим определяется как положениями гражданского законодательства, так и специальными актами, регуливающими выпуск и обращение финансовых инструментов. Одной из отличительных черт данной категории является наличие в ней одновременно вещных и обязательственных начал. Так, право на ценную бумагу может носить вещный характер, тогда как закреплённые в ней права нередко носят исключительно обязательственный характер. Реализация имущественных прав, закреплённых в ценной бумаге, возможна только после её передачи первому приобретателю, а не с момента выпуска. Это обстоятельство подтверждает тезис о том, что лишь приобретатель становится полноправным субъектом прав, воплощённых в документе.

Ценная бумага - это форма существования капитала, отличная от его товарной, производительной и денежной форм, которая может передаваться вместо него самого, обращаться на рынке, как товар, и приносить доход [6]. В соответствии со статьёй 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее в ГК РФ), к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая наличные и безналичные деньги, ценные бумаги, иное имущество, имущественные права, результаты работ и оказания услуг, результаты интеллектуальной деятельности и приравнённые к ним средства индивидуализации, а также нематериальные блага. Из данной нормы следует, что законодатель исходит из расширительного подхода к понятию объекта гражданского права, включая в его состав как материальные, так и нематериальные формы имущественных и личных благ. Также Чикулаева Р. В. отмечает, что «реализованный в ГК РФ правовой режим ценной бумаги можно рассматривать в большей степени не как комплексный (единый), а как комбинированный, включающий нормы о двух различных по своей сути объектах документарных и бездокументарных бумагах» [13].

Важным критерием, позволяющим разграничить объекты, участвующие в гражданском обороте, от иных благ, является категория оборотоспособности. Статья 129 ГК РФ гласит, что объекты гражданских прав

могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства: наследования, реорганизации юридического лица либо иным способом, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте [1]. Таким образом, законодатель устанавливает презумпцию обороноспособности объектов гражданских прав, которая может быть опровергнута только законом. Оборотоспособность представляет собой способность объекта быть предметом гражданско-правовых сделок. В зависимости от степени участия в обороте все объекты гражданских прав можно подразделить на три группы: объекты, свободно обращающиеся в гражданском обороте, объекты, ограниченные в обороте и объекты, изъятые из оборота. К первой группе относится подавляющее большинство вещей и имущественных прав, которые могут быть свободно отчуждаемыми, выступать предметом сделок и иных юридических действий. Объекты, ограниченные в обороте, имеют установленные законом ограничения, которые могут выражаться, например, в необходимости получения лицензии, специального разрешения, наличии определённых субъектных характеристик (например, определённый вид имущества может приобретаться только государственными или муниципальными органами). А объекты, изъятые из оборота, вообще не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Они находятся исключительно в государственной собственности, и любые действия частных лиц по отчуждению или приобретению таких объектов являются ничтожными. Примером таких объектов может служить ядерное оружие, некоторые виды природных ресурсов, объекты культурного наследия, особо охраняемые территории.

Классификация объектов гражданских прав имеет большое значение для правоприменения. Классическим объектом гражданских прав является вещь. В юридической литературе под вещью понимается материальный предмет внешнего мира, который обладает стоимостью, индивидуально определён, находится в обороте и способен удовлетворять потребности человека. Вещи могут быть движимыми и недвижимыми, делимыми и неделимыми, потребляемыми и непотребляемыми, индивидуально-определёнными и определёнными родовыми признаками. Однако современное гражданское законодательство не ограничивается лишь материальными вещами как объектами. В число объектов включаются также результаты интеллектуальной деятельности, имущественные права, обязательственные требования, электронные средства платёжной информации, цифровые права и многое другое. Таким образом, происходит расширение объекта гражданского оборота, и его адаптация к новым экономико-правовым реалиям. Следует различать понятия «объекты гражданских прав» и «объекты гражданского оборота». Если первая категория шире и охватывает, в том числе, объекты, не способные участвовать в обороте (например, личные неимущественные права), то вторая предполагает включение только тех объектов, которые обладают обороноспособностью и допускаются к участию в гражданско-правовом обмене. Это различие важно учитывать при анализе

конкретных институтов гражданского права, таких как сделки, обязательства, обеспечение исполнения обязательств. Особое значение в рамках гражданского оборота приобретают объекты, которые одновременно воплощают в себе вещное и обязательственное содержание. Одним из таких объектов являются ценные бумаги. Они представляют собой специфическую форму выражения имущественных прав, обладающих документарной либо бездокументарной формой, формализованных с помощью обязательных реквизитов, и способных участвовать в гражданском обороте в качестве самостоятельных объектов права. Так автор Д.В. Мурзин предложил универсальное определение, в рамках которого ценная бумага рассматривается как неделимая совокупность имущественных прав, подтверждённых либо физическим носителем, либо записью в специальном реестре, включая электронные формы [11]. В научной литературе ценные бумаги рассматриваются как юридические феномены двойственной природы. С одной стороны, они являются вещами (в том числе в виде документов), с другой они воплощают в себе субъективные права (например, право на получение денежных средств, участие в управлении юридическим лицом, получение имущества). Такая конструкция позволяет использовать ценные бумаги в качестве правового инструмента, обеспечивающего быстрый и эффективный оборот имущественных прав, при этом минимизирует необходимость в дополнительной проверке правомочий сторон. Для более точного понимания природы объектов гражданского оборота необходимо также учитывать категорию имущественного права как объекта. Имущественные права могут существовать как в самостоятельной форме (например, право требования по договору займа), так и в форме, объединённой с определённым носителем документом, свидетельством, сертификатом и т.п. Именно в этой плоскости и следует рассматривать ценные бумаги, как особую форму правового титула, упрощающую оборот имущественных прав. Необходимо также учитывать роль объектов гражданского оборота в системе сделок. Любая гражданско-правовая сделка предполагает наличие объекта, который подлежит передаче, отчуждению, обмену или предоставлению. Таким образом, объект оборота всегда является ключевым элементом механизма реализации гражданско-правовых обязательств. Без объекта невозможно возникновение имущественного обязательства, его исполнение и прекращение. В условиях развития цифровой экономики и новых форм имущественного оборота категория объектов гражданских прав продолжает расширяться. Появление таких правовых институтов, как цифровые права, бездокументарные активы, электронные средства расчётов, требуют от правовой науки пересмотра традиционных подходов к определению объекта гражданского оборота. Тем не менее, фундаментальным критерием остаётся оборотоспособность и возможность участия объекта в экономическом обмене. Ценные бумаги, будучи признанными законодательством объектами гражданских прав, находятся в самом центре указанной категории. Они демонстрируют, как юридическая форма позволяет эффективно организовать

обращение имущественных прав, наделить их признаком публичной достоверности и включить в систему рыночного обмена. Гришаев С.П. отмечает, что «одним из важнейших признаков ценных бумаг, позволившим им стать поистине универсальным рыночным инструментом, является свойство публичной достоверности» [8]. Ценные бумаги не только участвуют в обороте, но и являются его основой в ряде секторов экономики, включая банковскую сферу, фондовый рынок, инвестиционные механизмы. Таким образом, под объектами гражданского оборота следует понимать: «Имущественные и иные юридически значимые блага, обладающие признаком индивидуализации и оценимой экономической ценностью допущенные законодательством к участию в гражданско-правовом обмене способные быть предметом сделок, обязательств и иных юридических действий». Именно эти критерии позволяют отграничить объекты гражданского оборота от иных объектов правового регулирования. В этом контексте ценные бумаги выступают как особый и сложный объект, сочетающий в себе черты вещи, права требования и инструмента, формализующего имущественные отношения между субъектами гражданского права. Их комплексный характер делает их важнейшим институтом современного правопорядка, заслуживающим отдельного и углублённого изучения в рамках настоящей статьи. Правовая природа ценных бумаг, как юридический феномен, занимают особое место в системе объектов гражданского права. Их уникальность заключается не только в специфической форме фиксации имущественных прав, но и в способности обеспечивать высокую степень правовой определённости и оборотоспособности имущественных благ. Ценные бумаги формируют особый правовой режим, совмещающий признаки вещных, обязательственных и корпоративных правоотношений, что предопределяет необходимость особого подхода к определению их правовой природы. В основе правовой конструкции ценной бумаги лежит идея воплощения имущественного права в юридически значимой форме, обеспечивающей возможность его самостоятельного участия в гражданском обороте. Это позволяет рассматривать ценную бумагу, как средство персонификации имущественного права, благодаря которому оно может передаваться, реализовываться и защищаться в гражданско-правовом порядке независимо от его первоначального носителя. Согласно статье 142 ГК РФ, ценная бумага - это документ (или запись), удостоверяющий имущественные права, реализация или передача которых возможна только при предъявлении бумаги либо соблюдении порядка, установленного законом для бездокументарных форм. При этом в пункте 1 статьи 149 ГК РФ бездокументарные ценные бумаги также признаются объектами гражданских прав, что подтверждает универсальность их правовой природы. Различают два основных способа выражения ценной бумаги. Документарная форма через материальный носитель, которая обладает вещными признаками и подлежит физическому предъявлению. И бездокументарная форма через электронную запись в реестре или депозитарной системе, где имущественное право

существует как цифровое отражение правомочий. Развитие цифровых технологий обусловило активизацию дискуссий вокруг правового статуса бездокументарных форм. Е.А. Суханов подчёркивает, что такие бумаги не могут выступать объектом вещных прав, поскольку лишены материального выражения и, соответственно, не являются вещами в юридическом понимании [12]. Это, в свою очередь, требует применения к ним специального регулирования, отличного от норм, традиционно используемых в отношении объектов материального мира. На основании вышеуказанных позиций можно выделить два возможных подхода к трактовке природы ценных бумаг. Первая, при наличии материального носителя ценная бумага выступает в качестве вещи, подлежащей обороту. Вторая, при отсутствии такового (в случае с бездокументарной формой) объектом правоотношений является совокупность имущественных или иных прав. Эти формы различаются не только по носителю, но и по правовому механизму реализации закреплённого права. Документарные ценные бумаги требуют предъявления, совершения индоссамента (для ордерных бумаг) или передачи через вручение (для бумаг на предъявителя), в то время как бездокументарные бумаги передаются путём внесения записи в реестр. Также бумаги на предъявителя являются формой, при которой для реализации закреплённых в бумаге прав не требуется установления личности владельца. Достаточно самого факта физического владения документом. Мишарев А.А. обозначивает, что любое лицо, предъявляющее такую бумагу, считается уполномоченным на реализацию прав, содержащихся в ней [10]. Ценные бумаги могут удостоверить различные права, что также влияет на их правовую природу, например, обязательственные право на получение денежной суммы (вексель, облигация). Корпоративное право участия в управлении юридическим лицом, получение дивидендов (акции). Распорядительные право на распоряжение товаром (коносамент, warrant). В теоретико-правовой литературе сложились различные подходы к определению правовой природы ценных бумаг. Среди них можно выделить: вещно-правовой подход, предполагающий признание ценной бумаги движимой вещью, обладающей всеми признаками материального объекта, включённого в оборот, обязательно-правовой подход, рассматривающий ценную бумагу, как форму существования обязательственного права, носителем которого она служит.

Двойственная теория, наиболее распространённая в современной доктрине, предполагает, что ценная бумага сочетает в себе элементы и вещи, и обязательства, образуя юридическую конструкцию "вещи *sui generis*". Информационная теория в рамках цифровизации оборота ценных бумаг делает акцент на фиксации имущественного права в электронной среде, рассматривая её как совокупность зафиксированной информации с юридически значимыми параметрами. Также функции ценных бумаг многоплановы. Существуют различные функции: обеспечительная функция, которая обеспечивает обязательств (вексель, как гарантия платежа). Инвестиционная функция средство вложения капитала (акции, облигации).

Удостоверительная функция подтверждение наличия права (сертификат акций). Трансфертная функция средство передачи права между субъектами (индоссамент). Функция участия - средство участия в управлении обществом (голосующие акции). Ценная бумага служит не только формой удостоверения права, но и механизмом его передачи и публичной легитимации. Она упрощает гражданско-правовой оборот, заменяя сложные доказательства право обладания на лаконичную и юридически значимую форму. Юридическая специфика ценных бумаг проявляется в их строго формализованной структуре (обязательные реквизиты) в специфике оборота (особые правила передачи и учёта) и в участии в публичных и корпоративных правоотношениях. Интересный аспект защита прав добросовестного приобретателя ценной бумаги. В случае документарных бумаг действует презумпция законности приобретения, если лицо предъявляет бумагу надлежащим образом. В бездокументарной форме права защищаются через запись в реестре, что обеспечивает высокий уровень прозрачности и устойчивости правового титула. Такие исследователи, как Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов подчёркивают, что бездокументарные ценные бумаги вообще не являются «бумагами» в традиционном смысле, а представляют собой нечто иное «комплексное имущественное право, выраженное в виде записи» [7]. Таким образом, правовая природа ценных бумаг представляет собой многоуровневую конструкцию, включающую в себя. Вещно-правовые элементы (при документарной форме). Обязательственно-правовую суть (удостоверенное право требования), элементы корпоративного права (акции, как титулы участия), публично-правовые характеристики (регистрация, лицензии, контроль), информационно-цифровой аспект (в случае с электронными и цифровыми правами). Эта сложная природа делает ценные бумаги юридическим инструментом особого типа, требующим специализированного правового регулирования, межотраслевого подхода и учёта экономических, технических и цифровых реалий современности. В условиях трансформации цифровой среды роль ценных бумаг, как универсального правового титула, приобретает новое звучание, подчёркивающее их фундаментальное значение в современной системе частноправового регулирования. Ценные бумаги в системе объектов гражданских прав представляют собой особую форму объектов гражданских прав. Их правовая сущность определяется, прежде всего, сочетанием формального документа или цифровой записи и удостоверяемого ею субъективного имущественного права. В этой связи возникает необходимость в особом научно-правовом осмыслении места и роли ценных бумаг в системе объектов гражданских прав. В соответствии со статьёй 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, ценные бумаги прямо упомянуты среди объектов гражданских прав. При этом законодатель не только выделяет их в ряду таких объектов, как вещи и деньги, но и наделяет их самостоятельным юридическим статусом, отличным как от вещей, так и от обязательственных прав в чистом виде. Тем самым ценные бумаги занимают

промежуточное место между имущественными правами, обязательствами и вещами. Среди научных подходов к квалификации ценных бумаг в системе объектов гражданских прав можно выделить два основных направления. Первое – подход к классификации в рамках вещей (движимого имущества). Согласно этому подходу, документарные ценные бумаги рассматриваются как движимые вещи, поскольку обладают признаками индивидуально-определённых объектов, находящихся в обороте. Данный подход исторически связан с господствовавшим с 19-го по 20-ый века пониманием бумажных носителей, как ключевого элемента легитимации права. Вторым синтетическим подходом, предполагающим, что ценная бумага является двойственным (гибридным) объектом, объединяющим признаки вещи и права. Она одновременно и оборотоспособный объект, и титул на определённое имущественное благо. Система объектов гражданских прав традиционно включает: вещи, имущественные права, результаты работ и услуг, интеллектуальные права, нематериальные блага. Ценные бумаги не вписываются полностью ни в одну из этих категорий, хотя формально отнесены к имуществу. Их уникальность в том, что они способны не только быть объектом сделок, но и воплощать право, которое становится доступным для осуществления исключительно при соблюдении определённой процедуры (например, предъявления бумаги или записи в реестре). Например, акция, как вид ценной бумаги, это не только объект собственности, но и носитель корпоративных прав: право на участие в управлении обществом, получение дивидендов, долю в имуществе при ликвидации. Таким образом, акция представляет собой комплексное имущественное благо, охватывающее несколько уровней правоотношений: вещное (владение сертификатом), обязательственное (получение прибыли) и корпоративное (участие в управлении). Закон устанавливает, что все обыкновенные акции должны иметь одинаковую номинальную стоимость, а привилегированные акции одного типа – единый объём предоставляемых ими прав и одинаковую номинальную стоимость [4]. Правовой режим ценных бумаг, как объектов оборота, также существенно отличается от режимов иных объектов гражданских прав. Особенности включают: обязательное соблюдение формы и реквизитов (при несоблюдении – недействительность), наличие специализированного законодательства и институтов (эмитенты, реестродержатели, депозитарии), возможность универсального и сингулярного правопреемства, защита прав добросовестного приобретателя, интеграция в публичный рынок (фондовые биржи и иные организованные рынки), возможность участия в обеспечении обязательств (например, залог ценных бумаг). Сравнительно-правовой анализ показывает, что в правовых системах других государств также наблюдается тенденция к признанию двойственной природы ценных бумаг. Так, в германском праве (BGB) они рассматриваются как документы, удостоверяющие право, но могут быть предметом вещных отношений [3]. Также данный подход поддерживается и в швейцарском гражданском кодексе [2]. В США, где действует Единый

торговый кодекс (UCC), также признаётся гибридная природа: security это одновременно документ и объект прав требования [5]. Таким образом, эффективное функционирование ценных бумаг возможно лишь при условии комплексного понимания их правовой природы, места и роли в системе гражданского оборота. Анализ юридической сущности каждого вида ценной бумаги позволит грамотно регулировать их выпуск и обращение.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).
2. Гражданский кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907 г. (вступил в силу 1 января 2020 г.), [RS 210](#).
3. Гражданский кодекс Германии (BGB) последнее изменение от 17.07.2025 I No.163, German Civil Code BGB.
4. Федеральный закон "Об акционерных обществах" от 26.12.1995 N 208-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
5. Единообразный торговый кодекс // Uniform Commercial Code (UCC) // <https://www.law.cornell.edu/ucc>
6. В.А. Галанова, А.И. Басова. Рынок ценных бумаг: Учебник - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Финансы и статистика, 2006 г. - 448 с. / 14с.
7. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2020. — 880 с.
8. Гришаев С.П. Эволюция законодательства о ценных бумагах. 2025 г. — <https://studfile.net/preview/14867818/page:3/>
9. Дедегкаева, С.М. Перспективы развития рынка государственных ценных бумаг // Финансы и учет. — 2015. — №2. — С. 24-27.
10. Мишарев, А.А. Рынок ценных бумаг. / А.А. Мишарев. – СПб: Питер, 2017. – 256 с.
11. Мурзин, Д.В. Ценные бумаги – бестелесные вещи. Правовые проблемы современной теории ценных бумаг / Д.В. Мурзин. – М.: Статут, 2018. – 176 с.
12. Суханов Е.А. Объекты права собственности//Законодательство.2017. № 4.
13. Чикулаев Р.В. Развитие правовых режимов ценных бумаг в системе финансовых инструментов 2021 г. — С. 95-115 // DOI: 10.17072/2619-0648-2021-4-95-115.

Об авторе:

ИОРДАНЯН Роберт Арменович – студент 2 курса факультета подготовки специалистов корпоративных юристов очной формы обучения (очный юридический факультет) 40.03.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

СОВМЕСТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВЫХ СВЯЗЕЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙНОГО ПРАВА И СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

Е. А. Костилова

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Научный руководитель д.ю.н., профессор Богдан В.В.

Цель исследования – раскрыть сущность и функции совместности посредством системно-структурного метода, выявив её роль в обеспечении целостности правовой системы. Основные методы: анализ, системно-структурный, формально-юридический. Установлено, что совместность в широком смысле понимается как принцип системной согласованности, а в узком – как правовой режим, формирующий коллективный субъект (супружескую пару) со следующими признаками: процедурное единство, взаимозаменяемость и нераздельность результата. Сделан вывод, что совместность служит универсальным механизмом интеграции правовых связей, а полученные результаты позволяют разработать инструментарий для анализа сложных правоотношений в отраслях права, в которых может присутствовать семейно-правовой аспект.

Ключевые слова: *совместность, система правовых связей, супруги, коллективный субъект, процедурное единство, взаимозаменяемость, нераздельность результата.*

Согласно позиции А. М. Васильева, категориальный аппарат позволяет воспроизвести в научном сознании объективно существующее содержание, структуру внутренних связей и элементов правовой связи социальной действительности [2, с. 14]. Также отмечается, что правовые категории, выполняя определённые функции, обладают самостоятельной социально-правовой ценностью [1, с. 25]: обеспечивают постоянный генезис юридического знания, а также активно воздействуют на общественные отношения, стимулируя их развитие и дальнейшее преобразование [1, с. 19].

Из этого следует, что с методологической точки зрения является верным раскрытие сущности, места и роли юридической категории через существующую систему юридических связей (применение системно-структурного метода). В контексте поставленной цели – уяснения влияния совместности на систему правовых связей – основной задачей является формирование теоретического знания, которое будет выполнять практически-прикладную функцию, направленную на развитие общественных отношений.

Указанное детерминирует установление понятия правовых (юридических) связей, их значения для юридической науки, в частности, семейного права и семейного законодательства.

В юридической науке сформирован относительно единообразный подход к пониманию системы правовых связей, которая представляет из себя целостную, упорядоченную и иерархически организованную совокупность всего разнообразия юридических связей (правоотношений) в обществе, возникающих, изменяющихся и прекращающихся на основе норм права и обеспечивающихся государством. При этом под связью понимается

определенное состояние зависимости или подчинённости одного элемента от другого [3, с. 77].

Основными признаками, характеризующими систему правовых связей как явление, являются: целостность, структурность, иерархичность и динамичность. Целостность проистекает из взаимосвязи каждого отдельного элемента (конкретного правоотношения) между собой в рамках единой системы, где структурное или качественное изменение одного неизбежно влияет на всю цепочку. Структурность – внутренняя организация, которая состоит из подсистем и частных случаев, которые можно классифицировать по различным основаниям. Иерархичность обуславливается градацией связей в системе, где одни являются фундаментальными (например, проистекающие из конституционного права), а другие – производными по своей сути (договорные, диспозитивные связи, возникающие по волеизъявлению сторон, но основанные на фундаментальных положениях). Динамичность системы правовых связей связана с постоянным процессом возникновения, прекращения и изменения правоотношений, от которых строятся связи.

Общую структуру правовых связей также можно разделить на несколько условных уровней: фундаментальные, отраслевые и индивидуальные связи. Фундаментальные правовые связи обеспечивают стабильность функционирования иных подуровней, поскольку связаны, в первую очередь, с государством как с единым правовым полем. В первую очередь, это связь государства и личности (гражданство, правовой статус, права и т.д.), связь государственных органов в единую систему (разделение властей, компетенция конкретных органов и т.д.), а также юридическая связь государства с субъектами федерации. Далее идут связи, характерные для каждой из отраслей права, которые носят более предметный характер: гражданские, уголовные, административные, семейные и т.д. Индивидуальные (частные) правовые связи возникают постоянно и характеризуются большей изменчивостью, чем иные два уровня, поскольку являются субъективными и напрямую зависят от конкретных решений отдельно взятых субъектов права.

Как отмечает Н. Н. Вопленко, конкретные (отраслевые) правовые связи и проистекающие из них правоотношения, в науке признаются безоговорочно, в то время как фундаментальные (общерегулятивные) правовые связи и правоотношения воспринимаются скептически в юридической доктрине за счет их абстрактного характера и отсутствия чёткости в определении правовой связи между ними [3, с. 85]. В рамках проводимого исследования приоритетное значение имеет изучение отраслевых и индивидуальных связей, чье существование не оспаривается в действующей научной парадигме, в связи с чем доктринальные разночтения относительно фундаментальных правовых связей имеет опосредованное отношение.

Сама структура правовых связей выстраивается за счёт постоянно возникающих и изменяющихся правоотношений. То есть каждое конкретное правоотношение так или иначе влияет на общую структуру правовых связей, что особенно ярко проявляется при вынесении решений по конкретным делам

в Верховном и Конституционном суде Российской Федерации, когда может быть пересмотрено не только применение конкретной нормы права, а весь подход к оценке аналогичных правовых связей как для дальнейшего правоприменения, так и для законодательства.

Существует интересный подход к правоотношениям, высказанный Л. С. Явичем: «...есть правоотношения, которые регулируют фактически существующий вид общественных отношений, и такие правоотношения, которые сами по себе... образуют особый вид общественных отношений, без них вообще не существующих» [6, с. 224]. Второй тип правоотношений возник как результат действия правовой нормы, в то время как первые имеют социально обусловленную природу, так как в их основе лежат фактические отношения между людьми по удовлетворению определенных нужд. Эти правоотношения наиболее важные, типичные, выражающие исконную природу человечества, которые существовали и до правового регулирования [3, с. 87].

На наш взгляд, к «природной» группе относятся именно семейные правоотношения и неразрывно связанная с ней совместность. Семейные связи представляют из себя естественно-эволюционные отношения между субъектами, где общественные регуляторы сформировались еще до их законодательного закрепления. Также и совместность является фундаментальной основой человеческого общества и существует на протяжении всей истории существования людей как биологического вида.

Совместность существует и трактуется в разных формах, поэтому её можно рассматривать в широком и узком смысле применительно к системе правовых связей.

В широком смысле совместность выступает в качестве сквозного структурного элемента системы правовых связей, обеспечивающего целостность и взаимодействие её фундаментальных компонентов. Например, несмотря на функциональную обособленность и отсутствие прямого подчинения между такими органами, как, федеральный суд и администрация субъекта Российской Федерации, их деятельность объединена общей основополагающей задачей: обеспечением целостности государства и его стабильного функционирования. Достижение необходимого результата происходит не посредством прямого сотрудничества, а через скоординированную реализацию каждым государственным органом своей уникальной функции. Аналогичная взаимосвязь может быть выстроена между любыми структурными элементами. Таким образом совместность в системе правовых связей – это общая согласованность на уровне общих целей. На основе этого совместность можно назвать принципом всей системы правовых связей.

В узком смысле совместность в системе правовых связей трансформируется в правовой режим и конструкцию внутри обособленных правоотношений. То есть совместность на уровне правоотношений – это особая правовая связь между субъектами права, благодаря которой они могут

выступать как единым субъектом по отношению к желаемому или необходимому действию, результату, благу, так и действовать в индивидуальных интересах, сохраняя общий вектор.

Учитывая наличие естественных (природных, социально обусловленных) правоотношений, которые существовали задолго до оформления права в единую систему и лишь регулируются нормами права, а также тенденцию рассмотрения в научных трудах правоотношений как индивидуализированных связей (конкретных правоотношений) [3, с. 83], считаем методологически верным рассмотрение совместности в системе правовых связей на примере семейного права как наиболее устойчивого и древнего правового института.

Применительно к семейным правоотношениям, совместность представляется как взаимная связь субъектов, возникающая вследствие естественных (биологических) или искусственных (юридических) причин, образующая устойчивые структуры через цепь взаимодействий. Здесь характерной чертой совместности является её внутренняя направленность, закольцованная между субъектами конкретных правоотношений, при этом для достижения общих целей могут приниматься обособленные решения и действия, но направленные на единый результат.

Несмотря на то, что внутренняя совместность является локальным явлением частных правовых связей, она является основой возникновения внешней совместности, которая уже вплетается в общую систему и обладает совершенно иными признаками. Внешняя совместность характеризуется способностью коллективного субъекта права взаимодействовать с третьими лицами, представляя общие интересы, то есть является процессуальным и функциональным проявлением внутренней совместности. Внутренняя совместность представляется необходимым условием и правовым основанием для интеграции в правовую систему субъектов как единого коллективного субъекта в определенных ситуациях. Ключевыми признаками внешней совместности являются: процедурное единство, взаимозаменяемость и нераздельность результата. Наиболее ярким примером коллективного субъекта является супружеская пара, которые обладают наиболее широким спектром возможных действий, основанных на совместности как равнозначные субъекты.

Процурное единство внешней совместности коллективного субъекта означает законодательно закреплённую необходимость совместного совершения определенных действий субъектами в одной процессуальной форме. Это обуславливает не только наличие общей цели, но и возможность её достижения только путём совершения совместных (иногда - одномоментных) действий. Например, заявление о заключении брака (Форма № 7) заполняется совместно будущими супругами и имеет вид коллективного обращения, также как заявление о рождении (Форма № 1) [5] и т.д. Также в случае выезда несовершеннолетнего ребенка в сопровождении третьих лиц за пределы Российской Федерации по общему правилу требуется нотариально заверенное согласие только одного законного представителя. Однако в рядке

стран (США, Канада, Австралия и Шенгенская зона) установлено требование наличия для въезда на их территорию согласия на выезд ребенка за границу от обоих родителей. Сюда же относится совместное усыновление и совершение сделки с общим имуществом, которое требует согласия второго супруга (сделки по продаже недвижимого имущества). Во всех вышеперечисленных случаях субъекты обязаны подавать совместные заявления или давать согласие на совершение тех или иных действий обязательно вместе, в противном случае не будет соблюден порядок процессуального единства и результат не может быть достигнут.

Процедурное единство в семейном праве имеет особое правовое значение, поскольку подразумевает презумпцию общности интересов (указывает на неразрывность интересов, в семейно-правовых связях определенные решения должны приниматься сообща); предотвращение конфликтов и злоупотреблений (недопустимость одностороннего решения); легализация и фиксация обоюдного согласия, а также процессуальная экономия. То есть процедурное единство является системообразующим признаком коллективного субъекта, который обязывает на совместные действия, т.е. по своей природе является императивным.

Под взаимозаменяемостью подразумевается равнозначность субъектов при совершении определенных действий, т.е. не имеет значение, кто из коллективного субъекта совершил то или иное действие, оно будет иметь равную юридическую и практическую силу. Например, согласие на оказание медицинской помощи ребёнку может быть дано как отцом, так и матерью, поскольку оба родителя являются законными представителями ребенка. Взаимозаменяемость как признак наиболее часто прослеживается в рамках законного представительства детей, а также бытовых сделках, например, в рамках ст. 35 Семейного кодекса РФ.

Нераздельность результата раскрывается во взаимосвязи с процедурным единством и взаимозаменяемостью: субъекты совершают действия (вместе или только один из них) и получают одинаковый совместный результат. То есть нераздельность результата – это целевой признак, следствие внутренней и внешней совместности, который принадлежит коллективному субъекту.

Таким образом, в рамках семейных правоотношений совместность формирует коллективный субъект права, обладающий такими характерными чертами как взаимозаменяемость, процедурное единство и нераздельность результата, который может взаимодействовать с иными субъектами права на разных уровнях, выражая единую волю и нацеленную на общий результат.

В юридической доктрине не является новшеством рассмотрение супругов как коллективного субъекта права, причем достаточно часто контекст рассмотрения сводится к совместному завещанию супругов [7, с. 16], семейному бизнесу [8, 73] или совместному банкротству супругов. Относительно последнего необходимо отметить, что объединение дел о банкротстве может быть произведено только в том случае, если имеются общие долговые обязательства, которые возникли по инициативе обоих

супругов в интересах семьи (покупка недвижимости, лечение, обучение детей и т.д.). Однако совместное банкротство супругов – это процессуальное упрощение, основанное на материальной совместности (общее имущество и долги), где два отдельных гражданина не освобождаются от персональной ответственности. Банкротство супругов является ярким примером процессуальной формы совместности, но не образования коллективного субъекта права, поскольку должники взаимозаменяемы и процессуально не считаются одним лицом.

Применительно к семье в целом (включая супругов, детей и иных родственников), как справедливо отмечает Е. А. Сауткина, такой подход нереализуем, поскольку в разных нормативно-правовых актах субъектный состав то расширяется, то сужается [7, с. 16]. Например, ст. 2 Семейного кодекса к членам семьи относит супругов, родителей (усыновителей), детей, а также других родственников и иных лиц в определенных случаях (ст. 93: братья и сестры; ст. 94,95: дедушки, бабушки, и внуки; ст. 97 пасынки, падчерицы, отчимы и мачехи и т.д.). В соответствии со ст. 30 Жилищного кодекса к членам семьи относятся также дяди, тёти, племянники, племянницы и лица, проживавшие совместно с собственником без регистрации брака, нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи [4]. Подобные разночтения встречаются также в уголовном и уголовно-процессуальном праве, пенсионном законодательстве, в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и т.д.

На основании чего делаем вывод, что статус супругов является уникальным и оптимальным основанием для формирования коллективного субъекта, основанного на совместности и балансе интересов, по следующим причинам: четкость правового регулирования (признание брака как законного союза мужчины и женщины в установленной законом форме без возможности разночтений), т.е. установленный субъектный состав; равноправие и паритет (закон исходит из принципа равенства супругов как в объеме прав, так и обязанностей), т.е. идеальные условия для реализации процедурного единства и взаимозаменяемости.

Таким образом, рассмотрев совместность как элемент формирования системы правовых связей через призму семейного права и семейного законодательства, а именно формирование коллективного субъекта с чётко определенными признаками, приходим к следующим выводам. В узком смысле внутренняя и внешняя совместность в правоотношении является предпосылками к формированию коллективного субъекта. В широком смысле модель супружеской совместности является моделью системного взаимодействия, где стабильные внутренние связи (или упорядоченная структура) создают условия, при которых возможно эффективное и согласованное взаимодействие с внешней средой (третьими лицами, государством).

Рассмотрение внешней совместности супругов позволяет установить относительно универсальный механизм анализа и системного разбора иных

системных связей в более сложных образованиях. Семья (в контексте супругов) выступает первичным и наиболее наглядным примером, где можно в наиболее простой форме установить фундаментальные правовые связи.

Совместность в её глобальном понимании к правовым связям является связующим элементом, способствующим объединению разрозненных по своей сути правоотношений в устойчивые комплексы. То есть система правовых связей является не просто сетью взаимосвязанных правоотношений, а упорядоченной структурой из блоков совместности в той или иной отрасли, где более простые формы включаются в более сложные правоотношения. Совместность внутри одного правоотношения обеспечивает возможность коммуникации с иными элементами. Как согласованная воля супругов (внутренняя совместность) позволяет им обратиться с заявлением в ЗАГС (проявление внешней совместности и взаимодействия с третьим лицом – государственным органом), так и индивидуальный интерес отдельных акционеров путём проведения общего собрания и голосования (внутренняя совместность) трансформируется во внешнюю совместность, нацеленную на третьих лиц от лица всего общества (дача согласия на проведение сделки с аффилированным лицом). Равно как и в любых иных правоотношениях, даже без формирования коллективного субъекта, можно усмотреть его признаки на основе совместности. Например, при коллегиальном рассмотрении судебного спора все члены коллегии являются взаимозаменяемыми (в рамках изменения состава коллегии), присутствует процедурное единство и нераздельность результата.

Доктринальная ценность выявленной роли совместности в формировании системы правовых связей проявляется в возможности системного анализа отдельно взятых правоотношений или целых их блоков, основанных на выявленных признаках (процедурное единство, взаимозаменяемость, нераздельность результата), что открывает пути для более точной квалификации сложных, комплексных правоотношений в современном семейном праве и законодательстве.

Список литературы

1. Баринов П.С. Обесценивание правовых категорий: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01: Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. 189 с.;
2. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.;
3. Вопленко Н. Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Исторические и общетеоретические проблемы. Вестник ВолГУ. Серия 5, Вып. 6. 2003-2004. С. 76-89;
4. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 21.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм заявлений о государственной

регистрации актов гражданского состояния : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 01.10.2018 № 201 (ред. от 08.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308185/ (дата обращения: 15.12.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»;

6. Общая теория права / Явич Л.С.; Под ред.: Королев А.И. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 285 с.;

7. Сауткина Е. А. Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 15–17;

8. Старикова Е. И. Некоторые проблемы правового статуса супругов как субъектов семейного бизнеса // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. №4. С. 72-78

Об авторе:

КОСТИЛОВА Елизавета Алексеевна – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, SPIN-код: 4374-8114, AuthorID: 1196482; e-mail: el.kostilova@yandex.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА АВТОРА ПО СОЗДАНИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДОГОВОРЕ АВТОРСКОГО ЗАКАЗА

Н. С. Купцов

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия
им. В. М. Лебедева»

Научный руководитель д.ю.н., профессор В. В. Кулаков

В статье содержится анализ исполнения обязательства автора по созданию произведения литературы, науки или искусства, возникшего из договора авторского заказа с позиции доктрины гражданского права, а также положений действующего гражданского законодательства. Рассматриваются специфические особенности исполнения данного обязательства, влекущие необходимость корректировки актуальных теоретических представлений и отдельных аспектов правового регулирования отношений между автором произведения и заказчиком. Исследуется природа и правовое значение недостижения согласованного сторонами результата творческого труда автора вследствие «творческой неудачи».

***Ключевые слова:** авторское право, договор авторского заказа, творческий труд, исполнение обязательства, риск неисполнения обязательства.*

Способность человека к творчеству как совокупности физического и умственного труда, завершающегося созданием объекта, призванного в конечном итоге «обогатить» багаж национальной или общечеловеческой культуры, является одной из наиболее значимых особенностей мыслительной деятельности человека как биологического вида. Неудивительно, что глубокие исторические корни имеет как само становление и развитие человеческого творчества (достаточно сказать, что древнейшим дошедшим до наших дней памятникам искусства эпохи верхнего палеолита - около 30 тыс. лет [10, с. 27-28]), так и пристальное внимание исследователей всех без исключения эпох к изучению творчества во всех его аспектах и проявлениях [5, с. 5].

Постепенное развитие и усложнение гражданского оборота, возникновение сначала книгопечатания, а потом и современных способов мгновенного обмена информацией, а также естественно последовавшая за этим «коммерциализация искусства» (т. е. в сущности - превращение результатов творческого труда в оборотоспособный актив) привели к устойчивому правовому оформлению отношений, складывающихся по поводу и в связи с созданием произведений литературы, науки и искусства, а стимулом для создания таких произведений все чаще становится не столько субъективное стремление автора выразить его отношение к окружающей действительности, поделиться наблюдениями, опытом или переживаниями, сколько нацеленность на получение имущественной выгоды от реализации собственных творческих способностей.

Сегодня возможность каждого человека свободно реализовывать свои способности к творчеству гарантируется на самом высшем, «фундаментальном» уровне правового регулирования: вслед за ст. 27 Всеобщей декларации прав человека [1] свобода творчества гарантируется в

конституционных актах большинства государств - в том числе Российской Федерации (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ [2]). При этом нет оснований не согласиться с Е. В. Сазонниковой, справедливо заметившей, что с учетом системного толкования данной конституционной нормы в состав свободы творчества входит и свобода распоряжения созданным результатом творческого труда, а равно правом использования такого результата [12]. С учетом сказанного, существование в IV части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [4] правового регулирования договора авторского заказа (ст. 1288-1291 ГК РФ), по которому гражданин обязуется по заказу создать произведение литературы, науки или искусства и передать заказчику произведение на материальном носителе или в иной форме является вполне закономерным итогом развития общественных отношений в духовной сфере.

Само по себе создание автором произведения по договору авторского заказа представляет собой гражданско-правовое обязательство, исполнение которого подчиняется не только специальным (и скажем прямо, немногочисленным) нормам гл. 70 части IV ГК РФ, но и общим положениям раздела III части I ГК РФ [3]. Такой вывод не только следует из буквального толкования п. 1 ст. 307.1 ГК РФ, согласно которой общие положения об обязательствах применяются ко всем возникающим в отечественном гражданском праве договорным обязательствам, если иное не предусмотрено специальными правилами, но и продиктован общей логикой сознательного принятия правовых норм, регулирующих правоотношения в сфере интеллектуальной собственности, в виде одной из частей Гражданского кодекса РФ как базового кодифицированного акта (последнее обстоятельство, надо сказать, вызывало серьезные возражения со стороны авторитетных исследователей, в частности - И. А. Зенина [11, с. 105]). Следовательно, исполнение автором обязательства по созданию произведения литературы, науки или искусства, принятое им на себя в добровольном порядке по договору авторского заказа, с позиции действующего законодательства должно осуществляться в порядке, в целом характерном для исполнения большинства договорных обязательств.

Между тем, представляется, что специфика общественных отношений, складывающихся в сфере создания и последующего оборота результатов интеллектуальной деятельности, а также особенности творческого труда человека в качестве вида его преобразовательной активности с неизбежностью влекут необходимость выявления и анализа отдельных своеобразных аспектов исполнения автором рассматриваемого обязательства.

Оговоримся, что с учетом п. 1 ст. 1288 ГК РФ в классическом случае договора авторского заказа обязательством автора является не только собственно создание произведения литературы, науки или искусства, но и передача такого произведения заказчику на материальном носителе в собственность или временное пользование. Подобное уточнение законодателя понятно: правовая цель договора авторского заказа заключается не только и

не столько в самом факте создания того или иного произведения, сколько в передаче заказчику по договору такого произведения на материальном носителе или в иной доступной для восприятия форме. Следует согласиться с тем, что создание произведения автором не может выступать единственным его обязательством по договору - в противном случае следовало бы констатировать отсутствие какого-либо экономически значимого интереса заказчика в заключении договора авторского заказа [8, с. 16-19]. Вместе с тем, именно обязательство автора по созданию произведения следует признать центральным, основным обязательством в договоре авторского заказа: и потому, что естественным образом без факта создания произведения (т. е. его отображения в объективной действительности) невозможна последующая передача его на материальном носителе, и потому, что сама по себе передача заказчику в собственность или временное пользование материального носителя с произведением (т. е. в сущности - вещи по смыслу, традиционно придаваемому данному понятию доктриной гражданского права [6, с. 266]) является частным случаем исполнения обязательства продавцом по договору купли-продажи или арендодателем по договору аренды соответственно. В этой связи, законодательное выделение договора авторского заказа как особого вида гражданско-правового договора с наличием посвященных ему нескольких специальных правовых норм имеет смысл только при постулировании обязательства автора по созданию произведения в качестве основного, «смыслообразующего» обязательства по такому договору.

Предпосылкой оформления одной из особенностей исполнения автором договора авторского заказа можно считать объективную невозможность исчерпывающего согласования сторонами договора условия о его предмете. Оставляя в стороне многолетнюю научную дискуссию об определении понятия предмета договора (которая в целом сводится к спору о том, считать ли предметом гражданского договора конкретное имущественное благо (товар, работу, услугу), по поводу которого складываются договорные правоотношения, или обязательство, составляющее основу того или иного договора), укажем, что для целей настоящего исследования под предметом договора авторского заказа будем понимать совокупность характеристик произведения, которое должно быть создано в результате исполнения договора автором. Необходимо помнить, что условие о предмете гражданско-правового договора в любом случае является существенным: п. 1 ст. 432 ГК РФ не только устанавливает его в таком качестве, но и подразумевает, что при отсутствии соглашения о предмете договор не считается заключенным и не порождает каких-либо правовых последствий.

Важно отметить, что даже теоретическое определение предмета договора авторского заказа является весьма проблематичным: В. Н. Белоусов, посвятив часть своего диссертационного исследования проблеме соотношения договора авторского заказа с иными видами гражданско-правовых договоров, справедливо приходит к выводу о необходимости его обособления по признаку предмета [7, с. 68]. Так, необходимость достижения автором

конечного творческого результата, подлежащего предоставлению заказчику, роднит договор авторского заказа с подрядными правоотношениями; между тем, едва ли не определяющее значение для исполнения договора авторского заказа имеет сама творческая деятельность автора, т. е. процесс создания произведения, что в некоторой степени связывает договор авторского заказа с договором возмездного оказания услуг. Иными словами, предмет договора авторского заказа в процессе исполнения этого договора одновременно подразумевается в двух проявлениях: как мысленно представляемый заказчиком идеал создаваемого произведения (идеальное выражение) и как фактический результат творческого труда автора по созданию такого произведения (материальное выражение). При этом, в отличие, например, от согласования сторонами предмета договора подряда, заказчик в договоре авторского заказа объективно не сможет не только исчерпывающим образом донести до автора внутренне ожидаемый им творческий результат (иное приводило бы к абсурду - заказчик вынужден был бы фактически самостоятельно создать необходимое произведение), но и каким либо образом потребовать от автора создания именно того произведения, которое заказчик представлял себе на этапе заключения договора.

В этой связи исполнение автором обязательства по созданию произведения, возникшего из договора авторского заказа, фактически является надлежащим (ст. 309 ГК РФ) тогда, когда произведение создано автором с учетом лишь примерных, общих пожеланий заказчика относительно отдельных его характеристик (длительности, размера, типа, характера и пр.), отраженных в договоре; при этом итоговый результат творческого труда автора всецело определяется свойствами личности автора и его интеллектуальной деятельностью.

Последнее обстоятельство вкупе с особым характером творческой деятельности, выражающейся в заведомом отсутствии на этапе ее начала точно определенного итогового результата, вызывают к жизни еще одну яркую особенность исполнения обязательства автора по созданию произведения. Как было отмечено ранее, создание произведения по договору авторского заказа является результатом творческого труда автора; достижение итогового результата в виде конкретного произведения литературы, науки или искусства во всех его возможных проявлениях зависит не только от профессионализма автора, его мастерства и степени приложенных усилий, но и от глубоко субъективных процессов мышления и эмоционального отклика, имеющих психологическое происхождение и зачастую слабо поддающихся осознанному контролю со стороны субъекта мышления. Следовательно, факта создания произведения, являющегося предметом договора между автором и заказчиком, может и не произойти, при этом отсутствие ожидаемого результата не будет связано с умыслом автора и даже с проявлением им неосторожности по смыслу п. 1 ст. 401 ГК РФ. Неслучайно в доктрине встречаются предложения об отнесении договора авторского заказа к категории «рисковых договоров» [7, с. 120] в связи с существованием

потенциального риска недостижения автором результата исполнения договорного обязательства.

Изложенная выше ситуация в науке известна как «творческая неудача»: отмечается, что использование данного не имеющего легального закрепления института имело широкое распространение еще в советское время [9, с. 38]. Вопрос о том, является ли недостижение творческого результата, подлежащего созданию по договору авторского заказа, в связи с временным творческим кризисом, бессилием автора, дискуссионен, однако нельзя не признать, что подобный случай затруднительно отнести к традиционно выделяемым в гражданском праве формам вины - умыслу и неосторожности. Думается, что творческая деятельность в силу своей природы обладает низкой степенью прогнозируемости, в том числе - для самого автора, не способного на этапе заключения договора предусмотреть риск недостижения ожидаемого творческого результата.

Примечательно, что действующее законодательство (хотя и не прямым образом) содержит ряд положений, подтверждающих особую правовую природу договора авторского заказа и специальный подход законодателя к регулированию исполнения автором обязательства по созданию произведения. Так, п. 2 ст. 1289 ГК РФ обязывает заказчика при наличии уважительных причин предоставить автору дополнительный льготный срок для завершения создания произведения; при этом такой срок во всяком случае не может быть менее одной четвертой срока, изначально предоставленного автору для создания произведения. П. 2 ст. 1290 ГК РФ ответственность автора за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора авторского заказа ограничена размером реального ущерба, причиненного заказчику, причем совокупный размер ущерба, подлежащего возмещению, включает в себя не только фактические убытки, понесенные заказчиком, но и неустойку, если она предусмотрена условиями договора. Более того, буквальное толкование указанной правовой нормы позволяет сделать вывод, что автор несет ответственность только за такое неисполнение (ненадлежащее исполнение) договора авторского заказа, которое имело место по его вине. Подобное уточнение еще больше убеждает в наличии легальной возможности ограничения (или исключения) ответственности автора в случаях, когда результат его творческого труда, являющийся предметом договора авторского заказа, не достигнут вследствие «творческой неудачи» автора.

Таким образом, обязательство автора создать произведение литературы, науки или искусства, возникшее из договора авторского заказа, в современных условиях представляет собой гражданско-правовое обязательство, подчиняющееся общим положениям об их надлежащем исполнении. Вместе с тем, специфика процесса создания произведения, природа творческого труда обуславливают наличие ряда специфических особенностей исполнения рассматриваемого обязательства, не свойственных иным распространенным видам договорных обязательств. В частности, исполнение обязательства по созданию автором произведения теоретически допустимо признавать

надлежащим в условиях объективной невозможности сторон согласовать предмет договора в виде точно определенного итогового результата творческой деятельности. В таком случае, надлежащий характер исполнения обязательства будет иметь место и тогда, когда полученный результат творческой деятельности автора не в полной мере соответствует имевшемуся представлению заказчика о нем. Специфика творческой деятельности с неизбежностью предполагает наличие риска недостижения согласованного сторонами договора результата творческого труда в связи с субъективной неспособностью автора создать произведение вследствие т. н. «творческой неудачи» или творческого кризиса. В целях повышения степени защиты законных интересов добросовестных авторов представляется необходимым признать в таком случае возможность снижения для автора бремени негативных последствий имущественного характера вплоть до полного освобождения автора от ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства и выплаты неустойки, предусмотренной условиями договора с сохранением обязанности автора возвратить уплаченный заказчиком аванс.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 05.04.1995. №67.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 16.01.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
5. Аверьянова, Г. А. К вопросу об истории развития понятия творчества / Г. А. Аверьянова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). - 2016. - № 3-2. - С. 4-11.
6. Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / В. А. Белов. - Москва: Издательство Юрайт, 2026. - 451 с.
7. Белоусов, В. Н. Договор авторского заказа в гражданском праве России: 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация ... кандидата юридических наук / Белоусов Владимир Николаевич; Иркутский институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). - Иркутск, 2018. - 156 с.
8. Витко, В. Признаки и предмет договора авторского заказа в законодательстве / В. Витко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 4. – С. 9-26.
9. Гаврилов, Э. Договоры заказа на создание авторских произведений / Э. Гаврилов, К. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2013. – № 3(434). – С. 28-45.
10. Григорян, М. Е. История искусств: конспект лекций. Часть I: конспект лекций / М.Е. Григорян. - Таганрог: Южный федеральный университет, 2016. - 106 с.

11. Зенин, И. А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды). – М.: Статут, 2015. - 525 с.

12. Сазонникова, Е. В. Содержание свободы творчества в конституционном праве России / Е. В. Сазонникова // Журнал российского права. – 2009. – № 5(149). – С. 52-59.

Об авторе:

КУПЦОВ Никита Сергеевич - аспирант 1 года обучения по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», ассистент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева».

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ КИБЕРРИСКОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В.В. Ленивкин

ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный Университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Е.А. Шергунова

В статье анализируются нормы действующего законодательства, которые посвящены страхованию киберрисков в России. Определены существующие трудности и перспективы расширения значимости страховых инструментов при контроле над киберугрозами в Российской Федерации, а также проанализирован зарубежный опыт.

Ключевые слова: страхование киберрисков, кибератаки, правовое регулирование, угрозы, ущерб, конфиденциальность.

Развитие цифровой среды открывает возможности для появления инновационных продуктов и сервисов, трансформации моделей ведения бизнеса благодаря внедрению искусственного интеллекта в процессы управления, организации поставок и прочие направления деятельности организаций. Подобные преобразования влекут за собой трансформацию запросов общества и окружающей действительности, определяющей жизнь современного индивида. Вместе с тем, в цифровой экономике зарождаются новые опасности и вызовы, требующие выявления и реализации мероприятий по их снижению. В связи с этим гарантирование экономической стабильности нуждается в проведении аналитических работ для оценки хозяйственного положения через призму обеспечения её защищённости. Особую актуальность приобретает страхование киберрисков как инструмента защиты от кибератак.

В условиях цифровизации страхование киберрисков становится ключевым элементом риск-менеджмента организаций. Данный механизм позволяет компенсировать экономический ущерб от инцидентов информационной безопасности, охватывая расходы на восстановление утраченной информации, оплату судебных разбирательств и выплату штрафов. Кроме того, страхование киберрисков минимизирует репутационные угрозы и укрепляет доверие потребителей, свидетельствуя о серьёзном отношении бизнеса к охране их интересов [1, с. 1239].

Необходимо отметить, что наиболее острой проблемой страхования киберрисков является правовое регулирование страхования киберрисков. При этом данная сфера страхования располагается в зоне взаимодействия трёх научных областей: права в сфере страхования, права в области информационных технологий и законодательства о безопасности государства. В отечественной правовой доктрине указанная проблематика освещена лишь частично, главным образом через призму базовых аспектов страхового законодательства либо защиты информационного пространства [2, с. 334].

Говоря о российском правовом регулировании страхования киберрисков необходимо подчеркнуть, что законодатель не уделяет должного внимания данному вопросу. Гражданский кодекс РФ [2] урегулировал страховые

отношения в главе 48, однако киберрискам не уделено внимание и реформирование не осуществлялось.

Анализируя гражданско-правовые нормы, необходимо отметить, что положения статей 929 и 930 ГК РФ определяют базовые принципы для страхования имущества, однако в них отсутствуют указания на конкретные разновидности убытков, возникающих вследствие кибератак – например, компрометации конфиденциальной информации или распределённых атак на отказ в обслуживании (DDoS-атака представляет собой массированное направление множественных запросов к инфраструктуре компании с целью перегрузки серверного оборудования через эксплуатацию слабых мест в защитных механизмах). В качестве иллюстрации необходимо выделить статью 930 ГК РФ, регулируемую имущественное страхование и допускающую включение в объект страховой защиты различных имущественных интересов, однако страхование киберрисков как самостоятельное направление не получило отражения ни в данной норме, ни в иных разделах ГК РФ [3].

Однако, несмотря на это, страховые компании предлагают услуги по страхованию киберрисков. К примеру, Сберстрахование реализует программу «Страхование киберрисков» и предлагает организациям круглосуточную информационную безопасность, что способствует защите бизнеса от кибератак, утечки данных и т.д. В рамках данной программы объектами страхования являются оргтехника, компьютеры, базы данных, почта и др., а в качестве рисков обозначены списание средств, повреждение систем и/или данных и др.

В свою очередь Ингосстрах предлагает страховую программу «Кибер-Инго», которая предназначена для юридических лиц и направлена на защиту от хакерских атак и внедрения вредоносных программ (вирусов). В случае наступления киберриска в виде нарушения конфиденциальности (разглашения персональных данных) программа покрывает эти расходы.

Еще одним крупным игроком на рынке страхования является АльфаСтрахование. Среди страховых программ необходимо выделить Киберстрахование – это современный способ защиты информационных рисков для организаций и предприятий. Страховка компенсирует ущерб, если другие средства цифровой безопасности окажутся неэффективными. Страховая защита покрывает расходы на восстановление данных, лицензии, персонал и подрядчиков, упущенную выгоду и др. В том числе, АльфаСтрахование в качестве киберрисков выделяет кибервымогательство.

Необходимо отметить, что список страховых компаний, предоставляющих киберстрахование в России, является низким, несмотря на то, что в условиях цифровизации все чаще возникают кибератаки. К примеру, в первом полугодии 2025 года злоумышленники чаще всего атаковали госучреждения (21% от общего количества успешных атак на организации), промышленность (13%), IT-компании (6%) и медицинские учреждения (6%). Наиболее распространенными методами успешных атак на организации стали

использование ВПО (63%), социальная инженерия (50%) и эксплуатация уязвимостей (31%). За рассматриваемый период утечки конфиденциальных данных наблюдались в результате 52% успешных атак на организации и в 74% успешных атак на частных лиц [4].

Отечественный рынок существенно уступает мировой практике в этом направлении. Владельцы капитала рассматривают эту нишу как чрезмерно опасную для инвестиций и не усматривают возможностей для её расширения в условиях общей экономической рецессии. Выходом для российских страховых организаций здесь способен стать фронтинг. Традиционно подобная модель реализуется, например, когда организации требуется предоставить защиту своему заказчику, осваивающему зарубежные территории. Что касается страхования киберрисков, в контексте этого инструмента отечественным страховщикам целесообразно оставлять у себя минимальную часть рискованной нагрузки, перенаправляя основной объём зарубежному контрагенту. В такой модели иностранная компания берёт на себя анализ угроз и формирование параметров полиса, тогда как местная организация обеспечивает финансовую составляющую – обработку требований о выплатах и проведение компенсаций. Благодаря этому потребитель получает доступ к отработанному и заслуживающему доверия решению в области страхования киберрисков.

В России развитию страхования киберрисков мешает недостаточная экспертиза компаний, предлагающих подобные услуги, что влечёт за собой профессиональные пробелы в этой области. Во время переговоров регулярно происходят коммуникационные сбои: организация, желающая застраховаться, приводит на встречу IT-эксперта по защите информации, чьи профессиональные формулировки остаются непонятными представителям страховой компании. Результатом становится неспособность последних сформировать оптимальное предложение для конкретной инфраструктуры клиента. Одновременно технические специалисты оказываются не в состоянии разобраться, какую практическую пользу принесёт им тот или иной полис страхования киберрисков в контексте их ежедневной работы. Таким образом, цифровизация сталкивается с барьером взаимного непонимания между сторонами [5, с. 335].

В таких условиях говорить о каких-либо положительных сторонах бессмысленно, поскольку это неизбежно повлечёт финансовые потери для компании и лишит её возможности компенсировать ущерб в ситуации, когда наступит событие, покрываемое полисом.

Российская Федерация может извлечь ценные уроки из международной практики в данной сфере. Страны Евросоюза выработали целостную систему управления вопросами кибербезопасности и страхования киберрисков, базируясь на фундаментальных нормативных актах – GDPR (общем регламенте защиты персональных данных) и Директиве о безопасности сетевых и информационных систем (NIS). Данные законодательные инструменты закладывают фундамент для работы с угрозами кибератак и

устанавливают единую систему анализа потенциальных опасностей. GDPR предполагает внушительные финансовые санкции при несоблюдении норм информационной безопасности, что стимулирует организации вкладывать средства в инструменты страховой защиты от киберугроз. Такой зарубежный опыт представляет интерес для адаптации в условиях развития цифровизации отечественной экономики.

Европейские страны серьезно подходят к вопросам регулирования и стандартизации страхования киберрисков. Большинство стран Евросоюза интегрировало требования GDPR, что способствует повышению ответственности компаний за защиту данных и, как следствие, стимулирует спрос на соответствующие страховые продукты. Страны, такие как Великобритания и Германия, демонстрируют активное развитие рынка страхования киберрисков и стремятся к созданию устойчивых стандартов в этой сфере.

Таким образом, зарубежный опыт страхования киберрисков подчеркивает необходимость адаптации уже существующих моделей и практик для создания стабильного и эффективного рынка, что поможет защитить бизнесы и общества от растущих киберугроз.

Список литературы

1. Мухаджиева, Т.И. Кибербезопасность в цифровой экономике: риски, стратегии защиты и страхование / Т.И. Мухаджиева, Л.М. Исаева // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – С. 1237-1243.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/
3. Жмурова, С.С. Правовое регулирование страхования киберрисков в России: опыт зарубежных стран и перспективы развития / С.С. Жмурова, Д.И. Джафаров // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 334-337.
4. Актуальные киберугрозы: I–II кварталы 2025 года. URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/#id1>
5. Коломасова, Р.А. Мировые тенденции страхования информационных рисков и проблемы его внедрения в российскую практику / Р.А. Коломасова // E-Scio. – 2019. – № 6(33). – С. 602-612.

Об авторе:

ЛЕНИВКИН Вадим Владиславич – аспирант 2 курса юридического факультета. Научная специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

А.И. Малинин

ФГБУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

В статье рассматриваются особенности реализации несовершеннолетними права на жилище. Подчеркивается, что право на жилище несовершеннолетних представляет собой комплекс самостоятельных прав детей в жилищной сфере, которые в совокупной взаимосвязи обеспечивают реализацию этого права. Также отмечается, что право детей на жилище является производным от жилищных прав их законных представителей. Анализируются правовые аспекты вселения несовершеннолетних к родителям, сохранение ими права пользования жилым помещением после расторжения брака, а также законодательные ограничения при сделках с недвижимостью с участием детей. Особое внимание уделяется государственным гарантиям обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, несовершеннолетние, право на жилище, государственные гарантии.

Социальная политика Российской Федерации основывается на признании высшей ценностью человека, его прав и свобод. В связи с этим государственная политика направлена на формирование условий, способствующих обеспечению достойного уровня жизни, свободного развития и гарантированной реализации прав детей.

Право на жилище является одним из фундаментальных социально-экономических прав граждан Российской Федерации, закрепленных в Конституции Российской Федерации [1]. Это право направлено на содействие в обеспечении несовершеннолетними законной возможности использования жилых помещений для проживания.

Дети, как субъекты права, наравне со взрослыми обладают правами и обязанностями, предусмотренными законодательством. Однако, ввиду психофизических и возрастных особенностей, осуществление несовершеннолетними совокупности имеющихся прав и обязанностей имеет определённые особенности, проявляющиеся, в том числе, при реализации детьми права на жилище.

В действующем законодательстве отсутствует единый специализированный раздел, посвященный правам детей в жилищной сфере, а правовые нормы, регулирующие права несовершеннолетних в данной области, содержатся в нескольких нормативно-правовых актах. Вследствие чего право несовершеннолетних на жилище представляет собой комплекс правовых категорий, охватывающих право ребенка проживать и воспитываться в семье, пользоваться жилым помещением, а также обладать правом собственности на него.

Право несовершеннолетних на проживание в семье совместно закреплено в положении части 2 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации [3]. С.П. Гришаев указывает, что право на совместное проживание заключается в том, что ребенок должен жить вместе с обоими или одним из родителей [8]. Такое право несовершеннолетних регулируется рядом других нормативно-правовых актов и реализуется посредством определения места жительства детей в соответствии с местом проживания их законных представителей.

Согласно пункту 2 статьи 20 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, признается место жительства их законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов [2]. В связи с тем, что несовершеннолетние в возрасте до 14 лет не имеют документа, удостоверяющего их личность, в силу Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.1995 № 713, регистрация по месту жительства или пребывания несовершеннолетних граждан, не достигших 14-летнего возраста и проживающих вместе с законными представителями, осуществляется на основании заявления. В таком заявлении должны быть указаны реквизиты записи акта о рождении, а в случае установления опеки — реквизиты документа, подтверждающего установление опеки. Для осуществления регистрации необходимо предоставить документы, удостоверяющие личность законных представителей, а также один из документов, подтверждающих наличие гражданства Российской Федерации у несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста. По достижении подростком возраста 14 лет его регистрация по месту жительства производится на основании паспорта. При этом право ребенка на совместное проживание с родителями, опекунами и попечителями сохраняется [6].

Регистрация несовершеннолетнего по месту жительства или постоянного проживания его законных представителей неразрывно связано с правом на вселение несовершеннолетних в жилое помещение, в котором зарегистрированы один или оба его родителя. При этом согласно правовой позиции, изложенной в обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года, утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 16.06.2010, вселение несовершеннолетних детей в жилое помещение, где проживают их родители, осуществляется независимо от мнения остальных собственников такого помещения. Это обусловлено необходимостью обеспечения прав несовершеннолетних на жилище и на совместное проживание с родителями [13].

Подход, предусматривающий возможность вселения несовершеннолетнего в жилое помещение, где зарегистрированы один или оба его родителя, без необходимости получения согласия наймодателя, применяется и в отношении помещений специализированного жилого фонда,

если родители или один из них являются нанимателями или членами семьи нанимателя жилого помещения, предоставленного по договору социального найма.

Соответственно, несовершеннолетний реализует право пользования жилым помещением ввиду совместного проживания с родителями, усыновителями или опекунами, что подтверждает производный характер права на жилище детей от аналогичного права их законных представителей.

В случае раздельного проживания родителей детей могут возникнуть споры, связанные с определением места жительства ребенка. В результате такого спора несовершеннолетний может утратить право пользования жилым помещением одного из родителей вследствие фактического прекращения совместного с ним проживания. Однако в обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года, утвержденном Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.11.2007, отмечается, что, поскольку лишение ребенка права пользования жилым помещением одного из родителей, являющегося собственником этого помещения, может повлечь нарушение конституционного права несовершеннолетнего на жилище, расторжение брака между супругами, признание его недействительным или их раздельное проживание не влияют на жилищные права ребенка. Несмотря на то, что при прекращении семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования этим помещением за бывшим членом семьи собственника не сохраняется, ребенок сохраняет право пользования жилым помещением, находящимся в собственности одного из родителей, и после расторжения брака между его родителями [12].

Соответственно, дети не относятся к категории бывших членов семьи, на которую распространяется положение части 4 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации, касающееся не сохранения права пользования жилым помещением вследствие прекращения семейных отношений [4].

Также дети осуществляют свои жилищные права через реализацию права собственности на жилое помещение или обладание долей в праве общей долевой собственности на объекты недвижимого имущества. Однако их правоспособность в части осуществления прав и обязанностей собственника жилого помещения является ограниченной в силу их психофизических и возрастных особенностей. В частности, сделки с жилыми помещениями, собственником или обладателем доли в праве общей долевой собственности которого является несовершеннолетний, не достигший возраста 14 лет, могут совершаться от их имени только их законными представителями. В возрасте от 14 до 18 лет несовершеннолетние наделяются правом осуществления жилищных прав исключительно с письменного согласия их родителей, усыновителей или опекунов. Так, А.В. Заряева, В.Д. Малкова указывают, что с согласия законных представителей ребенок может совершить сделку, направленную на приобретение жилого помещения в собственность, и подать заявление о государственной регистрации прав [10, С. 54].

Следует заметить, что при отчуждении жилого помещения, в котором проживают дети, не требуется согласия органа опеки и попечительства, несмотря на то, что совершение такой сделки влияет на принадлежащее ребенку право пользования жилым помещением. Необходимость получения согласия от компетентного органа на отчуждение недвижимого имущества установлена законом только в отношении жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние, находящиеся под опекой или попечительством, либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника, о которых известно органу опеки и попечительства. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 08.06.2010 № 13-П, такое правовое регулирование направлено на недопущение произвольного и необоснованного ухудшения жилищных условий проживающих совместно с родителями (одним из родителей) детей [10].

Конституционный Суд Российской Федерации выразил данную правовую позицию в 2010 году. Однако в течение более чем десятилетнего периода государственная политика в отношении детей претерпела существенные изменения. В 2020 году Конституция Российской Федерации была дополнена частью 4 статьи 67.1, в которой указывается, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, а также обеспечивает приоритет семейного воспитания и берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Однако на практике возможны случаи, когда отчуждение жилого помещения собственниками, в котором проживают их несовершеннолетние дети, приводит к утрате последними права пользования этим жильем или ухудшению жилищных условий вследствие сокращения жилой площади, необходимой для нормального развития ребенка. В связи с чем возникает необходимость разработки эффективного механизма обеспечения гарантий жилищных прав детей, не допускающего их дискриминации как уязвимой в отношениях с родителями стороны в связи с реализацией ими права пользования жилым помещением, принадлежащим на праве собственности их законным представителям. Такой мерой юридической и социальной защиты жилищных прав несовершеннолетних может являться необходимость получения согласия органов опеки и попечительства на отчуждение жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние. Применение такого подхода позволит предотвратить случаи утраты детьми права пользования жилым помещением и ухудшения их жилищных условий.

С целью защиты прав детей на жильё в пункте 2 статьи 54 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» закреплена необходимость обязательного нотариального удостоверения сделок, связанных с распоряжением недвижимым имуществом

на условиях опеки, а также сделок по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину [5].

Гражданское законодательство Российской Федерации устанавливает ограничения на возможность совершения сделок по отчуждению имущества несовершеннолетних, в том числе обмену или дарению, сдаче внаем, в безвозмездное пользование или в залог. Также ограничиваются сделки, которые могут привести к отказу от принадлежащих детям прав на недвижимое имущество, его разделу или выделению из него долей. Такое ограничение касается любых действий, которые могут уменьшить объем имущества несовершеннолетнего, за исключением сделок, направленных на передачу имущества ему в дар или в безвозмездное пользование. При этом Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 07.12.2017 № 2789-О указал, что такой подход по ограничению на совершение сделок с имуществом несовершеннолетних в силу пункта 3 статьи 60 СК РФ и пункта 1 статьи 28 ГК РФ распространяется на имущественные отношения между несовершеннолетними детьми и их родителями, подопечными, с одной стороны, и их опекунами, попечителями, их супругами и их близкими родственниками, с другой стороны [11]. О запрете на совершение сделок законными представителями несовершеннолетних с близкими родственниками, за исключением передачи имущества ребенку в качестве дара или в безвозмездное пользование, также указывается в письме Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 14.02.2025 № 14-1325-ТГ/25 «О направлении для сведения и учета в работе копии письма Министерства просвещения Российской Федерации от 11.02.2025 № АБ-426/07» [7].

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, также обладают правом на жилище. В связи с тем, что указанная категория детей признается находящейся в сложной жизненной ситуации и требующей специализированной поддержки со стороны общества и государства, в случае отсутствия у них жилого помещения, обязанность по его обеспечению возлагается на государство.

Предоставление и обеспечение жилищных гарантий детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, осуществляется государством путем однократного предоставления:

- благоустроенных жилых помещений по договорам найма специализированных жилых помещений. По общему правилу срок действия договора найма специализированного жилого помещения составляет пять лет и в дальнейшем может продлеваться неограниченное количество раз;

- выплаты на приобретение благоустроенного жилого помещения в собственность или для полного погашения предоставленного на приобретение жилого помещения кредита или займа за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации. Право на выплату на приобретение жилого помещения подтверждается специальным именованным документом —

сертификатом, который может быть реализован на всей территории Российской Федерации.

Также следует отметить, что в течение всего периода нахождения в организации дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, сохраняют за собой право пользования и распоряжения жилыми помещениями, принадлежащими им на праве собственности.

Реализация несовершеннолетними права на жилище характеризуется производностью данного права от аналогичного права их законных представителей — родителей, опекунов и попечителей, а в случае несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, обязанность по обеспечению данного права возлагается на государство. Право на жилище несовершеннолетних представляет собой комплекс самостоятельных прав детей в жилищной сфере, которые в своей совокупной взаимосвязи обеспечивают реализацию этого права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020) [Электронный ресурс] // опуб. на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения 04.01.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей ред.) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в действующей ред.) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. ст. 16.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (в действующей ред.) // СЗ РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). ст. 14.

5. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в действующей ред.) // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). ст. 4344.

6. Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 № 71 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» (в действующей ред.) // СЗ РФ. 24.07.1995. № 30. ст. 2939.

7. Письмо Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 14.02.2025 № 14-1325-ТГ/25 «О направлении для сведения и учета в работе копии письма Министерства просвещения Российской Федерации от 11.02.2025 № АБ-426/07 [Электронный текст] // СПС «Гарант», 2026. (дата обращения: 23.01.2026).

8. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации [Электронный текст] // СПС «Гарант», 2026. (дата обращения: 05.01.2026).

9. Заряева А.В., Малкова В.Д. Ювенальное право: учебник для вузов / А.А. Анисимов, С.А. Буданов, В.Ф. Воробьев и др.; под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М.: «Юстицинформ», 2005. 320 с.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой» [Электронный текст] // СПС «Гарант», 2026. (дата обращения: 13.01.2026).

11. Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 2789-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гасанова Афраила Аваз оглы и Мамедовой Наргиз Абдулалы кызы на нарушение их конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 28 и пунктом 3 статьи 37 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный текст] // СПС «Гарант», 2026. (дата обращения: 13.01.2026).

12. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 07.11.2007 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

13. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16.06.2010 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2010 года» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9

Об авторе:

Малинин Алексей Игоревич – студент 1 курса аспиранты направления подготовки 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33)

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ АДВОКАТА

П.С. Матижев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина

Объектом исследования выступает институт судебного примирения в Российской Федерации, его историческая эволюция и современное состояние, особенно в сфере корпоративных конфликтов. Цель работы – выявить системные барьеры, сдерживающие эффективное использование примирительных процедур, и обосновать необходимость формирования новой профессиональной компетенции адвоката как стратегического советника, переговорщика и примирителя. Методами исследования являются историко-правовой анализ, анализ нормативно-правовой базы и судебной практики. Результатом является вывод о том, что преодоление разрыва между формальным потенциалом и практической востребованностью судебного примирения напрямую зависит от развития у адвоката компетенций мирного урегулирования споров. Новизна работы заключается в комплексном рассмотрении эволюции института примирения через призму трансформации роли адвоката. Практическая значимость заключается в предложении мер по интеграции модулей по примирительным процедурам в программы подготовки адвокатов, что повысит качество юридических услуг и снизит издержки конфликтов.

***Ключевые слова:** судебное примирение, эволюция института, адвокат, профессиональная компетенция, медиация, корпоративные споры, альтернативное разрешение споров, переговорные техники.*

Участие адвоката в корпоративных спорах представляет собой многогранную деятельность, предполагающую наличие углубленных познаний в сфере материального и процессуального права. Научная мысль, посвященная данной проблеме, постоянно эволюционирует в трудах российских правоведов, что дает возможность упорядочить методики разрешения подобных коллизий.

Институт судебного примирения в России, несмотря на многовековую историю и современную законодательную институционализацию, демонстрирует критический разрыв между своим формальным потенциалом и крайне низкой практической востребованностью, особенно в сфере корпоративных споров [1, с. 24]. Эволюция данного института отражает общую тенденцию развития диспозитивных начал в праве, однако его эффективная реализация сталкивается с комплексом системных барьеров – от формализма судов и дефицита квалифицированных примирителей до психологической установки бизнес-среды на «победу в суде». В этих условиях центральной фигурой, способной преодолеть данный разрыв, становится адвокат. Его традиционная роль профессионального советника по правовым вопросам требует трансформации в сторону стратегического советника,

переговорщика и примирителя, что формирует новую, востребованную временем профессиональную компетенцию [2, с. 108-116].

Исторический анализ показывает устойчивую связь между развитием диспозитивных начал в праве и расширением возможностей для примирительных процедур. Становление института посредничества прослеживается уже в средневековых правовых памятниках, таких как Псковская судная грамота 1397 года, где использовались понятия «урядиться» и «мировой ряд» [3, с. 44]. Соборное уложение 1649 года официально признало третейское разбирательство, а в период правления Екатерины II были учреждены совестные суды, действовавшие по принципу «естественной справедливости» и ориентированные на убеждение сторон к миру.

Качественный скачок в развитии института произошел с Судебной реформой 1864 года, которая закрепила в Уставе гражданского судопроизводства главу «О примирительном разбирательстве» (ст. 1366), предоставив сторонам право по взаимному согласию прекратить процесс [4, с. 108]. Однако советский период ознаменовался свертыванием механизмов, активно содействующих примирению сторон в частноправовой сфере (за исключением трудовых споров), хотя формальная возможность заключения мирового соглашения сохранялась. Возрождение института началось лишь на рубеже XX–XXI веков в связи с переходом к рыночной экономике. Принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и последующие изменения в процессуальные кодексы создали современную правовую основу для судебного примирения, в том числе в арбитражном процессе [5, с. 213-216].

Несмотря на созданную правовую базу, статистика указывает на крайне низкую востребованность процедур примирения. Так, мировыми соглашениями в арбитражных судах заканчивается лишь около 2% дел, в судах общей юрисдикции – 0,7% [6]. В корпоративных спорах этот процент еще ниже. Анализ позволяет выявить комплекс взаимосвязанных барьеров:

Процессуально-институциональные: формализм судебной системы, а также ограниченная роль суда в содействии примирению в условиях состязательного процесса (за исключением административного судопроизводства), что проявляется преимущественно в праве суда предложить сторонам воспользоваться механизмом примирения. Отсутствуют ощутимые процессуальные преференции для сторон, избравших досудебное примирение.

Кадровые и инфраструктурные: крайне ограниченный корпус судебных примирителей. Установленный порядок их формирования, предполагающий назначение наиболее опытных и авторитетных судей в отставку, привел к малому числу таких специалистов и, как следствие, отсутствию у сторон реального выбора. Ощущается также дефицит квалифицированных

медиаторов, особенно в регионах, и слабое развитие инфраструктуры (например, комнат примирения).

Культурно-психологические: укорененная в российском бизнес-сообществе и юридической практике установка на конфронтацию и решение споров исключительно путем судебного разбирательства, а не на поиск взаимовыгодного решения. Клиенты зачастую требуют от адвоката победы в суде, а не следования стратегии минимизации рисков и издержек [7].

Экономические: отсутствие прозрачных экономических стимулов (например, существенного снижения судебных издержек или госпошлины) для выбора примирительной процедуры, которая сама по себе также может требовать затрат.

Эти барьеры формируют порочный круг, где низкий спрос не формирует предложения квалифицированных специалистов, а их отсутствие, в свою очередь, дискредитирует саму идею примирения.

Преодоление указанных барьеров невозможно без ключевого агента изменений – адвоката, представляющего интересы бизнеса. Кодекс профессиональной этики адвоката (ст. 7) обязывает его способствовать предупреждению споров, однако на практике большинство адвокатов не готовы к этой роли [8]. Требуется формирование новой компетенции, выходящей за рамки традиционного судебного представительства.

Сущность новой компетенции заключается в том, что адвокат должен стать экспертом по мирному урегулированию споров. Это предполагает развитие следующих навыков и функций:

Диагностика конфликта и оценка рисков: способность на ранней стадии проанализировать конфликт не только с правовой, но и с коммерческой, репутационной и психологической точек зрения, оценив все издержки судебной тяжбы и потенциальные выгоды примирения.

Стратегический советник: умение убедить клиента в целесообразности примирительной процедуры как оптимальной стратегии, а не как признака слабости.

Переговорщик и примиритель: владение современными переговорными техниками, методами фасилитации и базовыми навыками медиации для выстраивания конструктивного диалога с противоположной стороной.

Организатор процедуры: способность выбрать подходящий вид примирительной процедуры (переговоры, медиация, судебное примирение), организовать её проведение и подготовить юридически безупречное мировое соглашение, обеспечивающее устойчивость достигнутых договоренностей

Таким образом, адвокат трансформируется из «воина» в «архитектора решений», чья ценность определяется не только умением вести процесс, но и способностью предотвратить его или завершить на ранней стадии выгодным для клиента соглашением.

Формирование у адвоката компетенций мирного урегулирования споров имеет высокую практическую значимость. Оно ведет к:

- Повышению качества и конкурентоспособности юридических услуг.

- Существенному снижению финансовых, временных и репутационных издержек бизнеса от конфликтов.
- Разгрузке судебной системы.
- Формированию более зрелой, кооперативной правовой культуры в бизнес-среде.

Для реализации этого потенциала необходимы системные изменения:

В образовании: интеграция обязательных модулей по альтернативному разрешению споров (АРС), психологии конфликта и переговорным техникам в программы высшего юридического образования и непрерывного профессионального развития адвокатов (в рамках программ квалификационных комиссий адвокатских палат).

В профессиональном сообществе: активная популяризация успешных кейсов применения примирения в корпоративных спорах Федеральной палатой адвокатов РФ и ведущими юридическими ассоциациями, создание реестров адвокатов-медиаторов.

В законодательстве: введение четких процессуальных стимулов для сторон, избравших досудебное примирение (например, возврат части госпошлины), а также более детальная регламентация и повышение статуса судебного примирителя. Целесообразно дополнить Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» специальной главой, закрепляющей роль, права и обязанности адвоката в примирительных процедурах, что подчеркнет публично-правовую значимость данной функции.

Эволюция института судебного примирения в России прошла долгий путь от средневековых «мировых рядов» до современной законодательной базы. Однако сегодня институт находится в точке бифуркации: его дальнейшее развитие и реализация потенциала в снижении конфликтности бизнес-среды упираются не столько в законы, сколько в человеческий фактор.

Таким образом, преодоление системного кризиса востребованности примирительных процедур, особенно в корпоративных спорах, возможно через целенаправленное формирование у адвоката новой профессиональной компетенции – компетенции стратегического советника, переговорщика и примирителя. Это требует трансформации образовательных стандартов, практики профессионального сообщества и законодательного закрепления расширенной роли адвоката в сфере мирного урегулирования споров, в частности, путем внесения соответствующих изменений в закон об адвокатуре. Такая трансформация является объективной необходимостью для повышения эффективности правовой системы, снижения транзакционных издержек экономики и формирования зрелой правовой культуры.

Список литературы

1. Коковихина П.О. Профессиональные компетенции и роль адвоката в примирении сторон // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 24–28.

2. Потапенко С.В. Примириельные процедуры в гражданском процессе и роль суда в их реализации // Сборник «Альтернативные формы урегулирования гражданско-правовых споров». Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия. 2015. С. 108–116.

3. Фомин А.А. Эволюция института примириельных процедур в России: история и современность // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 1. С. 44–51.

4. Юртаев Д. В. История становления и последующего развития института примириельных процедур в РФ // Актуальные вопросы современной науки и образования : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 2. Пенза, 2023. С. 107–109.

5. Автономова М. В., Будяков А. А., Харламова Е. А. Роль и место института примириения и примириельных процедур в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 213–216.

6. Роль адвокатуры в примириельных процедурах // Адвокатская газета. 2020. 14 февраля. URL: <https://www.advgazeta.ru> (дата обращения: 25.01.2026).

7. Пилипенко Ю. Пресс-конференция в рамках «Ковалевских чтений – 2020» // ТАСС. 2020. 20 февраля.

8. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 20.04.2021).

Об авторе:

МАТИЖЕВ Павел Сергеевич – аспирант первого года обучения направления подготовки 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОХОДОВ, ПОЛУЧАЕМЫХ В БРАКЕ ОДНИМ ИЗ СУПРУГОВ, ОТ ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ ЕМУ ДОЛИ УЧАСТИЯ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

А.Р. Мубаракшин

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань

Научный руководитель к.ю.н., доцент Низамиева О.Н.

В статье рассматриваются проблемы определения правового режима доходов, получаемых в браке одним из супругов, от принадлежащей ему доли участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Делается вывод о существовании разных правовых режимов доходов (общее или раздельное имущество супругов) в зависимости от того, реализация каких корпоративных прав приносит такие доходы. Предлагается внести дополнения в п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ путем отнесения к общему имуществу супругов «доходов от иной экономической деятельности».

Ключевые слова: доля участия в уставном капитале ООО, доходы супругов от иной экономической деятельности, общее имущество супругов, раздельное имущество супругов, правовой режим дивидендов, правовой режим имущества, полученного супругом в качестве ликвидационной квоты.

Обладание одним из супругов долей участия в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, представляющей собой комплекс корпоративных (членских) имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника [7, с. 40; 8, с. 37], особую разновидность имущества [10, с. 48], влечет за собой постановку вопроса о правовом режиме доходов, приносимых этой долей – личным имуществом супруга в период брака. Как справедливо отмечено Е.А. Чефрановой, «даже самое внимательное изучение семейного законодательства не дает прямого ответа на вопрос о судьбе доходов, приносимых раздельным имуществом супругов» [13, с. 309]. Вместе с тем ни в правовой доктрине, ни в правоприменительной практике единства по данному вопросу не наблюдается.

Следует обратить внимание на существование разных видов доходов от участия в ООО в зависимости от того, какое корпоративное право осуществляется.

Так, если супруг – участник ООО реализует свое право на возмездное отчуждение своей доли (части доли) другим участникам или третьим лицам либо осуществляет право на выход из общества путем выкупа этой доли обществом (ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4]), полученные таким образом доходы будут составлять раздельное имущество данного супруга. Очевидно, что эти доходы, отнюдь не имущество, нажитое в браке, а является следствием замены одного вида имущества другим.

Также к корпоративным правам относится право участника на получение части имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимости в случае ликвидации общества, так называемое право на

ликвидационную квоту. Относительно правового режима имущества, полученного супругом в качестве ликвидационной квоты, правоприменителем сформированы различные правовые позиции.

Одни суды относят такое имущество к отдельному имуществу супруга – участника. Так, при рассмотрении спора о разделе совместно нажитого имущества, в состав которого истицей была включена стоимость железнодорожных вагонов, полученных ответчиком в период брака в качестве ликвидационной квоты в связи с ликвидацией общества с ограниченной ответственностью, единственным учредителем которого являлся ответчик, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что денежные суммы, полученные ответчиком в результате продажи железнодорожных вагонов, не являются общим имуществом супругов, поскольку доля в уставном капитале юридического лица была им приобретена до вступления в брак. Суд апелляционной инстанции, согласившись с выводами суда первой инстанции, дополнительно указал: поскольку ответчик «являлся единственным учредителем ООО, имущество общества, оставшееся после его ликвидации, в том числе железнодорожные вагоны, является эквивалентом его доли в уставном капитале общества и принадлежит ему как единственному участнику юридического лица, а так как данное имущество было приобретено до вступления в брак ..., вырученные от продажи указанных вагонов денежные средства не являются совместным нажитым имуществом и не подлежат разделу между супругами» [5, с. 10].

Другие суды, рассматривая аналогичные споры, приходят к прямо противоположному выводу и признают упомянутое имущество общим имуществом супругов. Аргументируется данный вывод тем, что имущество, полученное участником в результате ликвидации общества, является доходом от предпринимательской деятельности, на который в соответствии с п. 2. ст. 34 СК РФ распространяется режим имущества, нажитого супругами во время брака (общего имущества супругов). Так, решением Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 10 января 2019 года по делу № 2-326/2019, квартира, принадлежавшая гражданину и внесенная в качестве вклада в уставный капитал со 100% долей участия до вступления в брак, а впоследствии во время брака полученная в качестве ликвидационной квоты, была признана личным имуществом супруга. Однако апелляционная инстанция с данным решением не согласилась по следующим основаниям. Право на долю в уставном капитале общества и право на ликвидационную квоту - не тождественные понятия. Ликвидационная квота, передающаяся участнику юридического лица, не является эквивалентом его доли участия в таком юридическом лице, а представляет собой доход, получаемый правообладателем доли в уставном капитале общества. Это, по мнению суда, напрямую вытекает из правовой природы ликвидационной квоты, поскольку ее размер непосредственно зависит от успешности деятельности ликвидированного юридического лица и не зависит от номинальной стоимости конкретной доли в уставном капитале. Суд также апеллирует к

положениям налогового законодательства о том, что при ликвидации организации и распределении имущества ликвидируемой организации доходы налогоплательщиков - акционеров (участников, пайщиков) ликвидируемой организации определяются исходя из рыночной цены получаемого ими имущества (имущественных прав) на момент получения данного имущества за вычетом фактически оплаченной (вне зависимости от формы оплаты) соответствующими акционерами (участниками, пайщиками) этой организации стоимости акций (долей, паев) (п. 2 ст. 277 Налогового кодекса РФ [3]). Таким образом, судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда, признала спорную квартиру доходом от участия в предпринимательской деятельности супруга и, соответственно, общим имуществом супругов [15]. Изложенное видение проблемы разделяется и некоторыми представителями цивилистической науки [5, с. 11].

Не отрицая различия в правовой природе права на долю участия в уставном капитале общества и права на ликвидационную квоту, тем не менее, хотелось бы обратить внимание на то, что налоговое законодательство признает доходом рыночную стоимость полученного в качестве ликвидационной квоты имущества, за вычетом фактически оплаченной участником этой организации стоимости доли. В нашем случае за вычетом того имущества, которое было внесено в качестве вклада в уставный капитал, до заключения брака.

Наконец, к имущественным корпоративным правам также относится право участника на получение части прибыли – дивидендов. И здесь вновь приходится констатировать существование разных правовых позиций судов относительно правового режима дивидендов, получаемых одним из супругов во время брака. Согласно первому подходу, поступающие средства (дивиденды) расцениваются как доход, приносимый раздельным имуществом супруга, а потому также являющиеся его личной собственностью [17]. Второй подход основан на признании дивидендов доходом от предпринимательской деятельности супруга, а, следовательно, общим имуществом супругов [16].

Не отрицая справедливости второго подхода по существу, само его обоснование представляется весьма спорным. Так, Ю.А. Метелева резонно обращает внимание на существование как индивидуального, так и коллективного предпринимательства: первое осуществляет гражданин единолично, являясь индивидуальным предпринимателем – его деятельность подпадает под легальное определение предпринимательской деятельности, содержащегося в ст. 2 ГК РФ, так как содержит все указанные в данной статье признаки (в первую очередь – самостоятельность). Когда мы говорим про коллективное предпринимательство, то речь идет об участии в уставном капитале хозяйственных обществ – такая деятельность не подпадает под признаки предпринимательской деятельности, указанные в ст. 2 ГК РФ, а значит, предпринимательской не является [11, с. 13].

Тем самым, можно сделать вывод о том, что доходы (дивиденды) от участия в деятельности ООО не являются доходом от предпринимательской

деятельности по смыслу п. 2 ст. 34 СК РФ. Тогда возникает вопрос: что это за доходы? По справедливому замечанию Е.А. Чефрановой и С.Ю. Чашковой, «подобный вид доходов можно обозначить как «доходы от иной экономической деятельности» [14, с. 40]. В таком случае можно ли признавать доходы каждого из супругов от иной экономической деятельности общим имуществом супругов?

Первая точка зрения, высказываемая в правовой доктрине, основана на признании дохода от иной экономической деятельности, приносимого раздельным имуществом супругов, совместной собственностью супругов. По мнению Ф.И. Хамидуллиной, «презумпция общности супружеского имущества означает, что поступления, приносимые личным имуществом, должны включаться в состав общего имущества, так как никаких исключений в отношении их СК РФ не содержит, а п. 2 ст. 34 СК РФ относит к общему «любое другое нажитое супругами в период брака имущество» [9, с. 124].

Вторая точка зрения, высказываемая многими авторами, представляет собой попытку найти баланс между нормами семейного и гражданского законодательства. Действительно, помимо ст. 34 СК РФ, есть ст. 136 ГК РФ, содержание которой через призму рассматриваемой проблемы следующее: доходы от иной экономической деятельности, полученные от использования личного имущества одного из супругов, являются его раздельной собственностью. О необходимости поиска такого «баланса» пишут И.В. Жилинкова, Е.А. Чефранова, Ю.А. Метелева, А.В. Слепакова и другие.

Лейтмотив указанных работ следующий: с одной стороны, есть супруг, «живущий на проценты» от раздельного имущества, и, исходя из логики ст. 136 ГК РФ, приобретенное им в браке на такие доходы имущество будет его личной собственностью, а, с другой стороны, есть супруга, получающая доход от трудовой деятельности, и приобретенное на ее заработную плату имущество будет признаваться общим имуществом супругов в силу п. 2 ст. 34 СК РФ. Такая картина выглядит несправедливой, а следовательно, необходимо защитить интересы второго супруга.

И.В. Жилинкова, анализируя СК Украины (в соответствующей части он аналогичен российскому), указывает, что такие дивиденды – это личное имущество одного из супругов, но суду необходимо предоставить право в некоторых случаях признавать дивиденды общим имуществом, когда того требуют интересы другого супруга или несовершеннолетних детей [6, с. 182 - 183]. В целом, соглашаясь с выбранным И.В. Жилинковой режимом собственности для дивидендов, Е.А. Чефранова приводит иную аргументацию: «если полученные доходы (прибыль) были использованы на нужды семьи, в том числе на приобретение имущества, призванного удовлетворять потребности семьи в целом, то такое имущество следует рассматривать как поступившее в общую собственность супругов» [13, с. 313].

Е.А. Метелева также указывает, что такие плоды, продукция и доходы – это личное имущество супруга, однако «данный подход является верным и

справедливым в том случае, когда такой рентный доход является не основным, а дополнительным доходом в семье» [11, с. 14].

Оригинальные решения указанной проблемы предлагает А.В. Слепакова. Первый вариант – при помощи п. 2 ст. 39 СК РФ отступить от равенства долей и признать за супругой, на чьи средства от трудовой деятельности была куплена бóльшая часть имущества, условно 9/10 доли от общего имущества супругов, а за супругом, «живущим на проценты», 1/10 доли. Второй вариант – применять к супругу-рантье нормы гл. 60 ГК о неосновательном обогащении [12, с. 117].

Представляется, что статья 136 ГК РФ вопросы соотношения общей и личной собственности супругов не регулирует, а устанавливает лишь общее правило принадлежности доходов собственнику. Положения ст. 34 СК РФ являются специальными по отношению к ст. 136 ГК РФ, поскольку регулируют имущественные отношения лиц, имеющих статус супругов, и определяют для них содержание законного режима имущества. «Системное толкование положений статей 34, 36 СК РФ и ст. 136 ГК РФ (с учетом ее назначения и неисключительного характера) позволяет сделать вывод, что доходы, полученные одним из супругов в период брака от использования своего личного имущества, необходимо относить к общему имуществу супругов» [16].

Тем не менее, во избежание дальнейших споров и противоречивости судебной практики считаем необходимым дополнить ст. 34 СК РФ, отнеся к общему имуществу супругов также и «доход от иной экономической деятельности». Такое решение – единственный способ поставить точку в дискуссии, растянувшейся на десятилетия.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51 (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая. Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – №32. – Ст. 3340.
3. Семейный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №1. – Ст. 16.
4. Федеральный закон от 08.02.1998 №14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №7. – Ст. 785.
5. Богданова И.С. Правовой режим дохода, получаемого в период брака одним из супругов от использования принадлежащего ему имущества // Адвокат. – 2015. - №5. – С. 10–13.
6. Жилинкова И.В. Правовой режим имущества членов семьи. – Харьков, 2000. – 562 с.
7. Илюшина М.Н. Роль судебных актов в становлении и развитии правового режима сделок в корпоративных отношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 1. – С. 38–45.
8. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: гражданско-правовые проблемы правового режима и оборота. – М.: Статут, 2023. – 210 с.

9. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. О.Н. Низамиева. – М.: Проспект, 2010. – 560 с.
10. Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. – 2016. – № 3. – С. 47 - 55.
11. Метелева Ю.А. Права супруга на доходы от личного имущества другого супруга // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 5. – С. 12–15.
12. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. – М.: Статут. – 2005. – С. 117
13. Чефранова Е.А. Механизм семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. – М., 2007. – 630 с.
14. Чефранова Е.А., Чашкова С.Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // Lex russica. – 2024. – Т.77, № 12. – С. 23 – 44.
15. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 2 апреля 2019 г. № 33-8481/2019 по делу № 2-326/2019 // Доступ из СПС «Гарант».
16. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 7 июня 2021 г. по делу № 33-4626/2021 // Доступ из СПС «Гарант».
17. Решение Янаульского районного суда Республики Башкортостан от 21 декабря 2015 г. по делу № 2-1303/2015// Доступ из СПС «Гарант».

Об авторе:

МУБАРАКШИН Алексей Романович – студент 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

СОВРЕМЕННЫЕ ВИДЫ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ В СИЛУ ЗАКОНА

М.В. Нагалина

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Научный руководитель д.ю.н., профессор В.В. Богдан

В статье рассмотрены основания для учреждения доверительного управления, указанных в законе, во взаимосвязи с целями их установления. На основе анализа юридической литературы и изменений в законодательстве выделены новые виды доверительного управления в силу закона. Исследована проблематика системы видов (оснований) учреждения доверительного управления в силу закона.

***Ключевые слова:** доверительное управление в силу закона, основания доверительного управления, цели доверительного управления, виды доверительного управления, система оснований доверительного управления*

Доверительное управление имуществом как особая совокупность норм и возникающих вследствие них правовых отношений достаточно распространено в практике правового регулирования как в России, так и за рубежом, и имеет длительную историю. В меньшей степени национальным правовым порядком известен институт доверительного управления имуществом в силу закона, когда изначальное волеизъявление собственника имущества на его передачу в доверительное управление, либо отсутствует вовсе, либо обусловлено прямым на то указанием законодательных норм. То есть, доверительное управление имуществом в данном случае устанавливается вне воли собственника или же вследствие ограничения его воли на собственное непосредственное управление имуществом.

По общему правилу, указанному в п.4 ст.209 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), передача имущества в доверительное управление относится к правомочиям собственника. Данные правомочия собственник реализует в рамках конструкции договора доверительного управления, сформулированной в главе 53 ГК РФ [2]. Следовательно, основанием передачи имущества в доверительное управление является воля его собственника, что соответствует самим началам гражданского законодательства, призванного быть примененным равными, свободными и независимыми (автономными) субъектами права в собственном интересе. Именно здесь присутствует психологическая составляющая «доверительности» отношений, которая не предполагается в ситуации согласования публичных и частных интересов в силу прямого на то указания закона, а не по изначально выраженной воле собственника [3, с. 91].

Пункт 1 статьи 1026 ГК РФ содержит лишь открытый перечень случаев установления доверительного управления имуществом в силу закона, а именно, указывает на две конкретные правовые ситуации (управление имуществом подопечного и управление наследственным имуществом), отмечая при этом, что возможны и иные случаи учреждения доверительного

управления, когда об этом прямо говорит закон. В части первой ГК РФ предлагает описание еще двух возможных случаев учреждения доверительного управления имуществом по основаниям, указанным в законе, прямо не упомянутых в статье 1026 ГК РФ.

Так, п.1 ст.41 ГК РФ предполагает установление патронажа над совершеннолетними дееспособными гражданами, которые, тем не менее, не способны по состоянию здоровья самостоятельно осуществлять и защищать свои права и исполнять свои обязанности. Такому гражданину назначается помощник (п.2 ст.41 ГК РФ), который может действовать, в числе прочего, и на основании договора доверительного управления имуществом (п.3 ст.41 ГК РФ).

Помимо указанного, в абз.1 п.1 ст.43 ГК РФ предлагается решение ситуации, когда 1) гражданин признан безвестно отсутствующим и 2) его имущество нуждается в постоянном управлении. В данном случае орган опеки и попечительства также заключает договор доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего лица.

Несмотря на то, что среди представителей юридической науки высказывалось мнение о выделении лишь четырех оснований доверительного управления по закону [4, с. 11], на сегодняшний день требуется пересмотр данной позиции в силу развития научной доктрины, изменения законодательства.

В частности, можно выделить случаи доверительного управления имуществом в силу закона, преследующем публичные цели. Они характерны в том случае, когда для лиц, замещающих государственные должности, и иных специально указанных в законе субъектов в целях предотвращения конфликта интересов статьей 12.3. Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [5] предусмотрена обязанность передачи ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление на время нахождения на государственной службе и в иных случаях, прямо поименованных в законе. Данное требование воспроизведено в п.2 ст.17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6] для государственных гражданских служащих.

Во вторую группу можно объединить ситуации доверительного управления активами широкого круга лиц, где отмечается наличие, как социальных, так и экономических функций права, предполагающих снятие возможного правового конфликта (конфликта публичных и частных интересов) [7, с. 29].

Например, это доверительное управление пенсионными накоплениями пенсионными фондами, что предусмотрено, в частности, Федеральным законом от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [8].

В качестве единственного основания управления средствами пенсионных накоплений договор доверительного управления предусмотрен пунктом 1

статьи 18 Федерального закона от 24.07.2002 № 111-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» [9].

Доверительное управление в качестве обязательного способа управления ипотечным покрытием указано в п.3 ст.17 Федерального закона от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» [10]. Пунктами 1 и 2 статьи 17 Федерального закона от 20.08.2004 № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [11] предполагается доверительное управление накоплениями для жилищного обеспечения, в которое их передает уполномоченный федеральный орган в целях обеспечения права участников накопительно-ипотечной системы на использование накоплений.

Третью группу могут составить случаи, предполагающие обеспечение наиболее эффективного управления теми или иными публичными или частными ресурсами, эффективность деятельности самих органов власти, направленной на координацию частного и публичного интереса [12, с. 57-58], инструментом чего способно выступить, по мнению законодателя, именно доверительное управление.

Например, особенности доверительного управления автомобильными дорогами общего пользования федерального значения устанавливаются Федеральным законом от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», пункт 1 статьи 28 которого как раз и предусматривает доверительное управление, определяет доверительного управляющего и описывает объект доверительного управления [13].

В п.4 ст.1012 ГК РФ предусмотрено, что особенности доверительного управления паевыми инвестиционными фондами устанавливаются специальным законом. В данном случае речь идет о Федеральном законе от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» [14], которым предусматривается доверительное управление паями (статья 11 Закона).

Пункт 3 статьи 15 Федерального закона от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [15] определяет, что управление имуществом, составляющим целевой капитал, должно осуществляться управляющей компанией на основании договора доверительного управления имуществом, составляющим целевой капитал.

Российское законодательство не предполагает иных случаев удовлетворения частных интересов путем передачи имущества в доверительное управление в силу закона, хотя и идут плодотворные дискуссии относительно признания случаями доверительного управления в силу закона управление не выделенными в натуре земельными паями в общей долевой собственности сельхозпредприятий [16, с. 139-140] или правами на результаты интеллектуальной деятельности [17, с. 38] (прежде всего, авторскими правами,

когда у автора отсутствует договор с организацией, осуществляющих сбор денежных средств в его пользу с лиц, использующих произведение данного автора).

Вместе с тем, такое не исключается при обращении российского физического лица к институтам и нормам иностранного права.

Речь идет о западном понимании траста с позиций концепции расщепленной собственности, в ситуации которой происходит распределение вещно-правовых и обязательственных правомочий между учредителем траста и другими его участниками [18]. Доверительное управление в силу закона потенциально может иметь место в случае наследственного, пенсионного [19] или семейного траста (в том числе, как формы семейного предпринимательства) [20], которые популярны в государствах, относимых с точки зрения национального правопорядка к англо-саксонской правовой семье, а также в ситуации использования норм об институте фидуции, распространенном во Франции, хотя фидуция крайне условно относится к случаям доверительного управления имуществом в силу закона, поскольку всегда совершается на основании договора, а учреждение наследственного траста не соответствует единственно возможному, по российским законам, указанию собственником своей воли путем завещания.

Теоретически, в силу достаточно широко установленной в статье 18 ГК РФ правоспособности, российский гражданин может использовать такую форму как траст, который, в ряде случаев, предполагает учреждение доверительного управления в силу норм иностранного права, но только лишь если речь идет о семейном трасте. Вместе с тем, существуют и существенные ограничения для такой возможности.

Прежде всего, российские материальные и коллизионные нормы не знакомы с институтом траста. Безусловно, применение норм иностранного права в России возможно, однако 1) если на это указывает международный договор, федеральный закон или признаваемый в России обычай, 2) если применение норм иностранного права не противоречит императивным нормам российского права и 3) если применение норм иностранного права не противоречит публичному порядку Российской Федерации. Исходя из этого передача имущества в траст (что за рубежом означает переход права собственности к доверительному управляющему) будет противоречить п.4 ст.209 ГК РФ, такой переход права при учреждении доверительного управления запрещается. Кроме того, для определения возможных сделок с недвижимостью применяется закон места нахождения недвижимости, в связи с чем находящаяся на территории России недвижимость может быть передана в доверительное управление только по основаниям, предусмотренным российским законом, а значит управление им на принципе траста невозможно [21].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если российский гражданин совершит учреждение траста за рубежом, то он может получить судебную защиту в Российской Федерации, но лишь в отношении движимого

имущества и вне системы наследственных трастов. За рубежом его правоспособность на совершение такого рода сделок будет установлена по закону соответствующего государства, нормы которого предполагают учреждение траста (доверительного управления) в том или ином конкретном случае.

В гражданском законодательстве нет исчерпывающего перечня случаев учреждения доверительного управления имуществом в силу закона. Непосредственно в ГК РФ прямо упомянуто лишь четыре таких случая.

Между тем, представляется, что их выделение и объединение в систему может быть произведено с учетом определения оснований для вмешательства законодателя в процесс реализации собственником своих прав в отношении принадлежащего ему имущества. В свою очередь, основания учреждения доверительного управления находятся в тесной взаимосвязи с целями доверительного управления.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации. Доклады и сообщения VII международной научной конференции. Москва, 17 апреля 2007 г. М.: РГГУ. 2007. С. 89-94.

4. Пьяных Е.С. Доверительное управление имуществом по основаниям, предусмотренным законом: автореф. дис ... канд. юр. наук. М., 2006. 20 с.

5. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

6. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.

7. Таланова М.В. К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10. С.28-34.

8. Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18626/ (дата обращения: 15.01.2026).

9. Федеральный закон «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 24.07.2002 № 111-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3028.

10. Федеральный закон от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах» // СЗ РФ. 17.11.2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4448.

11. Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // СЗ РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3532.

12. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе. Сб. науч. Тр. V-й Межвуз. научн.-практич. конф. / Отв. ред. проф. Г.Г. Бриль. Кострома, 2007. С.56-62.

13. Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3582.

14. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34237/ (дата обращения: 15.01.2026).

15. Федеральный закон «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» от 30.12.2006 № 275-ФЗ // СЗ РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст.38.

16. Сафин З.Ф., Сабирзянова Н.Н. Осуществление права собственности на земельную долю без выделения земельного участка // Ученые записки Казанского государственного университета. Т.150. Кн.5. «Гуманитарные науки». 2008. С.137-143.

17. Зубкова Е.В. Доверительное управление исключительными правами: дис. ... канд. юр. наук. М., 2002. 155 с.

18. Медведев И.Г. Супружеская собственность: испытание трастом (вопросы коллизионного регулирования) // Закон. 2016. № 8. С. 35-47.

19. Максимов Д.М. Пенсионный траст как форма трансграничного накопления и движения капитала в английском праве // Законодательство и экономика. 2015. № 12. С. 57-83.

20. Максимов Д.М. Семейный траст как форма трансграничного накопления и движения капитала в английском праве // Адвокат. 2015. № 10. С. 68-85.

21. Ерпылева Н.Ю., Касаткина А.С. Признание наследственных трастов в странах континентальной системы права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3. С. 337-347.

Об авторе:

НАГАЛИНА Марина Викторовна – аспирант 4 курса юридического факультета направления подготовки 40.01.06 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА КРИПТОВАЛЮТЫ, ПРИОБРЕТЕННОЙ В ПЕРИОД БРАКА

Н.А. Цветков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина

В статье исследуется правовая природа криптовалюты как объекта гражданских прав и особенности её раздела как совместной собственности супругов. Анализируются позиции ученых относительно понятия криптовалюты, а также выявляются основные проблемы, возникающие при разделе криптовалюты как совместного имущества супругов.

Ключевые слова: криптовалюта, особенности раздела, правовое регулирование, семейные правоотношения, цифровые активы

С развитием цифровых технологий в сферу имущественных отношений вошли новые объекты — цифровые активы, среди которых особое место занимает криптовалюта. Традиционный перечень объектов гражданских прав, включающий недвижимость, движимое имущество и ценные бумаги, пополнился принципиально новыми активами — существующими исключительно в электронной среде цифровыми объектами [11, С. 331]. Став одними из наиболее распространённых видов таких активов, криптовалюты (Bitcoin, Ethereum и другие) породили ряд правовых и экономических вызовов, связанных с их спецификой, отличающейся от традиционных финансовых инструментов по ряду ключевых характеристик, связанных с их технологическим базисом и принципами функционирования.

С момента появления в 2009 году цифровая валюта (криптовалюта) активно используется в цифровой среде, постепенно встраиваясь в мировые экономические процессы [10, С. 121]. Криптовалюта выполняет двойственную функцию: выступая одновременно и средством платежа, и самостоятельным объектом инвестиционной деятельности.

Одно из развёрнутых определений криптовалюты было предложено М. А. Егоровой и Л. Г. Ефимовой [9, С. 132]. Одно из развёрнутых определений криптовалюты было предложено М. А. Егоровой и Л. Г. Ефимовой: «Криптовалюта — цифровая валюта, основанная на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций». Данное определение справедливо в части описания технологических механизмов, при этом следует отметить отсутствие централизованного эмитента, что отличает криптовалюты от традиционных цифровых денег.

Ограниченность присутствия криптовалюты в судебной практике не отменяет того, что её постепенное появление в судебных делах объективно подчёркивает актуальность исследования правового режима данного явления. Это обусловлено рядом специфических характеристик: сложностями доказывания принадлежности активов, возникающими из-за анонимности

блокчейн-технологий и отсутствия традиционных документов, проблемами оценки стоимости, вызванными высокой волатильностью курсов, затруднениями при исполнении судебных решений, связанными с невозможностью принудительного доступа к приватным ключам.

До принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], регулирующего статус цифровых активов, судебная практика в России демонстрировала неоднородный подход к квалификации криптовалюты как объекта гражданских прав. Так, в Апелляционном определении от 23 ноября 2020 года по делу № 1-95/2020 [6] суд первой инстанции указал, что криптовалюта не является объектом гражданских прав и не может быть отнесена к вещам, включая наличные деньги, документарные ценные бумаги, иному имуществу, в том числе безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам, имущественным правам; результатам работ и оказания услуг; охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность).

При этом, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда по делу №А40-124668/2017 [5] суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что в силу диспозитивности норм гражданского права в ГК РФ отсутствует закрытый перечень объектов гражданского права. Поскольку гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутого в ст. 128 ГК РФ, с учётом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. Криптовалюта с точки зрения классификации объектов гражданских прав была отнесена к «иному имуществу». Приведённые примеры наглядно демонстрируют, что в рассматриваемый период правовой статус криптовалюты как объекта гражданских прав оставался неоднозначным и порождал существенные расхождения в судебной практике.

С принятием Федерального закона № 259 ситуация изменилась и в ч. 3 ст. 1 закона впервые было закреплено понятие цифровой валюты. Согласно этому определению, цифровая валюта — это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчётной единицей, и (или) в качестве инвестиций, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему её правилам.

При этом важно подчеркнуть, что криптовалюта и цифровая валюта — не тождественные понятия. Закон закрепляет именно термин «цифровая валюта», тогда как специальные нормы, регулирующие правовой статус криптовалют, в российском законодательстве отсутствуют. Однако судебная практика постепенно формирует подход к соотношению этих категорий через анализ их правовых характеристик, особенностей регулирования и применения в конкретных правовых ситуациях. В частности, Арбитражный суд Московского округа в Постановлении по делу № А40-273884/2022 [4] определил криптовалюту как разновидность цифровой валюты, основанная на применении криптографии для создания и контроля новых единиц валюты и осуществления транзакций. Поскольку криптовалюта не подлежит централизованному регулированию ее можно отнести к виртуальной валюте либо, с учетом особенностей, выделить в отдельную разновидность цифровой валюты.

Определение правового режима криптовалюты, приобретённой в период брака, неразрывно связано с решением вопроса о её отнесении к объектам совместной собственности супругов. Согласно статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации [2], имущество, нажитое супругами во время брака, признаётся их совместной собственностью.

В этой связи особый научный и практический интерес представляет анализ особенностей раздела криптовалюты именно в рамках семейных правоотношений, где сочетаются нормы гражданского и семейного законодательства.

С учётом положений статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] и правовой позиции, сформировавшейся после принятия Федерального закона № 259-ФЗ, криптовалюта может быть квалифицирована как разновидность имущества, обладающего экономической ценностью и способного участвовать в гражданском обороте. Таким образом, если криптовалюта приобретена в период брака за счёт общих доходов супругов, она подлежит включению в состав совместно нажитого имущества.

При этом отсутствие материальной формы и традиционных правоустанавливающих документов не может служить основанием для исключения криптовалюты из числа объектов имущественных прав супругов. Правовой режим совместной собственности, согласно действующему законодательству, не ограничивается вещными объектами — его действие распространяется и на цифровые активы.

Одной из особенностей раздела криптовалюты выступает сложность доказывания факта её приобретения и принадлежности конкретному супругу — обстоятельство, наглядно подтверждённое судебной практикой. В отличие от банковских счетов, недвижимого имущества или ценных бумаг, криптовалюта не регистрируется на имя физического лица, а доступ к ней осуществляется исключительно посредством владения приватным ключом, что создаёт существенные препятствия для установления правообладания.

Например, в деле, рассмотренном Ленинским районным судом Санкт-Петербурга [8], истец не сумел доказать приобретение супругом криптовалюты Russian Mining Coin (RMC) в период брака. Суд отказал в признании актива совместно нажитым имуществом именно ввиду отсутствия допустимых, достоверных и достаточных доказательств: не были представлены ни выписки с криптовалютных бирж, ни подтверждения транзакций, ни иные документы, позволяющие идентифицировать принадлежность кошелька и момент приобретения активов.

Особую сложность при разделе криптовалютных активов представляет определение их стоимости — ввиду высокой волатильности курсов суду необходимо зафиксировать конкретный момент оценки: на дату прекращения брака, предъявления иска или вынесения решения. Судебная практика по данному вопросу остаётся неоднородной, что порождает правовую неопределённость. Дело № 2-3256/2018, рассмотренное Кировским районным судом г. Казани [7], стало одним из первых в российской судебной практике, где предметом спора стала криптовалюта. В этом деле суд столкнулся с необходимостью квалификации цифровых активов как совместно нажитого имущества и проблемами определения их стоимости при разделе.

Суд признал криптовалюту совместной собственностью супругов, так как она была приобретена в период брака на общие средства. Однако при определении её стоимости возникли значительные затруднения из-за резких колебаний курса в период судебного разбирательства. Это сделало невозможным установление стабильной оценочной базы на конкретную дату. Для определения стоимости требовалось использовать данные криптовалютных бирж или других платформ, но их достоверность и актуальность могли вызывать сомнения, особенно для малоликвидных активов. Суду пришлось привлекать независимых специалистов для анализа блокчейн-транзакций и сопоставления данных с биржевыми котировками. Это усложнило и затянуло процесс рассмотрения дела.

Таким образом, при определении стоимости криптовалюты в суде необходимо учитывать её волатильность. В качестве основы для оценки используются данные криптовалютных бирж, блокчейн-обозревателей и иных платформ, фиксирующих текущий курс актива. При этом стоимость должна определяться на момент рассмотрения дела, что позволяет обеспечить объективность и единообразие при разделе имущества.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что криптовалюта, приобретённая в период брака за счёт общих доходов супругов, при соблюдении установленных законом условий признаётся объектом совместной собственности и подлежит разделу при расторжении брака. Сформировавшаяся после принятия Федерального закона № 259 судебная практика в целом признаёт имущественную природу цифровых активов, тем самым создавая правовые основания для их включения в состав совместно нажитого имущества.

Вместе с тем раздел криптовалюты обладает рядом особенностей, существенно отличающих его от раздела традиционных объектов гражданских прав. Среди них:

— отсутствие централизованного учёта и регистрации прав, обусловленное децентрализованной природой блокчейна;

— анонимность владения, затрудняющая идентификацию реального собственника;

— необходимость доказывания принадлежности цифровых кошельков конкретному супругу, требующая представления специфических доказательств (выписок с бирж, скриншотов, данных о транзакциях);

— сложности оценки стоимости, порождённые высокой волатильностью курса и отсутствием унифицированных методик.

Указанные обстоятельства, сопряжённые с техническими и правовыми нюансами, нередко осложняют процесс доказывания, приводя к увеличению сроков рассмотрения споров судами о разделе имущества. Таким образом, криптовалюта выступает объектом гражданских прав, а в контексте семейных правоотношений криптовалюта может рассматриваться как объект совместной собственности супругов.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ // СЗ РФ от 1 января 1996 г. № 1. ст. 16.

3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. I. Ст. 5078.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 октября 2023 года по делу № А40-273884/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.klerk.ru/doc/649877/> (дата обращения 24.01.2026).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года №09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017 [Электронный ресурс] // URL: https://www.audar-info.ru/na/article/view/type_id/7/doc_id/59292/?ysclid=mkvrc3ype1395538977 (дата обращения 24.01.2026).

6. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 года по делу № 22-5295/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://actofact.ru/case-78OS0000-22-5295-2020-2020-08-20-2-1/> (дата обращения 24.01.2026).

7. Решение Кировского районного суда г. Казани по делу № 2-3256/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения 25.01.2026).

8. Решение Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга от 03 июня 2019 года по делу N 2-393/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://actofact.ru/case-78RS0012-2-393-2019-2-2526-2018-m-2429-2018-2018-11-28-0-0/?ysclid=mkvrggjig1502500752> (дата обращения 25.01.2026).

9. Егорова М. А. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства / М. А. Егорова, Л. Г. Ефимова // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7(152). С. 130-140.

10. Камышанова А. Е. Правовое регулирование криптовалюты в России: проблемы и перспективы / А. Е. Камышанова, А. Д. Брилева // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4(208). С. 121-123.

11. Ян П. С. Правовое регулирование криптовалюты в России: проблемы и перспективы / П. С. Ян, Е. В. Лаврова // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы : сборник научных статей участников Молодежной секции Международной конференц-сессии, Москва, 18–19 мая 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Научный консультант", 2023. С. 329-333.

Об авторе

ЦВЕТКОВ Никита Алексеевич – аспирант 2 года обучения Тверского государственного университета направления подготовки 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: tsvetkov.nik@inbox.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЦА ПРИ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ

А.С. Шагов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина

В настоящей научной статье рассматриваются особенности порядка защиты прав лица, нарушение которых выражено в посягательстве на неприкосновенность семейной тайны. Проводится анализ определения семейной тайны, а также выделяются взаимосвязи личной, семейной тайны с частной жизнью. Исследуется аспект выбора надлежащего способа защиты нарушенного права, анализируется применимая судебная практика. По результатам работы выделяются особенности порядка защиты прав лица, а также предлагаются рекомендации к совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: семейная тайна, неприкосновенность частной жизни, способы защиты гражданских прав, судебная защита гражданских прав.

В Российской Федерации в силу ст.23 Конституции Российской Федерации всем лицам гарантированы права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну [1].

Законодательством Российской Федерации вопросы личной и семейной тайн в контексте частной жизни граждан прямо не урегулированы в части определения понятий, а также соотношения правовых категорий между собой.

Н.С. Измайлова определяет частную жизнь как сферу жизнедеятельности лица, в которую могут включаться личные, семейные, бытовые и иные виды отношений, содержание которых такое лицо желает оставить защищенным от вмешательства извне, недоступным для познания со стороны третьих лиц, не имеющих на то прямого разрешения. Принцип неприкосновенности частной жизни базируется на праве лица самостоятельно определять ход своей жизнедеятельности и сохранять сведения о ней в тайне. Автором выделяются четыре вида посягательств на данное право, одним из которых является предание гласности сведений о частной жизни лица в отсутствие на то прямого согласия (иными словами – раскрытие тайны) [8].

Таким образом, семейные отношения, сведения о которых гражданин пожелал оставить в тайне, являются частью его частной жизни, ввиду чего при несанкционированном разглашении таких сведений применяются положения законодательства о последствиях нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

По мнению С.Ю. Пашаева семейная тайна – это информация о взаимоотношениях внутри семьи, о взглядах и интересах членов семьи, принадлежащая людям, взаимные права и обязанности которых возникают из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитания [10].

Т.В. Попова предлагает считать, что под семейной тайной понимается информация ограниченного доступа, независимо от формы ее предоставления, которая охраняется режимом тайны и относится к членам семьи и приравненным к ним субъектам. Доступ, предоставление и (или) распространение такой информации третьим лицам ограничены вышеуказанными субъектами с целью защиты от произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения ее безопасности, прав, свобод и законных интересов ее членов [11].

На основании вышеуказанных подходов к толкованию семейной тайны можно выделить ряд ее отличительных черт:

- характер информации затрагивает интересы группы субъектов;
- члены такой группы субъектов связаны между собой родством, браком, усыновлением, опекуном и иными основаниями, находящимися в сфере регулирования семейного законодательства Российской Федерации;
- содержание информации может включать в себя как юридически значимые факты (например, факт усыновления), так и психолого-личностные категории (отношения между субъектами, мнения и взгляды субъектов и т.д.).

Т.В. Попова, говоря о несовершенствах законодательства, регулирующего оборот сведений ограниченного доступа, делает предположение о том, что информация, составляющая семейную тайну, может попадать под категорию персональных данных [11]. К такой информации могут относиться сведения, известные одному члену семьи в отношении других членов семьи. Перечень субъектов, которые могут осуществлять обработку такой информации, включает в себя государственные и муниципальные органы, юридических лиц (кредитные организации, работодатель и т.д.) и физических лиц [2]. Следовательно, третьи лица, получая информацию, составляющую семейную тайну, в ограниченное распоряжение, рискуют нарушить права носителей такой информации. Нарушение режима семейной тайны является основанием для защиты нарушенных прав.

В силу ст.11, 12 ГК РФ защита гражданских прав вне зависимости от выбранного способа осуществляется в судебном порядке, если законодательно прямо не установлен административный порядок защиты [3]. Оба порядка имеют заявительный характер, но различаются в субъекте, который будет принимать решение по заявленному вопросу (орган государственной власти или судебный орган). Кроме этого, суды рассматривают заявления граждан по вопросам в пределах компетенции вне зависимости от того, кто является нарушителем права, тогда как в административном порядке рассматриваются споры, в которых спорное действие было совершено органом государственной власти.

Круг отношений, в рамках которых могут несанкционированно разглашаться сведения, составляющие семейную тайну, не ограничен, ввиду чего допускается в рассматриваемом случае применение и судебного, и административного порядков защиты гражданских прав.

Например, дела о разглашении семейной тайны, не связанные с намерением истца привлечь ответчика к мерам публичной (административной, уголовной) ответственности, рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства. В особых случаях (например, наличие у кредитной организации информации о членах семьи должника) может быть подана жалоба в государственный орган в соответствии с административным регламентом.

Таким образом, если отношения гражданина и лица, неправомерно распространившего сведения, составляющие семейную тайну такого гражданина, не регулируются специальными актами законодательства, применяется судебный порядок защиты нарушенных прав. При этом, характер отношений гражданина и такого лица определяет подведомственность спора.

На основании ст.150 ГК РФ неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна отнесены к нематериальным благам и подлежат государственной защите. Выбор конкретного способа защиты гражданских прав, установленного ст.12 ГК РФ, зависит от:

- существа нарушенного нематериального блага / личного неимущественного права;
- характера последствия такого нарушения;
- специфики интересов гражданина.

В силу последнего фактора на основании а.2 п.2 ст.150 ГК РФ допускаются специальные способы защиты нарушенных гражданских прав, а именно:

- признание факта нарушения личного неимущественного права гражданина;
- опубликование решения суда о допущенном нарушении;
- пресечение или запрет действий, создающих угрозу нарушения личного неимущественного права, посягающих (создающих угрозу посягательства) на нематериальное благо.

Как видно из приведенных норм гражданского законодательства, явная корреляция между нематериальными благами, в отношении которых совершается посягательство, и между способами защиты гражданских прав отсутствует. Иными словами, из буквального толкования норм права в целях защиты нарушенных прав не следует однозначного выбора способа защиты – он должен быть выбран посредством анализа совокупности факторов, обозначенных в ст.150 ГК РФ, а также материалов судебной практики.

Так, истец заявил к ответчику ряд требований, вытекающих из распространения последним информации, порочащей честь и достоинство истца. К числу таких требований было отнесено опубликование на Интернет-странице, принадлежащей ответчику, информации о том, что с его стороны были распространены недостоверные сведения об истце, а также опубликование текста решения суда, подтверждающего факт нарушения прав истца ответчиком. При рассмотрении данного требования суд, сославшись на ст.150 ГК РФ, отметил, что в рассматриваемом споре требование о размещении на сайте, на котором были распространены спорные сведения,

текста судебного решения, является обоснованным, отвечает существу нарушенного права и характеру последствий такого нарушения [7]. Из рассмотренного примера видна качественная оценка истцом последствий совершенного ответчиком нарушения, в результате чего была выбрана линия защиты гражданских прав, в наибольшей степени соответствующая интересам истца и сложившимся в практике подходом.

Необходимо отметить, что прямо установленной законодательной обязанности истца по обоснованию выбора способа защиты нарушенного права не установлено. При этом, как пример установления специального бремени доказывания, в силу п.1 ст.152 ГК РФ в спорах о защите чести и достоинства обязанность доказать факт того, что распространенные в отношении истца сведения соответствуют действительности, лежит на ответчике [4]. При реализации судебной защиты гражданских прав истец выбирает способ защиты на основании ст.12, 150 ГК РФ, и обосновывает его в общем порядке в силу ст.56 ГПК РФ, 65 АПК РФ, но следствием отсутствия особой процедуры доказывания и обоснования выбора применимого способа защиты может стать спор о выборе ненадлежащего способа защиты права [6].

В юридической науке регулярно предпринимаются попытки сопоставить применимые способы защиты прав с конкретными обстоятельствами. Например, к числу применимых способов защиты нарушенного права на неприкосновенность частной жизни, в том числе посредством несанкционированного распространения сведений, составляющих семейную тайну, Н.С. Измайлова выделяет три основных:

- возмещение имущественного вреда (убытков);
- компенсация неимущественного морального вреда;
- восстановление положения, существовавшего до нарушения права, прекращение действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения права [8].

При этом, автором не исключается и допускается применение всего перечня способов защиты гражданских прав, установленного ст.12 ГК РФ. Необходимо отметить, что несмотря на такое допущение, существуют способы защиты гражданских прав, которые фактически не коррелируются с совершаемыми нарушениями (например, присуждение к исполнению обязанности в натуре неприменимо при нарушении режима семейной тайны ввиду отсутствия обязательства как такового).

Рассмотренные примеры позволяют применить аналогичную позицию к спорам, вытекающим из несанкционированного раскрытия семейной тайны. Помимо подготовки правовой позиции и доказывания неправомерности действий со стороны ответчика, истец обязуется проанализировать обстоятельства в контексте факторов, указанных в ст.150 ГК РФ, и по результатам анализа выбрать наиболее эффективный способ защиты. Выбор ненадлежащего способа защиты гражданских прав является основанием для отказа в иске. На текущий момент источники гражданского процессуального законодательства не содержат правил замены ненадлежащего способа защиты

права, что, по мнению исследователей, является существенным правовым недостатком и нуждается в совершенствовании [9].

Проявление данной проблемы подтверждается спорами, которые возникают на практике. В одном из рассмотренных судебных дел семья из 4 человек являлась собственником недвижимого имущества: трехкомнатной квартиры. В двух комнатах данной квартиры проживал гражданин вместе с несовершеннолетним ребенком, тогда как третья комната остальными собственниками сдавалась в аренду третьим лицам. Сложилась ситуация, при которой отец и дочь проживали в одной квартире с арендаторами, из-за чего у отца сформировалась позиция о том, что право остальных членов семьи, являющихся собственниками, но не проживающими на территории спорной квартиры, на распоряжение имуществом нарушает права отца и его несовершеннолетней дочери на неприкосновенность частной жизни и личную, семейную тайну.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, поскольку истцом не был доказан факт использования имущества, принадлежащего ответчикам, ответчиками и нанимателями не по назначению, а также не доказан факт нарушения прав и интересов истца и его несовершеннолетней дочери. Судом апелляционной инстанции решение было оставлено в силе с указанием на то, что принятие судебного акта, констатирующего отсутствие у ответчика прав на осуществление определенных действий по распоряжению собственностью, не обеспечит дополнительной защиты и не восстановит прав истца. Верховный Суд РФ, рассматривая жалобу на акты нижестоящих судов, критически отнесся к способу защиты прав, предложенным судом апелляционной инстанции (иск о выселении из жилого помещения лиц, пользующихся его частью без согласия собственников), а также дал дополнительный комментарий о способах защиты гражданских прав [5].

По результатам повторного рассмотрения дела в первой инстанции требования истца о запрете остальным собственникам сдавать помещение в найм без согласия всех остальных собственников были удовлетворены.

Таким образом, процессуальный порядок защиты прав лица, в отношении которого была несанкционированно распространена семейная тайна, зависит от целей такого лица. В случае, если цели лица находятся в сфере гражданского права, то таким лицом самостоятельно проводится анализ обстоятельств нарушенного права на предмет их правовой характеристики в соответствии со ст.150 ГК РФ (в ином случае лицо инициирует обращение в правоохранительные органы). Результатом анализа является выбор лицом конкретного способом защиты своего права, что является наиболее спорным моментом в современной практике.

В настоящее время правила определения способа защиты прав гражданским, гражданским процессуальным законодательством не установлены, что может критически отражаться на лицах, защищающих свои права, поскольку выбор ненадлежащего способа защиты является основанием для отказа в иске. Критичность также обосновывается сложностью анализа

обстоятельств, выраженных в нарушении семейной тайны, поскольку характеристика и правовая природа таких обстоятельств может быть разнообразной, и не поддающейся моделированию заранее.

В целях совершенствования законодательства предлагается закрепить более конкретные правила определения применимого способа защиты нарушенного права (относительно тех, которые содержатся в ст.150 ГК РФ) при посягательстве на неприкосновенность частной жизни и на неприкосновенность семейной тайны, в частности. Допустимо реализовать данный подход в формате информационного сообщения Верховного Суда Российской Федерации, которое будет содержать виды наиболее распространенных нарушений в отношении гражданской информации ограниченного доступа и применимые в данных случаях способы защиты (требования, заявляемые в рамках гражданского судопроизводства).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О персональных данных" // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 (ред. от 09.12.2025) "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // РГ, № 50, 15.03.2005.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2025 N 1-КГ25-2-К3 (УИД 29RS0014-01-2023-004980-03) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 по делу N 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2018 N 13АП-26005/2018, 13АП-26006/2018 по делу N А56-62851/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Измайлова Н.С. Неприкосновенность частной жизни в гражданском праве: на примере права Великобритании, США и России: дисс. ... к.ю.н.: 12.00.03 // Московский государственный институт международных отношений МИД России. – М.:2009, - 200 с.
9. Карпова А.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в цивилистическом процессе: монография / науч. ред. А.В. Юдин. Москва: Статут, 2024. 216 с.
10. Пашаев С.Ю. Конституционно-правовое регулирование личной и семейной тайны в Российской Федерации: дисс. ... к.ю.н.: 12.00.02 // ФГБОУ ВПО «Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации». – М.: 2010, - 191 с.
11. Попова Т.В. Правовой режим семейной и личной тайны в системе информационной безопасности Российской Федерации: к.ю.н.: 5.1.2 // ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук». – М.: 2024, - 217 с.

Об авторе:

ШАГОВ Артем Сергеевич – аспирант первого года обучения, кафедра гражданского права, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

**КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЗА УПРАВЛЕНИЕ
ИМИ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

А.Д. Андреева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье анализируются проблемы конфискации транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения. В условиях растущей статистики ДТП, связанных с алкогольным и наркотическим опьянением, вопросы правоприменения норм, регулирующих данную сферу, становятся особенно важными. Рассматриваются юридические аспекты конфискации, проблемы, возникающие при ее применении, а также предложения по улучшению законодательства.

***Ключевые слова:** конфискация, транспортное средство, меры уголовно-правового характера, управление транспортным средством в состоянии опьянения, ответственность за нарушение.*

Конфискация транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения была введена в законодательство как мера, направленная на снижение числа правонарушений и повышение уровня безопасности на дорогах. Основная идея заключается в том, что лишение водителя его автомобиля должно стать серьезным сдерживающим фактором. Однако на практике возникают сложности, связанные с правоприменением данной меры.

Федеральный закон, принятый 14 июля 2022 года № 258-ФЗ, внес изменения в часть 1 статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, был добавлен пункт «д», который устанавливает, что конфискация имущества может применяться к «транспортному средству, принадлежащему обвиняемому и использованному им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2 или 264.3 настоящего Кодекса». Эти статьи касаются преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, включая, в частности, управление автомобилем в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, если лицо уже подвергалось административному наказанию или имеет судимость за аналогичные правонарушения.

Возникают серьезные вопросы и обсуждения в юридической среде, касающиеся правомерности изъятия автомобилей и их последующего обращения в собственность государства. Проблема становится особенно актуальной в свете судебной практики, где возникают споры о том, насколько законно и обоснованно изымать транспортные средства у граждан, которые могут быть не только виновны в совершении правонарушения, но и, возможно, не имели злого умысла.

Конфискация может подлежать транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

В силу п «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация подлежит транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении повторного управления транспортным средством в состоянии опьянения (ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ). Обязательным условием в данном случае является принадлежность транспортного средства обвиняемому и использование его при совершении указанных преступлений.

Примером данного положения может служить приговор № 1-89/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-89/2025 Мелеузовский районный суд (Республика Башкортостан)

Из обстоятельств преступления по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, совершенного ФИО1 следует, что автомобиль марки ... государственный регистрационный знак <№>, принадлежит подсудимому и использовался подсудимым при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. На основании вышеизложенного и на основании п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ суд принимает решение о конфискации данного автомобиля, как орудия преступления, и обращении его в собственность государства.

Наложенный арест на автомобиль марки ... государственный регистрационный знак <№>, принадлежащий ФИО1, на основании постановления Мелеузовского районного суда Республики Башкортостан от <дата обезличена>., сохранить до исполнения приговора в части конфискации указанного автомобиля [3].

Следует иметь в виду, что принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

В тех случаях, когда, например, по делу о преступлении, предусмотренном статьей 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, представленные обвиняемым сведения об отчуждении транспортного средства, использованного при совершении такого преступления, опровергаются исследованными материалами дела (протоколами осмотра и выемки транспортного средства по месту его хранения обвиняемым, показаниями свидетелей или документами, указывающими на отсутствие факта передачи денежных средств обвиняемому и (или) передачи самого транспортного средства другому участнику договора, и т.п.) и судом будет установлено, что транспортное средство продолжает принадлежать обвиняемому, оно также подлежит конфискации.

Если осуществить конфискацию определенного предмета, входящего в имущество, указанное в статье 104.1 УК РФ, в том числе транспортного средства, не представляется возможным в связи с его использованием, продажей или по каким-либо иным причинам (например, ввиду дарения, утраты, уничтожения), то суд в обвинительном приговоре при отсутствии либо недостаточности денежных средств, которые могут быть конфискованы в

размере стоимости данного предмета, принимает решение о конфискации другого имущества, соразмерного его стоимости.

Ещё одной проблемой являются широкие возможности у лица, совершившего преступление, в части злоупотребления своим правом на транспортное средство. Нередко обвиняемые и заинтересованные лица осуществляют сделки с транспортным средством, которые должны воспрепятствовать его конфискации судом. Например, переход права собственности от лица, совершившего на данном транспортном средстве преступление к другому лицу с целью исключить обязательное условие для конфискации, как наличие права собственности у обвиняемого. Однако, если суд установит, что фактически транспортное средство продолжает находиться у лица совершившего преступление, суд не смотря на права собственности конфискует данное транспортное средство. Кроме того, наложение ареста на имущество должника по гражданскому делу, как и наличие обременения, не относятся к числу причин, исключающих конфискацию данного предмета.

Так же необходимым условием, для конфискации транспортного средства является наличие обвинительного приговора. В связи с этим возникает вопрос. Конфискация транспортного средства при повторном управлении в состоянии опьянения — право или обязанность суда? Уголовный закон не дает прямого ответа на этот вопрос не только относительно применения п. «д» ч. 1 ст. 1041 УК РФ, но и в отношении конфискации имущества, указанного в п. «а»-«г» ч. 1 ст. 1041 УК РФ. Такая ситуация обычно создает почву для дискуссий, исследователи уголовно-правовой характеристики конфискации этой возможности не упустили. Ряд авторов отмечает в своих исследованиях, что нормы главы 151 УК РФ не содержат ответа на вопрос, обязан суд применить конфискацию имущества или это право суда [4]?

Так, Д. Ю. Борченко утверждает, что конфискация имущества носит для суда обязательный характер, при наличии соответствующего основания суд не может не только воздержаться от ее назначения, но даже как-то изменить объем подлежащего конфискации имущества, например, постановить о конфискации только части имущества [5].

Разумно предположить, что конфискация имущества, должна быть обязанностью суда, закрепление такого положения на законодательном уровне поспособствует применению на практике конфискации транспортного средства, как гарантированную меру предупреждения повторного преступления.

Проблемы назначения и применения конфискации имущества отражаются в статистике ее применения судами. После изменения юридической природы, конфискацию имущества практически перестали назначать судьи. В период с 1997 по 2003 год, когда конфискация имущества использовалась в УК РФ как дополнительное наказание, она применялась чаще других дополнительных наказаний [6].

Для единообразного применения судами норм касающихся конфискации транспортных средств, постановление Пленума Верховного Суда РФ от

14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» дополнено п. 3(3), где указано, что при наличии оснований, содержащихся в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация транспортного средства является обязательной, решение вопроса о его принудительном изъятии и обращении в собственность не является правом суда [1].

Можно сделать вывод, что для близких родственников лица, совершившее данные преступления, законодатель предусмотрел гарантированную защиту их прав и закрепил перечень имущества, которое не может подлежать конфискации.

Так судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела кассационную жалобу адвоката на решения о конфискации автомобиля по делу Оборина Н.С.

28 апреля 2023 года в Краснокамске Оборин управлял автомобилем Renault Logan в состоянии опьянения, будучи ранее подвергнутым административному наказанию за отказ от медосвидетельствования. Суд конфисковал автомобиль как орудие преступления.

Районный суд осудил Оборина по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ к 450 часам обязательных работ с лишением права управления на 2 года 9 месяцев и конфисковал автомобиль. Первая апелляция отменила конфискацию, установив, что машина принадлежит супруге. Кассация отменила это решение, вторая апелляция восстановила конфискацию. Вторая кассация оставила конфискацию в силе.

ВС установил нарушение закона. По ст. 36 СК РФ имущество, приобретенное на личные средства одного супруга, полученные в дар, является его единоличной собственностью, даже если куплено в браке. Доказано, что супруга купила автомобиль на деньги, подаренные матерью по договору целевого дарения от 5 октября 2022 года на сумму 618 000 рублей. Показания свидетелей и документы это подтверждают. Решением гражданского суда от 11 ноября 2024 года автомобиль признан единоличной собственностью супруги с момента покупки.

Автомобиль не может считаться совместной собственностью супругов и не подлежит конфискации по п. "д" ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, так как формально не принадлежит осужденному.

ВС РФ отменил кассационное постановление от 27 марта 2025 года, апелляционное от 8 октября 2024 года, кассационное от 7 августа 2024 года; оставить в силе апелляционное постановление от 9 января 2024 года, отменившее конфискацию [2].

Важно отметить, что у лиц, в отношении которых возбуждаются уголовные дела, предусмотренные ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ уже имеется привлечение к административной ответственности в прошлом по тождественным правонарушениям. Это означает, что им уже были известны последствия данного правонарушения и к каким правовым последствиям может привести повторное нарушение.

Когда человек сознательно идет на повторное нарушение, он должен отдавать себе отчет в том, что своими действиями создает ситуацию, в которой не только он сам, но и другие владельцы или собственники транспортного средства рискуют лишиться данного имущества. Причем изъятие автомобиля в таком случае происходит на безвозмездной основе, что означает, что никакой компенсации за конфискованное имущество не предусмотрено. Это становится серьезным ударом для нарушителя, особенно если речь идет о дорогостоящем транспортном средстве.

По мнению А. Мондохонова и К. Макарова статистические данные свидетельствуют об эффективности применения конфискации транспортных средств при повторном управлении ими в состоянии опьянения: по итогам 2022 г. число зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории сократилось на 8,9 %, а по итогам первого полугодия 2023 г. — на 10,5 % [7].

Такая мера, как конфискация автомобиля, относится к уголовно-правовым санкциям и имеет своей целью не только наказание за повторное нарушение, но и предупреждение подобных действий в будущем. Она служит своеобразным сдерживающим фактором, заставляющим человека задуматься о последствиях своих поступков. Ведь перспектива лишиться автомобиля, который может являться важным средством передвижения или даже источником дохода, выглядит крайне серьезной. Таким образом, законодательство стремится минимизировать риск повторного нарушения правил дорожного движения, создавая для нарушителей дополнительный стимул соблюдать установленные нормы, хотя бы из страха потерять свое имущество.

Таким образом, конфискация транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения представляет собой сложный и многогранный вопрос. Необходимо искать баланс между обеспечением безопасности на дорогах и защитой прав граждан. Эффективное правоприменение требует тщательного анализа каждого случая, а также разработки рекомендаций по улучшению законодательства в данной области. Важно, чтобы меры, принимаемые для борьбы с вождением в состоянии опьянения, были не только жесткими, но и справедливыми, способствующими улучшению ситуации на дорогах, а не создающими дополнительные проблемы для общества.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 N 17 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве"
2. Кассационное определение Верховного суда РФ от 16.10.2025 по делу № 44-УД25-16-К7. [Электронный ресурс] URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2497132
3. Приговор № 1-89/2025 от 28 апреля 2025 г. по делу № 1-89/2025 Мелеузовский районный суд (Республика Башкортостан) [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MVR3ug8sQXWT/>

4. Беларева О. А. Конфискация транспортного средства за управление им в состоянии опьянения: право или обязанность суда? // Вестник Кузбасского института. 2024. № 1 (58). С. 18-25. [Электронный ресурс] URL: [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2024/1\(58\)/18-25](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2024/1(58)/18-25).

5. Борченко, Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения : авто-реф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 — Тольятти, 2007. — 24 с.

6. Куликов, А. В. Проблемы назначения и применения конфискации имущества / А. В. Куликов, Ю. А. Хибнерс // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 39-46.

7. Мондохонов, А., Макаров, К. Конфискация транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения // Законность. — 2023. — № 11. — С. 5-7.

Об авторе:

АНДРЕЕВА Дарья Андреевна – студентка 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ФОРМ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Т.Н. Анненко

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., С.М. Арзуманова

В статье рассматриваются формы выражения народовластия в контексте принятия нового Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Автор исследует изменения, затронувшие институты непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения, а также анализирует соотношение прежней редакции Федерального закона № 131-ФЗ и нового законодательного регулирования. Особое внимание уделено трансформации перечня форм прямого народовластия. Сделан вывод о сокращении и формализации ряда демократических процедур, ранее обеспечивавших широкое участие населения в управлении муниципальными делами. Автор подчеркивает, что, несмотря на интеграцию органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, сохранение реального народовластия на местах требует активного включения граждан в процессы принятия решений и дальнейшего развития правовых механизмов непосредственной демократии.

***Ключевые слова:** народовластие, местное самоуправление, формы непосредственной демократии, публичная власть, участие граждан, муниципальная демократия*

Современное развитие российской системы публичной власти характеризуется тенденцией к институциональному переосмыслению роли местного самоуправления как уровня народовластия, наиболее приближённого к населению. С принятием в 2025 году нового Федерального закона № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» российское муниципальное право вступило в новый этап, предполагающий не только преобразование структуры органов местного самоуправления, но и концептуальное переосмысление механизмов участия граждан в решении вопросов местного значения [4]. В новом законе законодатель чётко обозначил стремление к интеграции местного уровня управления в единую систему публичной власти при сохранении его функциональной самостоятельности.

Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей правового регулирования форм выражения народовластия в новом Федеральном законе № 33-ФЗ, определении их места в системе публичной власти и оценке того, насколько принятые законодательные решения обеспечивают реальную возможность граждан участвовать в управлении делами муниципалитета [4]. Решение поставленной цели предполагает анализ соотношения прежде действовавшего и текущего законодательства, выявление тенденций в развитии муниципально-правовых институтов и формирование научных выводов о характере современного народовластия на местном уровне.

Конституция РФ в 1993 году провозгласила автономию органов местного самоуправления от органов государственной власти, невхождение их в систему органов государственной власти (ст. 12) [1]. Исходя из данной формулы можно было предположить формирование в РФ концепции свободной общины. Тем более, что в главе 8 Конституции закреплялся приоритет институтов непосредственной демократии в системе местного самоуправления. Он подтверждался конституционными нормами о самостоятельном решении населением вопросов местного значения, пользовании и распоряжении муниципальной собственностью, самостоятельном определении населением структуры органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления не подчинены органам государственной власти и не обязаны советоваться с ними при принятии решений по вопросам местного значения [6, с. 46].

Закономерным итогом законодательных изменений в направлении усиления влияния органов государственной власти на органы местного самоуправления стала поправка в статью 132 Конституции РФ о вхождении органов местного самоуправления и органов государственной власти в единую систему публичной власти Российской Федерации, что является основой для их взаимодействия в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1]. Тем самым конституционно была оформлена единая система вертикали публичной власти, являющаяся воплощением в науке муниципального права государственной концепции местного самоуправления.

Так, согласно новой ч.1.1 ст. 131 Конституции России «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом», а в соответствии с новой ч. 3 ст. 132 «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [1].

Принятие Федерального закона № 33-ФЗ знаменует собой завершение многолетней дискуссии о необходимости унификации подходов к организации местного самоуправления и согласования его принципов с общей конструкцией публичной власти [4]. Закон закрепляет новые модели соотношения между государственными и муниципальными уровнями, устанавливает дифференцированный подход к распределению полномочий, а также конкретизирует формы участия граждан в решении вопросов местного значения. При этом встаёт закономерный вопрос: не приведёт ли расширение публично-властных связей между государством и муниципалитетом к ослаблению реального содержания народовластия, и, напротив, какие правовые механизмы заложены для его укрепления.

По мнению А.Ю. Ульянова принцип народовластия предусматривает практическую реализацию в двух основных формах: прямой (непосредственной) демократии, то есть совокупности конституционно-правовых институтов, посредством которых народ самостоятельно осуществляет принадлежащую ему власть в государстве (выборы, референдум и т. д.), и представительной демократии, которая предполагает реализацию народом своей власти через выборных представителей, а также через формируемые на выборной основе государственные и муниципальные органы [9, с. 131].

А.Г. Пархоменко и Л.Б. Рейдель подчеркивают, что граждане в первую очередь представляют собой активных участников системы государственного управления на местном уровне. Они имеют возможность оказывать влияние на все аспекты жизни в муниципалитете. Для этого существуют разные формы участия населения в деятельности местного самоуправления: местные референдумы, муниципальные выборы, сходы граждан, прямые обращения в органы МС и другие [7, с. 42].

Как подчеркивает Л.А. Нудненко, с принятием Федерального Закона № в 2003 г. №131 перераспределился круг полномочий в регулировании местного самоуправления в пользу федерального центра и органов местного самоуправления, ограничив полномочия в этой сфере региональных органов государственной власти [6, с. 47].

И.В. Упоров указал, что в законе 2003 г. были введены нормы, явно показывающие начало процесса централизации местного самоуправления (соответственно уменьшения самостоятельности местного самоуправления), в частности, были жестко определены виды муниципальных образований и перечни вопросов местного значения для каждого из них, уставы муниципальных образований стали приниматься только депутатами, а не на референдуме, как раньше, и др.) [10, с. 41].

Л.А. Тхабисимова и С.М. Арзуманова отмечают, что эффективность форм выражения народовластия и реальное их значение для функционирования местной демократии определяют, в какой мере реформированная модель местного самоуправления соответствует конституционному принципу самостоятельности населения в решении вопросов местного значения [5, с. 67].

Федеральным законом от 20.03.2025 №33-ФЗ изменены порядок проведения схода граждан, опроса, публичных слушаний и общественных обсуждений, собрания граждан, внесения инициативных проектов, организации деятельности территориального общественного самоуправления, требования к старосте сельского населенного пункта. Разграничены формы непосредственной реализации населением местного самоуправления и формы участия в нем [4].

К первой группе форм непосредственной реализации населением местного самоуправления отнесены местный референдум, муниципальные выборы и сход граждан, ко второй – опрос, публичные слушания, общественные

обсуждения, собрание граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление, староста сельского населенного пункта. Сохранится возможность участия в местном самоуправлении и в иных формах, не противоречащих Конституции РФ, федеральным и региональным законам, например, конференции, когда жители делегируются на собрание для обсуждения отдельных вопросов.

Отличием является отсутствие правовой регламентации таких форм, как голосование по отзыву выборных должностных лиц и обращение граждан в органы местного самоуправления. Представляется, что в первом случае правовой пробел восполняют законы субъектов федерации, а во втором случае – Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3].

В Федеральном законе № 131-ФЗ от 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления» предусматривался широкий набор форм непосредственного волеизъявления граждан. К числу таких форм относились местный референдум (ст. 22), возможность отзыва депутатов и выборных должностных лиц через всенародное голосование (ст. 24), а также институты «сходов граждан» и «конференций граждан». Например, в малочисленных сельских поселениях сход граждан мог выполнять полномочия представительного органа местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных уставом, полномочия народного схода могли реализовываться путем созыва конференции делегатов. Закон 131-ФЗ также допускал проведение публичных слушаний и общественных обсуждений по проектам муниципальных актов (ст. 28) и реализацию законодательной инициативы граждан (правотворческую инициативу – ст. 26), а также формирование и поддержку территориального общественного самоуправления (ТОС – ст. 27 и др.), проведения опросов населения (ст. 31) и т. д. [2]. Как отмечали Тхабисимова Л.А. и Арзуманова С.М. «муниципальная консультативная демократия – это, прежде всего, необязательность результата для муниципальной власти, безотносительно обязательности проведения процедуры» [8, с.28].

Новый Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 2025 г. № 33-ФЗ существенно пересматривает этот перечень. В статье 42 Федерального закона № 33-ФЗ перечислены лишь несколько форм непосредственного местного самоуправления: местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, опрос, публичные слушания и общественные обсуждения, собрание граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление и институт старосты сельского населенного пункта [4].

Важное отличие состоит в том, что ранее действующие формы (отзыв депутата, полномочные народные сходы и конференции в новом законе не упомянуты. Так, в редакции Федерального закона 131-ФЗ был прямо предусмотрен отзыв депутата по инициативе населения через местный референдум, тогда как в Федеральном законе 33-ФЗ такая процедура

отсутствует. Аналогично, «сход граждан, осуществляющий полномочия представительного органа» (ст. 25 Федерального закона № 131-ФЗ) и «конференция граждан (собрание делегатов)» (ст. 30 Федерального закона № 131-ФЗ) фактически отменены [2].

Новый закон оставляет лишь понятие «собрание граждан» с иным смыслом – в Федеральном законе № 33-ФЗ это собрание для обсуждения местных проблем и выдвижения инициатив (например, поддержка проектов или избрание старосты), а не орган народовластия в прежнем понимании. Так, Федеральный закон № 131-ФЗ разрешал населению малых поселений самостоятельно решать вопросы местного значения на сходе при кворуме половины избирателей, тогда как Федеральный закон № 33-ФЗ предусматривает собрание граждан лишь как собрание «для обсуждения... информирования населения» без развернутых представительных полномочий. Отдельная форма «конференции граждан» в новом законе не предусмотрена [2] [4].

При этом некоторые формы остаются и даже уточняются: местный референдум (ст. 43 Федерального закона № 33-ФЗ), муниципальные выборы – (ст. 44), а также включены публичные слушания и общественные обсуждения (ст. 47 Федерального закона № 33-ФЗ), которые уже предусматривались 131-ФЗ. «Инициативные проекты» из статьи 49 нового закона по смыслу близки к институту правотворческой инициативы граждан из ранее действовавших положений Федерального закона № 131-ФЗ, но с измененной процедурой (группа жителей может внести проект при условии его поддержки на сходе либо собрании граждан). Формально же новый закон включает инициативные проекты в число форм участия населения [2] [4].

Таким образом, по федеральным нормам перечень форм непосредственного народовластия при переходе от Федерального закона № 131-ФЗ к закону № 33-ФЗ сузился. Федеральный закон 33-ФЗ сохранил традиционные институты (референдум, выборы, опросы, публичные слушания), но исключил или переработал многие локальные механизмы, характерные для Федерального закона № 131-ФЗ. Ключевыми исключениями являются отзыв выборных лиц (утрачен как самостоятельная форма) и прежние институты народных сходов и конференций (замененных на более формализованные «собрания граждан» с узкими задачами). Данные изменения отражают новую концепцию местного самоуправления, где роль прямых форм участия граждан перераспределяется и фиксируется иначе, чем в действовавшей до сих пор редакции Федерального закона № 131-ФЗ [2] [4].

Эти изменения актуализируют научный интерес к анализу форм выражения народовластия на муниципальном уровне, поскольку именно в местном самоуправлении реализуется ключевая конституционная идея — обеспечение непосредственного участия населения в управлении делами местных территорий. Народовластие как феномен представляет собой не только политико-правовой принцип, но и систему институтов и процедур, которые позволяют гражданам реализовывать своё право на управление

делами в местах проживания. В этой связи исследование конкретных правовых форм, в которых народовластие получает практическое выражение в рамках нового законодательства, становится необходимым элементом научного осмысления текущей муниципальной реформы.

В заключение следует подчеркнуть, что народовластие, несмотря на трансформацию форм и процедур, остаётся ядром местного самоуправления. Его сохранение и развитие в новых условиях требуют не только нормативного закрепления, но и подлинного включения граждан в процессы управления территориями. Лишь при таком подходе возможно достижение цели, заложенной в Конституции Российской Федерации, — осуществления власти народом как единственным её источником.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) / Российская газета. – № 237. – 25.12.93.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / СЗ РФ. – 06.10.2003. – № 40. – ст. 3822.

3. Федеральный закон от 02.05.2006 N 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» / Российская газета. – № 95. – 05.05.2006.

4. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» / СЗ РФ. – 24.03.2025. – № 12. – ст. 1200.

5. Тхабисимова, Л. А. К вопросу о проблемах осуществления непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Право и информация: вопросы теории и практики: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской империи и 30-летию образования Российской Федерации, Пятигорск, 21–23 января 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 64-69. – EDN RWOCWL.

6. Нудненко, Л. А. Местное самоуправление: концептуальные подходы к определению содержания и форм деятельности в Российской Федерации / Л. А. Нудненко, В. С. Зубкова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) : Материалы XXII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 46-54.

7. Пархоменко А. Г., Рейдель Л. Б. Формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления // Право и управление. – 2022. – №4. – С. 42–48.

8. Тхабисимова, Л. А. Современные тенденции развития консультативной демократии на муниципальном уровне / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 26-30.

9. Ульянов, А. Ю. Эффективность местного самоуправления как формы осуществления народовластия в Российской Федерации / А. Ю. Ульянов // Уральский Форум конституционалистов: Материалы Десятого Уральского Форума конституционалистов, Екатеринбург, 01–05 октября 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2025. – С. 131-139.

10. Упоров, И. В. Местное самоуправление как публично-правовая категория: нестабильность толкования и законодательного закрепления / И. В. Упоров // Юридическая гносеология. – 2025. – № 2. – С. 37-45.

Об авторе:

АННЕНКО Тимур Николаевич – магистрант 2 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция программа «Юрист в органах государственной и муниципальной власти» Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет».

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ЭКСПЕРТИЗ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.П. Корешкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина

В статье рассматривается проблематика расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, особое внимание уделяется роли современных судебных экспертиз в доказывании по данной категории дел. Подчёркивается, что высокая латентность таких преступлений, их совершение преимущественно в рамках семейных отношений и отсутствие очевидных следов существенно ограничивают возможности традиционных методов доказывания.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, половая неприкосновенность, расследование преступлений, экспертизы.*

За последние десятилетия наука и правоприменительная практика в Российской Федерации претерпели существенные изменения, обусловленные стремительным развитием технологий и постоянным совершенствованием экспертных методик. Особую значимость эти процессы приобрели в сфере расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних — деяний, отличающихся высокой социальной опасностью. В настоящее время специалисты практически едины во мнении о том, что преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних являются не совокупностью общественной опасных деяний, а массовым негативным социальным явлением, имеющим свою специфику и показатели [7, С. 79].

Специфика указанной категории преступлений, характеризующаяся высокой латентностью и ограниченным кругом очевидцев, усугубляется тем, что зачастую они совершаются в рамках семейных отношений. В подобных ситуациях традиционные доказательственные средства, не обеспечивая необходимой полноты исследования, оказываются недостаточными — именно поэтому судебные экспертизы приобретают особую роль, выступая надёжными источниками объективной, научно обоснованной информации.

Внутрисемейное сексуальное насилие над несовершеннолетними, как правило, совершается в закрытом социальном пространстве — в пределах совместного проживания ребёнка и лица, состоящего с ним в семейно-правовой связи (родителя, отчима, опекуна или иного законного представителя). При этом используемые формы насилия зачастую не сопровождаются выраженными телесными повреждениями.

Вследствие этого выявление и фиксация традиционных криминалистических следов — таких как следы рук, обуви или микроследов, — обычно не имеет существенного доказательственного значения. В связи с чем ключевая роль в доказывании по подобным делам отводится

судебно-медицинским, молекулярно-генетическим и психолого-психиатрическим экспертизам, проведение которых, согласно положениям статьи 196 УПК РФ [3], во многих случаях является обязательным.

При выявлении фактов насилия органы следствия, взаимодействуя с органами опеки и попечительства (в соответствии со статьёй 56 СК РФ [1]), обеспечивают:

- незамедлительное изъятие ребёнка из опасной среды;
- инициирование процедуры лишения или ограничения родительских прав (на основании статей 69 и 73 СК РФ);
- организацию временной опеки и реабилитационных мероприятий.

Современные экспертные методики, существенно расширяющие возможности доказывания, позволяют:

— посредством молекулярно-генетических исследований выявлять ДНК-следы даже при минимальном количестве биологического материала, а также проводить их сравнение с данными федеральных баз;

— в рамках психолого-психиатрических экспертиз применять стандартизированные тесты, обеспечивающие объективную оценку состояния потерпевшего.

Судебно-медицинская экспертиза, занимающая центральное место в системе доказывания по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, регламентируется в том числе статьёй 10 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2]. Согласно данному нормативному акту, объектами экспертного исследования выступают вещественные доказательства, образцы для сравнительного исследования и живые лица.

Решая основную задачу — установление медицинских фактов, имеющих уголовно-правовое значение, — эксперт определяет: наличие или отсутствие телесных повреждений, их локализацию, механизм образования и давность причинения, а также возможную связь выявленных повреждений с обстоятельствами, изложенными в показаниях потерпевшего.

При этом судебно-медицинская практика, учитывающая индивидуальные анатомо-физиологические особенности несовершеннолетних, исходит из принципиального положения: отсутствие телесных повреждений не исключает факта совершения сексуальных действий [6, С. 5]. Повышенная эластичность и растяжимость тканей, наблюдаемая у детей, нередко позволяет совершать подобные действия без формирования диагностически значимых травматических изменений. Данный аспект, будучи обязательным элементом оценки, учитывается при анализе заключения эксперта в совокупности с иными доказательствами по делу.

Таким образом, Судебно-медицинская экспертиза, обеспечивая получение объективных медицинских данных и формируя надёжную

доказательственную базу, позволяет всесторонне исследовать обстоятельства преступления и обосновать правовую позицию.

В случаях, когда обвинение по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних базируется преимущественно на показаниях малолетнего потерпевшего, решающее значение приобретает комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (далее - КСППЭ). Проведение данной экспертизы регулируется не только нормами уголовно-процессуального законодательства, но и положениями Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4] и Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» [5], которые закрепляют гарантии прав несовершеннолетних при проведении психиатрического и психологического обследования.

Предметом КСППЭ выступает установление способности ребёнка адекватно воспринимать обстоятельства произошедшего, осмысливать их и воспроизводить полученную информацию в форме последовательных и внутренне непротиворечивых показаний. При этом учитываются возрастные, психические и эмоциональные особенности ребенка [9, С. 372]. В ходе экспертного исследования, направленного на всесторонний анализ психического состояния несовершеннолетнего, осуществляется оценка:

- уровня интеллектуального развития, определяемого с учётом возрастных норм;
- эмоциональной устойчивости и психологической зрелости, проявляющихся в способности справляться со стрессом;
- особенностей когнитивных функций (прежде всего памяти и внимания), влияющих на восприятие и запоминание событий.

Существенное значение при этом придаётся выявлению признаков повышенной внушаемости, склонности к фантазированию либо искажению фактических обстоятельств, обусловленных воздействием внешних факторов, в том числе со стороны значимых взрослых [8, С. 361].

При этом крайне важно соблюдать границы компетенции эксперта. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, не предназначенная для подтверждения или опровержения факта совершения преступления, не подменяет собой следственные действия и не содержит юридической оценки поведения участников инкриминируемого события. Её основное назначение заключается в содействии реконструкции психологической картины произошедшего, а также в выявлении:

- индивидуальных особенностей психического состояния ребёнка, сформированных под влиянием психотравмирующей ситуации;
- факторов, способных повлиять на восприятие, сохранение и воспроизведение информации, включая возрастную незрелость и возможное внешнее воздействие.

Таким образом, КСППЭ, выступая важным инструментом объективизации доказательственной информации, позволяет органам предварительного

расследования и суду, учитывающим совокупность собранных доказательств, корректно оценить достоверность и доказательственную ценность показаний несовершеннолетнего потерпевшего. При этом выводы экспертизы, не обладающие самостоятельным решающим значением, подлежат обязательной оценке в комплексе с иными доказательствами, собранными по уголовному делу.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что расследование преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних в современных условиях невозможно без комплексного и системного использования специальных знаний. Высокая латентность данных преступлений, зачастую совершаемых в рамках семейных отношений, а также отсутствие очевидцев и выраженной следовой картины объективно ограничивают возможности традиционных средств доказывания, обуславливая тем самым особую роль судебных экспертиз.

Судебно-медицинская экспертиза, молекулярно-генетические исследования и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, взаимно дополняя друг друга, формируют научно обоснованную доказательственную базу. Эта база, позволяя восполнить пробелы в фактических данных, обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. При этом принципиально важно учитывать возрастные, анатомо-физиологические и психологические особенности несовершеннолетних, что исключает формальный подход к оценке экспертных заключений.

Существенное значение имеет и межотраслевой характер правового регулирования рассматриваемых экспертиз, включающий нормы уголовного, семейного и медицинского права. Взаимодействуя с органами опеки и попечительства, органы предварительного расследования не только собирают доказательства, но и обеспечивают применение мер семейно-правовой ответственности — таких как ограничение или лишение родительских прав. Это свидетельствует о комплексном характере защиты прав и законных интересов ребёнка.

Таким образом, современные экспертные методики, выступая не только инструментом доказывания по уголовному делу, но и важным механизмом охраны прав несовершеннолетних, пострадавших от сексуального насилия, позволяют обеспечить обоснованность процессуальных решений, повысить эффективность расследования и реализовать принцип приоритета интересов ребёнка в уголовном и семейно-правовом аспектах.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. №223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №1. Ст. 16.
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
6. Ковалев А. В. Методологические подходы к производству судебно-медицинской экспертизы состояния здоровья детей в случаях пренебрежения их нуждами / А. В. Ковалев, Ю. В. Кеменова // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. Т. 62, № 2. С. 4-10.
7. Польшиков А. В. О состоянии, тенденциях и специфике преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних / А. В. Польшиков, В. С. Прохонов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 79-84. (79)
8. Спадерова Н. Н. Актуальные вопросы проведения амбулаторных комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетним / Н. Н. Спадерова // Психическое здоровье детей страны - будущее здоровье нации : сборник материалов Всероссийской конференции по детской психиатрии и наркологии, Ярославль, 04–06 октября 2016 года. Ярославль: Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2016. С. 361-363.
9. Тимошенко Е. Н. Правовые коллизии и методологические проблемы применения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы / Е. Н. Тимошенко, Н. А. Хоменко // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения : Сборник научных статей XV Международной научно-практической конференции, Барнаул, 23–24 апреля 2025 года. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2025. С. 368-374.

Об авторе

КОРЕШКОВА Ангелина Павловна – студент 2-го курса магистратуры Юридического факультета Тверского государственного университета направления подготовки 40.04.01 «Правовые основы семьи и брака» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: koreshkova.angelina@mail.ru

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В БАНКРОТСТВЕ, ИНИЦИИРОВАННЫЕ НАЛОГОВЫМ ОРГАНОМ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.С. Курочкина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н. О.И. Юстус

В статье исследуются теоретические и практические аспекты заключения мировых соглашений в делах о банкротстве с участием Федеральной налоговой службы как уполномоченного органа. Выявлена коллизия между императивными нормами налогового законодательства, ограничивающими возможность предоставления отсрочки (рассрочки) при возбужденном деле о банкротстве, и реабилитационным потенциалом мирового соглашения как процедуры банкротства. На основе анализа судебной практики и ведомственных разъяснений ФНС России установлены фактические условия, при которых налоговый орган выражает согласие на утверждение мирового соглашения. Обосновывается вывод о формировании нового подхода ФНС России, ориентированного на поиск компромисса и сохранение экономически активных должников при обеспечении фискальных интересов государства.

***Ключевые слова:** мировое соглашение, банкротство, Федеральная налоговая служба, уполномоченный орган, обязательные платежи, рассрочка, отсрочка.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена противоречием между реабилитационной целью современных процедур банкротства и императивным характером налогового законодательства, ограничивающего участие уполномоченного органа в мировых соглашениях. В контексте экономической нестабильности и роста числа дел о несостоятельности, поиск правовых механизмов, обеспечивающих сохранение бизнеса должника при одновременной защите фискальных интересов государства, приобретает стратегическое значение.

Федеральная налоговая служба в соответствии с положениями постановлений Правительства Российской Федерации от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» [3] и от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» [4] является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим представление в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требований об уплате обязательных платежей и требований Российской Федерации по денежным обязательствам.

Мировое соглашение, в рамках процедуры банкротства, является реабилитационной мерой, направленной на достижение баланса интересов и обеспечение социальной справедливости для всех вовлеченных сторон – как кредиторов, так и должника. Основная задача этой процедуры – прекратить судебное производство, реструктурировать обязательства должника, позволяя

ему сохранить свою деятельность, и обеспечить удовлетворение требований кредиторов.

Согласно ст. 150 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [2] на любой стадии рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве должник, его конкурсные кредиторы и уполномоченные органы вправе заключить мировое соглашение.

Решение о заключении мирового соглашения принимается собранием кредиторов большинством голосов. Мировое соглашение будет считаться заключенным, если за него проголосовали все кредиторы, чьи требования обеспечены залогом. Волю конкурсных кредиторов и уполномоченных органов при подписании соглашения выражает лицо, уполномоченное собранием кредиторов, или представитель собрания кредиторов (п. 2 ст. 150 Закона о банкротстве).

Иными словами, решение о мировом соглашении принимается группой кредиторов в целом, а не каждым кредитором по отдельности. При этом, даже если какой-то кредитор был против, он все равно будет обязан соблюдать условия мирового соглашения, что может идти вразрез с тем, как он изначально договаривался.

Однако законодатель видит в принуждении меньшинства кредиторов большинством разумную меру, не противоречащую принципу справедливости, поскольку мировое соглашение, «заключаемое в деле о несостоятельности, в силу своей особой природы зачастую не предоставляет возможности принятия единогласного решения в вопросе его заключения по причине множества лиц на стороне кредитора и сложности получения согласия каждого отдельного кредитора по такому вопросу» [11].

Важной новеллой Закона о банкротстве стало участие в мировом соглашении по делу о банкротстве уполномоченных органов и распространение условий данного соглашения на обязательные платежи. В этой связи названная процедура показательна с точки зрения защиты интересов государства [9, с.123].

В силу п. 1 ст. 156 Закона о банкротстве содержание мирового соглашения должно предусматривать порядок и сроки исполнения обязательств должника, в том числе по обязательным платежам, в денежной форме.

Хотя ст. 156 Закона о банкротстве дает кредиторам возможность пересматривать условия и сроки погашения обязательных платежей по соглашению, это право не абсолютно. Критически важно, чтобы любые договоренности по урегулированию задолженности по обязательным платежам полностью соответствовали нормам налогового законодательства, не вступая с ними в противоречия.

Иными словами, специальная норма отсылает к ограничениям, установленным налоговым законодательством, фактически вводя режим легальной коллизии между целями реабилитации и принципом императивности налоговых обязательств [11, с. 8].

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) [1] существенно ограничивает возможности уполномоченного органа по заключению мирового соглашения, устанавливая лишь возможность отсрочки или рассрочки уплаты налогов и сборов на срок не более трех лет (ст. 64 НК РФ).

Следует особо выделить, что существующие правила не позволяют ФНС России самостоятельно аннулировать (списывать) основную сумму налога или освобождать налогоплательщика от его уплаты по обоюдному согласию. Любые подобные послабления возможны лишь в строго установленных законом ситуациях, например, при списании безнадежной задолженности или в рамках амнистии.

Так, суд надзорной инстанции указал, что условия мирового соглашения, касающиеся погашения задолженности по обязательным платежам, взимаемым в соответствии с законодательством о налогах и сборах, не должны противоречить требованиям законодательства о налогах и сборах [5,6].

Положения пунктов 26–27 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 [12] четко определяют, что мировые соглашения, в которых участвуют публичные органы, не могут изменять установленные законом налоговые последствия. В частности, запрещено снижать налоговые ставки, корректировать порядок начисления пеней или предоставлять освобождение от уплаты налогов за конкретные периоды или операции. Это наглядно демонстрирует, что нормативная база изначально устанавливает существенные барьеры для включения налоговых долгов в компромиссные условия мировых соглашений.

Согласно письму ФНС от 17.08.2023 № БВ-4-7/10590@ [8], налоговые органы примиряются с налогоплательщиками, в том числе в рамках банкротства, руководствуясь определенными принципами. ФНС России подчеркивает, что любые договоренности с налоговой должны соответствовать закону и позволять налоговому органу полностью выполнять свои функции. Если соглашение не соответствует НК РФ, оно может быть отменено судом или не утверждено. Это означает, что налогоплательщики не могут рассчитывать на прощение налогового долга или очень долгую рассрочку по его уплате.

Представляется обоснованной позиция В. Ф. Попондопуло, согласно которой «уравнивая конкурсных кредиторов и государство в лице уполномоченных органов как кредиторов в деле о банкротстве, нельзя предусматривать разный правовой режим требований тех и других. Недопущение скидок с обязательных платежей, по существу, ведет к утрате всякого смысла в участии уполномоченных органов в мировом соглашении и к существенному занижению значения мирового соглашения как процедуры, применяемой в деле о банкротстве» [10, с.264].

Проекты мировых соглашений подлежат направлению для согласования в Правовое управление ФНС России. В случае отсутствия согласования мировые соглашения не заключаются [7].

В контексте процедуры банкротства налоговые обязательства занимают особое положение. Законодательство устанавливает жесткие рамки: согласно подп. 6 п. 1 ст. 62 НК РФ, сам факт возбуждения производства по делу о несостоятельности является прямым основанием для отказа налогоплательщику в предоставлении рассрочки или отсрочки уплаты налогов. Эта норма подчеркивает общий принцип приоритета коллективного удовлетворения требований кредиторов в рамках конкурсного процесса.

Однако судебная практика демонстрирует, что данный запрет не является абсолютным. Налоговые органы, выступая в роли уполномоченного органа и конкурсного кредитора, все чаще проявляют гибкость, используя механизм мирового соглашения, предусмотренный главой VIII Закона о банкротстве. Это позволяет найти баланс между безусловным исполнением фискальной обязанности и реальными экономическими возможностями должника, сохраняющего признаки хозяйственной деятельности.

Яркой иллюстрацией такого подхода стало дело № А81-12276/2022 о банкротстве ООО «Ноябрьское», рассмотренное Арбитражным судом Ямало-Ненецкого автономного округа. Налоговый орган согласился на утверждение мирового соглашения, предметом которого стала задолженность по обязательным платежам на сумму свыше 1,6 млрд рублей. Условия соглашения предусматривали погашение этого долга равными ежемесячными платежами в течение трех лет. Существенной гарантией исполнения обязательств выступил залог имущества, предоставленный должником и третьим лицом, общая кадастровая стоимость которого превысила 5,3 млрд рублей [15].

Подобные случаи свидетельствуют о стратегическом изменении подхода ФНС России. Вопреки формальному запрету на отсрочку в условиях банкротства, налоговый орган на практике активно участвует в поиске компромиссных решений. Целью является не формальное взыскание, ведущее к ликвидации предприятия, а максимально возможное и реальное погашение задолженности в рамках восстановительной процедуры.

Таким образом, мировое соглашение, инициированное или поддержанное налоговым органом, становится действенным инструментом, позволяющим сохранить активность должника при обеспечении поэтапного возврата средств в бюджет.

Достижение компромисса с уполномоченным органом в рамках процедуры банкротства требует соблюдения ряда строгих условий, гарантирующих защиту публичных интересов. Анализ сложившейся арбитражной практики позволяет выделить следующие обязательные критерии, на которых ФНС России, как правило, настаивает при одобрении мирового соглашения:

1. Полное погашение зарегистрированных требований.

Проект мирового соглашения должен предусматривать полное удовлетворение всех требований налогового органа, включенных в реестр требований кредиторов. Это касается не только основной суммы недоимки, но

и всей суммы начисленных пеней и штрафов. Таким образом, соглашение не может предусматривать списание или прощение части обязательных платежей, его цель — реструктуризация долга с его окончательным погашением.

2. Начисление процентов на отсроченную сумму.

В соответствии с п. 2 ст. 156 Закона о банкротстве на сумму требований, погашение которых отсрочено по условиям соглашения, продолжают начисляться проценты. Их размер определяется ключевой ставкой Банка России, действующей на дату утверждения мирового соглашения судом. Проценты начисляются на непогашенный остаток долга в соответствии с утвержденным графиком платежей, что обеспечивает для бюджета экономический эффект, эквивалентный своевременной уплате.

3. Надлежащее обеспечение исполнения обязательств.

Крайне важным, а зачастую безусловным требованием является предоставление обеспечения исполнения должником своих обязательств по соглашению. Таким обеспечением могут выступать: залог имущества (как самого должника, так и третьего лица), поручительство или банковская гарантия.

Обеспечение должно соответствовать требованиям, предъявляемым законодательством к обеспечению обязанности по уплате налогов, и сохраняться в силе до полного погашения задолженности. Как правило, уполномоченный орган требует подтверждения достаточности и ликвидности обеспечения, для чего представляется отчет независимого оценщика о рыночной стоимости предмета залога. При этом залогодателем может выступить любое заинтересованное лицо (аффилированная компания, участник должника и т.д.), что повышает гибкость в выработке условий.

Совокупность этих условий формирует правовой механизм, который, с одной стороны, предоставляет должнику-банкроту возможность восстановить платежеспособность, а с другой — надежно защищает интересы бюджета. Наличие реального графика платежей, процентов как компенсации за отсрочку и серьезного обеспечения делает мировое соглашение с налоговым органом не актом «прощения» долга, а сбалансированным инструментом финансового оздоровления при максимальном уровне гарантий для государства.

Стоит отметить, что в апреле 2022 года ФНС России на базе Межрегиональной инспекции по управлению долгом была запущена Площадка реструктуризации долга. Ее цель – создать благоприятную среду для должников и кредиторов, чтобы они могли найти общие решения для урегулирования долгов любого характера. ФНС России активно содействует этому процессу, в том числе организуя совместные встречи с участием представителей центрального аппарата ФНС, региональных налоговых органов, должников и их кредиторов [17, 18].

Из официальных данных следует, что по состоянию на начало 2025 года с помощью этой площадки заключено мировых соглашений на 322,1 млрд рублей [16].

Анализ проблем, связанных с заключением мировых соглашений при участии ФНС России выявляет их системный характер и многомерность.

С одной стороны, мы сталкиваемся с противоречием между стремлением законодательства о банкротстве к восстановлению платежеспособности и жесткими, императивными нормами налогового права. Приоритет НК РФ по вопросу заключения мировых соглашений с должником фактически лишает собрание кредиторов возможности принимать компромиссные решения, поскольку суды отклоняют любые условия, выходящие за рамки ст. 64 НК РФ, даже если они экономически выгодны.

С другой стороны, судебная практика, особенно после знакового определения ВС РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601 [14], окончательно утвердила формальный подход, требуя буквального соблюдения сроков рассрочки/отсрочки и игнорируя экономическую логику реструктуризации. В результате мировое соглашение, призванное быть гибким инструментом в банкротстве, теряет свою восстановительную функцию именно в тех случаях, когда участие публичного кредитора является критически важным.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» // СЗ РФ. 2004. № 23. Ст. 2310.
4. Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3961.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», п. 5 и 6 ст. 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2002 № 228-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Калле Налос Трейдинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 120 и пунктом 3 статьи 122 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 2.
7. Письмо ФНС России от 02.10.2013 № СА-4-7/17648 «О практике заключения мировых соглашений налоговыми органами с налогоплательщиками в судах» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153068/ (дата обращения: 29.01.2026).

8. Письмо ФНС России от 17.08.2023 N БВ-4-7/10590@ «Об основных принципах урегулирования споров (мировых соглашений)» // «Официальные документы». № 32. 29.08-04.09.2023.

9. Добриев Р. З. Проблемы заключения мирового соглашения в рамках дел о банкротстве с участием уполномоченного органа ФНС РФ // Вестник науки. 2019. №5 (14). С. 122 - 127

10. Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2013. 432 С.

11. Семушкин Р. А. Мировое соглашение в деле о банкротстве с участием налогового органа: правовые проблемы заключения, утверждения и реализации / Р. А. Семушкин, И. В. Фролов // Отечественная юриспруденция. 2025. № 2(55). С. 8–14.

12. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // «Вестник экономического правосудия РФ», № 9. сентябрь 2014.

13. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 сентября 2006 г. № 4868/06 по делу № А19-14259/05-44-40 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12. С. 155.

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.05.2019 № 305-ЭС18-25601 по делу № А40-150430/2014 // КАД Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A40-150430%2F2014> (Дата обращения: 29.01.2026).

15. Определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.09.2023 г. по делу № А81-12276/2022 // КАД Арбитр. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f254181d-03a8-410d-a0fe-7723b51dedf4> (Дата обращения: 29.01.2026).

16. Открылось новое региональное представительство Площадки реструктуризации долга // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15531829/ (дата обращения: 29.01.2026).

17. Площадка реструктуризации долга // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/recrut_dolg/ (дата обращения: 28.01.2026).

18. Через какие площадки налогоплательщики могут урегулировать свою задолженность // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/13984095/ (дата обращения: 29.01.2026).

Об авторе:

КУРОЧКИНА Валерия Сергеевна – студентка 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПРЕДНАМЕРЕННОЕ И ФИКТИВНОЕ БАНКРОТСТВО: АНАЛИЗ СОСТАВОВ И ПОРЯДОК ВЫЯВЛЕНИЯ

И.И. Новик

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

Исследование посвящено комплексному межотраслевому правовому анализу составов преступлений, предусмотренных статьями 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе исследуются объективные и субъективные признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, с опорой на актуальную судебную практику. Особое внимание уделяется регламентированному порядку выявления признаков данных преступлений. Центральное место в исследовании занимают проблемы разграничения составов преднамеренного и фиктивного банкротства, доказывания прямого умысла и установления виновного лица.

***Ключевые слова:** преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, состав преступления, арбитражный управляющий, контролирующее должника лицо, прямой умысел, крупный ущерб, несостоятельность (банкротство).*

Согласно статистическому анализу, проведенному специалистами Федресурса, в 2024 г. количество дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц составляет 8 570, физических лиц – 431 942 дел [7]. В 2025 г. показатели составляют 3 208 дел о банкротстве юридических лиц и 259 810 дел о банкротстве физических лиц [8]. Несмотря на уменьшение рассматриваемых дел о несостоятельности, количество их по-прежнему остается колоссальным.

Учитывая, что согласно официальной позиции высших государственных органов Российской Федерации, экономика в стране, несмотря на наличие санкций со стороны недружественных государств, остается сильной и независимой, экономический кризис отсутствует, а количество приговоров по исследуемым составам составляет единицы, следует принять во внимание, что при таких обстоятельствах столь значительное количество дел о банкротстве вызывает разумные и обоснованные сомнения в легальности действий и (или) бездействия юридических и физических лиц.

Вопросы преднамеренного и фиктивного банкротства не являются для научного сообщества приоритетными, однако встречаются в работах ученых. Вместе с тем, отдельного внимания проблемы данных составов не удостоились.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) преднамеренным банкротством признается совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб [2].

Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 196 УК РФ) предусматривает то же деяние, однако совершенное, а) лицом с использованием своего служебного положения или контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Объективная сторона данного преступления характеризуется: а) деянием (действием или бездействием), повлекшим неспособность должника удовлетворить имущественные требования кредиторов; б) причинением крупного ущерба кредиторам; в) причинно-следственной связью между деянием и последствием.

Субъект преступления прямо не указан в ч. 1 ст. 196 УК РФ, но указан в ч. 2 названной статьи. Вместе с тем следует учитывать, что субъектом преднамеренного банкротства в любом случае, в силу ст. 19 УК РФ, является физическое лицо. Комплексное толкование ст. ст. 19, 196 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что субъектом преднамеренного банкротства в случае банкротства гражданина будет сам гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, банкротства юридического лица – физическое лицо, которое, по смыслу гражданского законодательства, является лицом, имеющим, в силу своего служебного или должностного положения, определенные полномочия для руководства операционной и финансово-хозяйственной деятельностью должника и распоряжения ею, либо контролирующим должника лицом.

Из изложенного следует вывод о том, что в случае преднамеренного банкротства юридического лица, состав ст. 196 УК РФ будет всегда квалифицированным.

Субъективная сторона преднамеренного банкротства характеризуется прямым умыслом, который состоит в объявлении лица несостоятельным (банкротом).

Далее, в соответствии со ст. 197 УК РФ, фиктивным банкротством признается заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Объективная сторона преступления выражается в: а) деянии, суть которого в том, что руководитель, учредитель (участник), гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, зная о своей финансовой состоятельности, тем не менее публично объявляют себя банкротом; б) причинением крупного ущерба кредиторам в) причинно-следственной связью между деянием и последствием.

Субъект преступления прямо определен в гипотезе статьи.

Субъективная сторона выражена прямым умыслом, который состоит в заведомо ложном объявлении банкротства. При этом следует учитывать, что целью такого деяния является недобросовестное и безосновательное желани

списания кредиторской задолженности при наличии средств для ее погашения.

Следует констатировать, что в настоящее время и при действующем правовом регулировании состав мертв. Обусловлен данный тезис тем, что действующее законодательство о банкротстве не предусматривает легальную форму публичного объявления должника о своей несостоятельности. Такое объявление в силу ст. ст. 25, 65 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], а также ст. 6 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» может сделать только суд [3]. Поэтому действия лица, которое публично объявляет о своей несостоятельности не могут быть квалифицированы как фиктивное банкротство, ввиду, прежде всего, отсутствия в законе механизма публичного объявления о несостоятельности.

Более того, попытка заведомо ложного объявления лица банкротом с наибольшей долей вероятности будет пресечена судом при проверке обоснованности заявления о признании лица банкротом.

Из изложенного следует констатировать, что преднамеренно и фиктивное банкротство имеют общий признак объективной стороны – крупный ущерб.

Для целей квалификации деяния по ст. 196 или ст. 197 УК РФ размер крупного ущерба определен в ч. 2 ст. 170.2 УК РФ, согласно которой крупным ущербом признается ущерб в сумме, превышающей три миллиона пятьсот тысяч рублей, а особо крупным - тринадцать миллионов пятьсот тысяч рублей. Ранее размер крупного ущерба составлял меньшую сумму, поправки были внесены в 2024 г. Федеральным законом от 06.04.2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [4].

Переходя к вопросу о порядке выявления преднамеренного и фиктивного банкротства, следует констатировать, что выявление признаков названных преступлений – компетенция прежде всего арбитражного управляющего. Нужно отметить, что это не просто компетенция, а установленная ст. 20.3 Закона о банкротстве обязанность.

Порядок выявления исследуемых преступлений установлен Постановлением Правительства РФ от 27.12.2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» [5].

Цитирование положений указанного Постановления не представляется разумным. Резюмируя изложенное в нем содержание, преднамеренное банкротство осуществляется в 2 этапа: 1 этап – анализ коэффициентов (текущей, абсолютной ликвидности, обеспеченности предприятия основными средствами и так далее), 2 этап – соответствие сделок должника и действий (бездействия) закону, выявление сделок должника, заключенных или исполненных на условиях, не соответствующих рыночным условиям, послуживших причиной возникновения или увеличения

неплатежеспособности и причинивших реальный ущерб должнику в денежной форме.

Согласно п. 9 вышеуказанного постановления к сделкам, на условиях, не соответствующих рыночным условиям, относятся: а) сделки по отчуждению имущества должника, не являющиеся сделками купли-продажи, направленные на замещение имущества должника менее ликвидным; б) сделки купли-продажи, осуществляемые с имуществом должника, заключенные на заведомо невыгодных для должника условиях, а также осуществляемые с имуществом, без которого невозможна основная деятельность должника; в) сделки, связанные с возникновением обязательств должника, не обеспеченные имуществом, а также влекущие за собой приобретение неликвидного имущества; г) сделки по замене одних обязательств другими, заключенные на заведомо невыгодных условиях. При этом заведомо невыгодные условия сделки, заключенной должником, могут касаться, в частности, цены имущества, работ и услуг, вида и срока платежа по сделке.

Обобщив изложенное, арбитражным управляющим выявляются сделки с неравноценным встречным исполнением, сделки, в результате совершения которых уменьшились активы должника, их ликвидность, безвозмездные сделки.

По результатам составления заключения о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного банкротства арбитражный управляющий формирует вывод о наличии или отсутствии признаков преднамеренного банкротства, либо же о невозможности проведения проверки признаков преднамеренного банкротства ввиду отсутствия необходимой документации.

Резюмируя, к признакам преднамеренного банкротства следует отнести: а) ухудшение показателей коэффициентов, характеризующих платежеспособность должника; б) несоответствие совершенных сделок закону; в) несоответствие действий (бездействия) закону; г) совершение сделок, заключенных или уже исполненных, рыночным условиям (неравноценное встречное исполнение).

Вместе с тем, следует отметить, что при проведении проверки наличия (отсутствия) признаков преднамеренного банкротства физического лица анализ коэффициентов невозможен, так как ведение должником - физическим лицом бухгалтерской документации, на основе которой и производится расчет необходимых коэффициентов, законом не предусмотрено. В случае банкротства физического лица для проверки признаков преднамеренного банкротства исследуются только его сделки.

Так или иначе, фиктивное банкротство, в редакции действующего УК РФ, является преступлением, хотя и таким, которое совершить невозможно. В этой связи арбитражным управляющим, путем анализа значений и динамики коэффициентов деятельности, проводится проверка наличия или отсутствия признаков фиктивного банкротства. Иными словами, анализируется наличие

признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества должника.

Как ранее указано, анализ коэффициентов деятельности должника – физического лица невозможен. В этой связи в таких случаях при проверке наличия или отсутствия признаков фиктивного банкротства арбитражным управляющим исследуется наличие у должника имущества для погашения требований кредиторов.

Даже в случае установления признаков фиктивного банкротства, привлечение лица к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 197 УК РФ – невозможно ввиду очевидного отсутствия обязательного признака объективной стороны преступления (публичное объявление о несостоятельности).

Из изложенного следует, что основным признаком фиктивного банкротства – наличие у должника признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества.

Основным отличием исследуемых преступлений является наличие сделок, действия (бездействия), не соответствующих закону, сделки, в результате совершения которых уменьшились активы должника.

В названном отличии кроется основная проблема разграничения преднамеренного и фиктивного банкротства. В отсутствие полного перечня документов, позволяющих провести анализ деятельности должника, невозможно достоверно определить признаки того или иного состава, особенно, в отсутствии полной информации о сделках.

Преодолевается эта проблема путем направления запросов контрагентам по сделкам, истребованием первичной документации у руководителя должника, непосредственно должника.

Наиболее интересной нам представляется проблема определения виновного лица для инкриминирования ему преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 196 УК РФ (по сути преднамеренное банкротство юридического лица).

Формально субъектом преднамеренного банкротства является руководитель должника – юридического лица. Полагаем, что такой подход устарел и не отражает реалий современного предпринимательства.

Статьей 61.10 определен обширный круг контролирующих должника лиц, статус которых определяется вплоть до зависимости от наличия родственных отношений, наличия полномочий, должности и так далее.

Учитывая изложенное, сложилась ситуация, при которой зачастую единоличный исполнительный орган должника является лишь номинальной фигурой, исполняющей волю реальных собственников (бенефициаров), которые формально могут не занимать никаких должностей в организации. Их указания могут отдаваться в устной, неформальной форме, что исключает возможность обнаружения прямых письменных распоряжений о выводе активов. Таким образом, возникает «фигура умолчания» – лицо, обладающее реальными распорядительными полномочиями, но остающееся в тени для правоохранительных органов.

Далее, например, решение о совершении крупной сделки, приведшей к банкротству, может быть принято советом директоров или общим собранием участников. В этом случае возникает вопрос о распределении ответственности. Можно ли привлекать к уголовной ответственности всех членов коллегиального органа, голосовавших «за»? Для этого необходимо доказать не только сам факт голосования, но и наличие у каждого из них прямого умысла на доведение предприятия до банкротства, что, как мы полагаем, достоверно сделать невозможно.

В данном ключе следует вновь отметить, что ключевой элемент составов рассматриваемых преступлений – прямой умысел. Необходимо доказать, что виновное лицо осознавало неизбежность наступления неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества в результате его действий (бездействия) и желало этого.

При расследовании преднамеренного банкротства необходимо доказать наличие криминообразующей цели, т.е. факта того, что при заключении сделок (совершении экономически значимых действий) лицо заведомо знало об их невыгодности и совершало их умышленно с целью доведения юридического лица до банкротства. Если руководитель юридического лица преследовал при этом корыстную цель, желая получить материальную выгоду для себя или других лиц за счет похищенного имущества, такие действия будут квалифицироваться как растрата по ст. 160 УК РФ (поскольку цель хищения не охватывается ст. 196 УК РФ) [6].

Помимо прочего, любой защитник, действующих в интересах обвиняемого, будет строить защиту на тезисе об обычной предпринимательской неудаче, просчете, некомпетентности, риске или, в крайнем случае, о неосторожности (что не образует состава преднамеренного банкротства). Действия, приведшие к банкротству, будут представлены как разумные в той ситуации, в которой находилось предприятие. Например, вывод активов может быть обоснован необходимостью реструктуризации бизнеса или погашения долгов перед кредиторами.

Следует учесть также то, что законодатель указывает на специальную цель как преднамеренного, так и фиктивного банкротства – причинение крупного ущерба кредиторам. Однако на практике мотивом прежде всего является личное обогащение виновных лиц. Банкротство в таком случае – лишь последствие, а не сама цель.

На основании изложенного следует сделать вывод о том, что с точки зрения доказывания преднамеренное и фиктивное (исключительно теоретически) банкротство доказать так, как того требуют принципы уголовного и уголовно-процессуального права, практически невозможно, особенно в отсутствие явки с повинной обвиняемого лица. При этом достоверно установить виновное лицо также не представляется возможным.

Учитывая приведенные пояснения, становится ясной позиция правоприменителя о квалификации действий того или иного лица, как-либо

связанного с должником, находящимся в процедуре банкротства, по ст. 159 УК РФ.

Говоря о судебной практике рассмотрения исследуемых преступлений, следует вновь отметить, что количество вынесенных приговоров стремится к, однако и не равно нулю.

Например, приговором Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 07.07.2023 г. по делу № 01-0127/2023 [9], оставленным без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 28.03.2024 г. № 10-562/2024, кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2024 г. по делу № 77-3103/2024 гражданин (должник) осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 196 УК РФ.

Судом установлено, что должник заключил договор займа, не исполнял обязательств по возврату суммы займа, в период до возбуждения производства по делу о банкротстве с использованием различных правовых механизмов отчуждал принадлежащее ему имущества во избежание возможности обращения взыскания на имущество. Далее, должник был признан несостоятельным (банкротом), некоторые совершенные им сделки признаны недействительными.

Судом исследованы доказательства, в числе которых, показания финансового управляющего должника, установившего признаков преднамеренного банкротства, заключение о наличии (отсутствии) признаков преднамеренного и фиктивного банкротства.

Проанализировав обстоятельства дела, представленные по делу доказательства, совершенные должником сделки и их судьбу, цель совершения, суд пришел к выводу о наличии в действиях гражданина (должника), состава преднамеренного банкротства.

Несмотря на то, что суды апелляционной и кассационной инстанции оставили без изменения приговор суда первой инстанции, мы относимся критически к позиции судов.

Так, установлено и не единожды продекларировано судами, что гражданин действовал с целью причинения вреда кредиторам, то есть не с целью довести себя до банкротства и причинить вред, а только лишь с целью причинения вреда, что исключает возможность квалификации его действий, с теоретической точки зрения, по ч. 1 ст. 196 УК РФ.

При этом, учитывая обстоятельства дела, имелись все основания для квалификации действий гражданина по ст. 195 УК РФ (Неправомерные действия при банкротстве).

Анализ иных судебных актов также показывает, что суды не устанавливают прямого умысла, состоявшего в намерении довести лицо до банкротства, ограничиваясь часто формальным выводом о том, что в результате совершенных действий лицо было признано банкротом. Как верно указано нами ранее, банкротство – лишь следствие иного, прежде всего имущественного интереса лица, совершившего деяние.

Подводя итог настоящего исследования, следует сказать о том, что преднамеренное и фиктивное банкротство, а точнее взгляды законодателя и правоприменителя на данные составы через призму их уголовно-правовой характеристики оставляют желать лучшего. Составы не соответствуют действующим российским реалиям, в частности, особенностям осуществления предпринимательской деятельности. Статьи 196, 197 УК РФ существуют безвязно с иными отраслями российского права, что, с учетом специфики указанных в них преступлений, реальной сложности и межотраслевой комплексности дел, не может считаться допустимым, о чем свидетельствует немалое количество вышеуказанных проблем.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СЗ РФ. 1994, № 32. Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
4. Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // 2024. № 15. Ст. 1972.
5. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5519.
6. Корчагина М.А., Саушкин Д.В., Шульгина Д.Д. Права и обязанности предпринимателя при взаимоотношениях с правоохранительными органами: закон и практика. // Редакция «Российской газеты». 2019. № 19. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Банкротства в России: 4 кв. 2024 и 2024 год. Федресурс. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/24a1287d-3595-44c3-9c83-5c3b9ab4b1df>. (дата обращения: 15.10.2025).
8. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса Итоги I полугодия 2025 года. Федресурс. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/26005c7d-3cca-4cfe-b989-99e86a9c5c31> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 07.07.2023 г. по делу № 01-0127/2023. [Электронный ресурс] URL: <https://mosgorsud.ru/rs/dorogomilovskij/services/cases/criminal/details/288d8610-c799-11ec-a7f0-3fda2b07c081?caseNumber=01-0127/2023> (дата обращения: 15.10.2025).

Об авторе:

НОВИК Илья Иванович – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАРУШЕНИИ РЕЖИМА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Д.А. Розова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье анализируются особенности субъективных признаков состава преступления при нарушении режима особо охраняемых природных территорий. Также выявление связанные с ними проблемы квалификации. В статье отмечены пробелы действующего законодательства и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории; правовой режим особо охраняемых природных территорий; субъективные признаки состава преступления

Деятельность государства по организации и развитию особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ) достигла нового уровня развития, в том числе благодаря реализации национального проекта «Экология», в частности Федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», целью которого является активное развитие института ООПТ путем как образования новых территорий, так и совершенствования устройства уже существующих. В 2025 г. на смену данному национальному проекту пришел новый национальный проект «Экологическое благополучие», в рамках которого планируется продолжение работы по использованию потенциала ООПТ в целях развития экологического туризма.

Приблизиться к достижению вышеуказанных целей наиболее эффективно позволяет создание и обеспечение надлежащего режима ООПТ, которые образуют основу сохранения природно-антропогенного равновесия и стабилизации экологической обстановке в Российской Федерации.

Уголовно-правовая охрана режима ООПТ в России осуществляется, в первую очередь, посредством ст. 262 Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно данной статьи, нарушение режима ООПТ может повлечь за собой следующие санкции: штрафом в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до двух лет [1].

Однако правоприменительная практика по данной статье сталкивается с существенными сложностями, большая часть которых связана с доказыванием субъективных признаков состава преступления. Установление вины, определение формы и вида умысла, разграничение умысла и неосторожности – все эти вопросы требуют тщательного теоретического и практического анализа.

Нарушение режима охраны ООПТ может выражаться в незаконном проведении работ, строительстве, движении транспорта, в уничтожении, разрушении, повреждении или иной порче природных объектов, незаконном пользовании природными ресурсами, загрязнении и ином негативном воздействии, несанкционированном посещении, создании фактора беспокойства птиц и зверей (например, шум, пролет на самолете ниже установленной высоты) и т.д.

Признание ущерба значительным зависит от категории ООПТ, их экономической и социальной (исторической, культурной, научной, медицинской и т.д.) значимости; тяжести причиненного вреда; способности природного ресурса к самовосстановлению; стоимости истребленных, поврежденных компонентов природной среды, исчисленной по соответствующим методикам и таксам. Окончено преступление с момента причинения значительного ущерба.

На сегодняшний день не до конца понятно, что именно следует понимать под значительным ущербом ООПТ. Для определения значительности ущерба влияют многие факторы, которые необходимо учитывать, и они могут меняться в каждом случае выявленного деяния. Нет единообразных требований оценочным признакам. Для решения данной проблемы необходимо к статье 262 УК РФ ввести примечание, где определить конкретные признаки оценки значительности ущерба ООПТ.

Для квалификации содеянного как преступления необходимо установить, что подвергшийся посягательству объект взят под особую охрану государства, поскольку в принципе охране подлежат все элементы природной среды: земля, воздух, животный и растительный мир, недра и т. д.

Если нарушение режима особо охраняемой территории выразилось в загрязнении вод заповедника или заказника (статья 250 УК РФ), незаконной добыче водных животных и растений (статья 256 УК РФ), незаконной охоте (статья 258 УК РФ), незаконной добыче и обороте особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов и других преступлениях, где ООПТ как место преступления предусмотрены в качестве обязательного признака состава преступления, квалифицировать содеянное следует по этим статьям УК РФ. Однако, если такие деяния повлекли причинение значительного ущерба ООПТ как целостной экосистеме, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных статьями 250, 256, 258, 258.1, 262 и другими статьями УК РФ [2, ст. 29].

Межрайонными природоохранными прокурорами в каждом случае при проведении проверок в целях установления вреда, причиненного непосредственно ООПТ, привлекаются соответствующие специалисты и эксперты, которые дают оценку ущербу, причиненному ООПТ. В качестве специалистов, на стадии направления материалов возможно привлечение уполномоченных лиц органов контроля (надзора), в зависимости от значения ООПТ (регионального или федерального), а также специалистов в различных областях, в зависимости от того, каким природным объектам причинен вред.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ, является общим. Это означает, что ответственности подлежит вменяемое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления шестнадцатилетнего возраста [4, с. 565].

Хотя состав является формально общим, проанализировав судебную практику, можно сделать вывод, что круг возможных субъектов чрезвычайно широк и разнороден.

С субъективной стороны нарушение режима ООПТ характеризуется умыслом или неосторожностью. При неосторожной форме вины виновный не предвидел возможности наступления последствий в виде причинения значительного ущерба ООПТ и природным объектам, однако при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

При совершении умышленных действий виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействий), направленных на нарушение экологического законодательства, предвидел, что в результате его действий (бездействий) могут наступить последствия в виде значительного ущерба особо охраняемым природным территориям и природным объектам, и желал наступления этих последствий, либо сознательно допускал их наступление, либо относился безразлично к их наступлению.

Местом совершения данного преступления могут быть территории и объекты, находящиеся под особой охраной государства: государственные природные заповедники, в том числе биосферные; национальные парки; природные парки; государственные природные заказники; памятники природы; дендрологические парки и ботанические сады [5, с. 96].

Статья 262 УК РФ предусматривает как умышленную, так и неосторожную форму вины. Умысел (прямой или косвенный) имеет место, когда лицо осознаёт, что он находится непосредственно на ООПТ, а также нарушает установленный на её территории режим, тем самым причиняет или может причинить существенный вред.

Неосторожность, которую можно охарактеризовать как легкомыслие или небрежность, проявляется при неверной оценке своих действий и масштаба их последствий, недостаточном внимании к предупреждающим знакам о том, что субъект находится на территории ООПТ, которые по общим правилам находятся на территории каждого такого объекта.

Стоит также обратить внимание на интеллектуальный и волевой моменты умысла. Интеллектуальный момент включает осознание фактического нахождения на ООПТ, осознание запретности действия, представление о возможных последствиях. Волевой момент представляет собой желание причинить вред природе, согласие с причинением вреда.

Основная практическая проблема субъективной стороны состава преступления при нарушении режима ООПТ: как доказать, что лицо знало, что находится на ООПТ. В сформировавшейся судебной практике по ст. 262 УК РФ, зачастую виновный утверждает, что не знал о нахождении на территории

ООПТ. Суды обычно исходят из следующего: факт обозначения границ ООПТ табличками является доказательством возможности осознания нарушения. Незнание о нахождении на ООПТ исключает умысел, но не исключает неосторожность [6].

Так, Приговором Бахчисарайского районного суда Республики Крым от 01 июля 2024 года Д. осужден по ст. 262 УК РФ в связи с незаконной рубкой деревьев на ООПТ. В кассационной жалобе осужденный Д., выражает несогласие с приговором и апелляционным определением, считая их незаконными. Отмечает, что он не знал о том, что находится на ООПТ, поскольку данный лес находится рядом с местом его проживания, имеет свободный проезд для автотранспорта и не имеет каких-либо знаков, предупреждающих о его охране и статусе. Обращает внимание, что он спилил только те деревья, которые мешали ему вытащить его автомобиль, съехавший с дороги, при этом спиленные деревья он оставил на месте. Четвертый кассационный суд общей юрисдикции установил, что квалификация действий осужденного Д. по каждому из совершенных им преступлений, является правильной, соответствует фактическим обстоятельствам дела, установленным судом. Ссылка осужденного на причину, по которой он произвел рубку деревьев, не является основанием для освобождения его от уголовной ответственности [7].

Юридически незнание режима территории не освобождает от ответственности. Предполагается, что граждане и организации обязаны сами проявлять должную осмотрительность и узнавать о правовом статусе территории, на которой планируют осуществлять деятельность. Фактически, отсутствие информации может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии вины, в частности, умысла. Если территория не обозначена на местности аншлагами, информационными щитами, ее границы не ясны, а в открытых источниках нет доступной информации, то у лица может отсутствовать осознание общественной опасности своих действий. В таком случае, если будет причинен значительный ущерб, деяние может быть переквалифицировано на состав, предусматривающий неосторожную форму вины, либо вопрос может быть решен в рамках административной ответственности [3].

Анализ субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 262 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, нарушение режима ООПТ характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины. Умысел (прямой или косвенный) имеет место, когда лицо осознает противоправность своих действий и предвидит возможность причинения значительного ущерба. Неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) проявляется при недостаточной оценке последствий своих действий или игнорировании установленных запретов. Отсутствие доказательств, подтверждающих, что лицо знало о статусе территории, не исключает уголовную ответственность, но может повлиять на форму вины.

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации «Pravo.gov.ru». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 20.01.2026).
2. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.08.2025 № 7-18-2025 О направлении для использования в работе Методических рекомендаций "Прокурорский надзор за исполнением законов об особо охраняемых природных территориях".
3. Бердинских С. В. О типичных нарушениях законодательства в сфере использования и охраны особо охраняемых природных территорий // Актуальные проблемы российского права. 2021. №5 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tipichnyh-narusheniyah-zakonodatelstva-v-sfere-ispolzovaniya-i-ohrany-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriy> (дата обращения 20.01.2026)
4. Голубовский В.Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник, Проспект, 2020. 736 с. URL: <https://urait.ru/bcode/559608/p.172> (дата обращения 20.01.2026)
5. Коряковцев В.В., Питулько К.В. Квалификация экологических преступлений: учебное пособие, КноРус, 2025, 142 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kvalifikaciya_ekologicheskikh_prestuplenij_uchebnoe_posobie_kv_pitulko_vv_koryakovcev/ (дата обращения 20.01.2026)
6. Рохлин В. И., Мечетин Ю. А. Особенности субъективных признаков состава преступления при нарушении режима особо охраняемых территорий и природных объектов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №3 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-subektivnyh-priznakov-sostava-prestupleniya-pri-narushenii-rezhima-osobo-ohranyaemyh-territoriy-i-prirodnih-obektov> (дата обращения 20.01.2026)
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2025 № 77-125/2025 // СПС «КонсультантПлюс» URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=205676&cacheid=9512C51FE6764B4BC8F68C0F16D62AD6&mode=splus&rnd=IlkRZ3VvErbJJ9g5#KDISZ3V27nw4Bywl4>

Об авторе:

РОЗОВА Дарья Александровна – студент 1 курса юридического факультета направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция.

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

М.Ю. Соловьёва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье рассмотрены особенности мер уголовно-правового характера, предусматривающих ответственность за неправомерный оборот средств платежей. Целью исследования является анализ уголовно-правовых механизмов, направленных на противодействие неправомерного оборота средств платежей. Актуальность темы обусловлена принятием 24 июня 2025 года Федерального закона № 176-ФЗ, вводящий меры уголовной ответственности для лиц, содействующих мошенникам в выводе похищенных денежных средств. В результате автор приходит к выводу о том, что статья 187 УК РФ с учетом нововведений отвечает необходимости ограничения преступников в возможностях обналаживания похищенных денежных средств, но при этом также требует дополнительного нормативного регулирования и доработки.

Ключевые слова: экономическая деятельность, средства платежа, дроптерство, дроптеры, дроповод

На современном этапе развития российской экономики происходит широкое внедрение электронных банковских технологий и цифровизация всех сфер деятельности российских финансовых организаций, в результате чего по всей стране активно развивается безналичный оборот денежных средств. Увеличение числа электронных банковских операций среди населения привело к росту посягательств на общественные отношения, обеспечивающие установленный законом порядок оборота средств платежей. В связи с чем возрастает необходимость обеспечения безопасности и стабильной работы национальной платежной системы, что достигается принятием государственных мер, направленных на предотвращение противоправных посягательств на общественные отношения в сфере экономической деятельности, в частности, связанных с оборотом средств платежей.

Уголовная ответственность за неправомерный оборот средств платежей предусмотрена статьей 187 УК РФ. Объектом посягательства данного преступления выступают общественные отношения, призванные регулировать деятельность кредитно-финансовых учреждений, связанных с эмиссией и оборотом платежных карт и иных средств платежей.

Тенденции непрерывного роста числа безналичных платежей, а также необходимость адаптации уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану законного денежного оборота, современному уровню развития технологической финансовой инфраструктуры стали причиной принятия в 2015 году Федерального закона от 08.06.2015 № 153-ФЗ, который значительно расширил перечень предусмотренных законодателем предметов преступления, а также объединил данные предметы в общее понятие «средства платежа».

Ранее к предмету преступления относились поддельные кредитные либо расчетные карты, а также иные документы, не являющиеся ценными бумагами. С момента вступления в законную силу Федерального закона № 153-ФЗ в качестве предмета рассматривают поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты, а также электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Однако несмотря на наличие легального закрепления понятий «электронное средство», «электронное средство платежа» (определения были введены в качестве примечаний к статье Федеральным законом № 176-ФЗ) на практике возникают сложности с определением конкретного перечня средств, средств платежей, которые можно назвать «электронными», равно как и электронными носителям информации, техническими устройствам и компьютерными программами.

В отношении технических устройств и компьютерных программ в сообществе ученых сформировалось устойчивое мнение, что к ним стоит относить «эмбоссеры, энкодеры, оборудование для изготовления пластиковых заготовок и ламинирования карт, вирусные программы и тому подобное» [2, с. 121].

Анализ судебной практики позволяет установить относительно единообразный подход в отнесении конкретных предметов к электронным носителям информации, электронным средствам применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 187 УК РФ. Так, в качестве электронных средств зачастую выступают: банковская карта [13]; электронно-цифровая подпись [11]; одноразовые СМС-пароли, позволяющие идентифицировать клиента посредством сети Интернет и удаленно управлять расчетными счетами организации [10]; логин и одноразовый пароль в виде СМС-сообщения [8]; абонентский номер мобильного телефона, на который приходят СМС-сообщения [6]; ключи электронных подписей; уникальный код подтверждения в системе дистанционного банковского обслуживания [7]. В качестве электронного носителя информации в большинстве случаев рассматривается USB-токен, на котором содержатся сведения – логин и пароль для осуществления платежных действий [9]. В определенных случаях суды относят к электронным носителям информации банковские карты [7] и одноразовые СМС-пароли, являющиеся аналогом собственной подписи, для доступа к электронным носителям информации электронной системы [12], однако подобные решения встречаются редко.

Объективную сторону анализируемого правонарушения образуют действия, заключающиеся в изготовлении, приобретении, хранении, транспортировке в целях использования или сбыта, а также в сбыте как различных средств платежа, так и иных электронных устройств, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, за исключением указанных в ст. 186 УК РФ

случаев. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 29.10.2024 г. по делу № 77-4323/2024 пришел к обоснованному выводу о том, что объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 187 УК, образуют не только изготовление с целью сбыта или сбыт поддельных кредитных или расчетных карт и иных платежных документов, но и аналогичные действия, связанные со сбытом легальных электронных средств, электронных носителей информации и средств платежа, которые изначально, при их изготовлении, были предназначены для осуществления неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств [3]. В определении от 03.04.2025 г. по делу № 66-УДП25-11-К8 [5], Верховный суд РФ согласился с выводами Восьмого кассационного суда общей юрисдикции.

Преступление считается оконченным с того момента, как лицо изготовило хотя бы одну карту или платежный документ, независимо от того, удалось ли осуществить их сбыт или нет, то есть наступление общественно опасных последствий в отношении анализируемого состава преступления необязательно.

Рост доли безналичных платежей в товарном обороте повлиял на необходимость усиления уголовной ответственности за преступления, совершаемые с использованием банковских технологий. Именно поэтому законодателем в 2015 г. была проведена модернизация ст. 187 Уголовного кодекса российской Федерации.

Анализ данных правоприменительной практики, исходя из статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о положительной динамике применения ст. 187 УК РФ при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. В частности, в 2015 году по статьям 186-187 УК РФ всего было осуждено 702 лица, в 2016 по обеим частям ст. 187 УК РФ было осуждено 47 лиц, оправдано – 1; в 2017 – осуждено 43, оправдано – 1; в 2018 году – осуждено 56, оправдано – 3; в 2019 году – осуждено 66, оправдано – 0; в 2020 году – осуждено 129, оправдано – 0; в 2021 году – осуждено 366, оправдано – 1; в 2022 году – осуждено 854, оправдано – 2; в 2023 году – осуждено 1666, оправдано – 4; в 2024 году – осуждено 2094, оправдано – 13 лиц [15]. Изучение приведенных данных позволяет заключить, что с 2022 года практика применения ст. 187 УК РФ существенно расширилась, в то время как до 2022 года преступление, уголовная ответственность за которое предусмотрена статьей 187 УК РФ, было не слишком распространенным в РФ. Из этого следует, что именно с 2022 года в России наблюдается рост криминогенной напряженности в сфере экономики. Однако, несмотря на стремительно формирующуюся судебную практику и рост числа зарегистрированных противоправных деяний, связанных с неправомерным оборотом средств платежей, правоохранительные органы сталкивались с трудностями в применении данной нормы, а ученые зачастую отмечали недостатки в ее конструкции. Многочисленные несовершенства в построения диспозиции статьи 187 УК

РФ, сочетающиеся с проблемами в использовании юридической терминологии и общей сложностью конструкции нормы, а также появление новых нелегальных схем, связанных с финансовыми операциями, в частности схем с участием дропперов, обусловили необходимость разработки изменений для статьи 187 УК РФ.

Данные обстоятельства стали причиной разработки и направления Министерством внутренних дел РФ в Правительство РФ в сентябре 2024 года законопроекта о введении ответственности за участие в мошеннических операциях с банковскими счетами в качестве дропа или дроповода. 2 мая 2025 года проект поправок был внесен в Государственную Думу РФ. Законопроект № 909076-8 прошел все этапы рассмотрения в Государственной Думе РФ, Совете Федерации, в результате чего с 5 июля 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 24.06.2025 №176-ФЗ, внесший изменения в статью 187 УК РФ.

Одной из ключевых причин принятия Федерального закона № 176-ФЗ является появление и активное распространение нелегальных схем, направленных на вывод похищенных денежных средств при помощи посредников. Данное криминальное явление в области совершения дистанционного мошенничества сложилось в течение последнего десятилетия и получило название «дропперство».

Дропперство можно определить как процесс вывода денег со счетов преступников в целях их легализации посредством использования банковских карт подставных лиц [4, с. 49]. В данной схеме, направленной на легализацию преступного дохода, в качестве основных участников выступают дропперы или, как их еще называют, дропы.

Термин происходит от английского drop (сбрасывать): дропперы служат промежуточным звеном, помогая преступникам скрыть следы хищений.

Легальное определение данных понятий отсутствует, однако анализ различных Интернет-ресурсов, содержащих различные интерпретации указанных терминов, позволяет определить дроппера как соучастника мошенничества с использованием банковских счетов, подставного лица, на счет которого зачисляются похищенные средства, а дроповода как лицо, которое ищет и привлекает дропов, фактически выступая в качестве их «работодателя». Дроппер и дроповод являются субъектами преступлений, связанных с неправомерным оборотом средств платежей.

Федеральным законом № 176-ФЗ была введена четкая мера наказаний для участников подобных схем. Части 3 и 4 предусматривают уголовную ответственность за незаконную деятельность дропперов. Так, часть 3 устанавливает ответственность лица за передачу из корыстной заинтересованности предоставленных ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа и (или) доступа к нему другому лицу для осуществления таким лицом неправомерных операций. В части 4 идет речь об уголовной ответственности лица за осуществление из корыстной заинтересованности неправомерных операций с использованием электронного

средства платежа, предоставленного ему оператором по переводу денежных средств, по указанию другого лица и (или) в интересах такого лица.

Частями 5 и 6 устанавливается ответственность за преступления, совершаемые дроповодами. В частности, в данных статьях закрепляется уголовная ответственность лица за приобретение либо передачу другому лицу из корыстной заинтересованности электронного средства платежа и (или) доступа к нему для осуществления неправомерных операций, совершенные лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, либо приобретение таким лицом электронного средства платежа и (или) доступа к нему для последующей их передачи другому лицу из корыстной заинтересованности и за осуществление неправомерной операции с использованием электронного средства платежа, совершенное лицом, не являющимся стороной договора об использовании этого электронного средства платежа, заключенного с оператором по переводу денежных средств, соответственно. Причем действия, ответственность за которые предусмотрена частями 3 и 4 ст. 187 УК РФ относятся к категории преступлений небольшой тяжести (данные действия наказываются лишением свободы на срок до трех лет), а умышленные деяния, ответственность за которые установлена частями 5 и 6, относятся к категории тяжких преступлений, они наказываются лишением свободы на срок до шести лет.

В настоящее время происходит активное исследование преступных схем, направленных на вывод похищенных денежных средств, и их участников. Так, Сбер провел исследование под названием «Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан» и предложил типологию участников по степени осведомленности о своей деятельности.

В данной классификации выделяются:

– неразводные дропы: Эти люди знают о криминальном характере своей деятельности и сознательно ищут способы передать свои банковские карты или другие продукты организаторам незаконных схем. Причинами, которые приводят их в мир преступности, чаще всего являются финансовые затруднения, отсутствие постоянной работы или места жительства, высокая закредитованность, а также алкогольная или наркотическая зависимость. Такие люди действуют умышленно и добровольно.

– разводные дропы: Они становятся частью преступной схемы, не осознавая этого. Организаторы мошеннических схем вовлекают их под различными предлогами, например, через фиктивное трудоустройство. На сайтах поиска работы размещаются вакансии, где «сотрудникам» предлагается выпустить банковскую карту для получения зарплаты или передать реквизиты «бухгалтеру». В результате мошенники получают доступ к банковской карте и ее реквизитам.

Классификация дропперов по способу использования банковских продуктов:

– обналщики – дропы сами обналщивают похищенные деньги на своих банковских картах или счетах через банкоматы и офисы банков. За свою работу они получают оговоренное вознаграждение (5–10%) и передают оставшиеся средства организаторам. Обычно они являются неразводными дропами и подпадают под риск задержания правоохрательными органами.

– транзитники – дропы-посредники, которые принимают перевод похищенных денежных средств и отправляют их дальше по цепочке на указанные мошенниками банковские реквизиты. Это делается, чтобы усложнить работу правоохрателям и скрыть следы преступления.

– заливщики – дропы принимают наличные средства от других участников и зачисляю их на свои карты, а затем переводят средства «транзитникам». Такая сложная манипуляция позволяет максимально затруднить службам безопасности банков и полиции отслеживание и блокировку криминальных денежных потоков [1].

Ряд преступных групп используют дропов-универсалов, способных выполнять любую задачу в зависимости от конкретной ситуации или команды «дроповода».

Стоит отметить, что зачастую дропперами становятся обычные люди, попавшие в сложную жизненную ситуацию и нуждающиеся в быстром и легком заработке, например, студенты, мигранты, подростки, безработные и так далее.

Главной особенностью введенных изменений является то, что наказание за неправомерный оборот средств платежей предусматривается независимо от того, осознанно человек помогал обналщивать похищенные деньги или стал помощником мошенника обманным путем. Во втором случае возможно освобождение от уголовной ответственности, если лицо, являющееся клиентом оператора по переводу денежных средств, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью третьей или четвертой ст. 187 УК РФ, активно способствовало его раскрытию и (или) расследованию и добровольно сообщило о лицах, совершивших другие преступления с использованием предоставленного ему оператором по переводу денежных средств электронного средства платежа.

До внесения изменений в статью 187 УК РФ практика привлечения дропперов к уголовной ответственности шла по пути вменению им соучастия в мошенничестве (статья 159 УК РФ), либо неправомерного оборота средств платежей. С 2022 года существенно расширилась практика применения статьи 187 УК РФ в качестве дополнения к различным преступлениям в сфере экономической деятельности, сопряженным с получением незаконного дохода (к статьям 198, 199, 172 У РФ и прочим). Подобное правоприменение вызывало неодобрение среди большинства ученых, так как законодатель, вводя ответственность по ст. 187 УК РФ, предполагал, что субъективная сторона преступления предусматривает наличие умысла именно на неправомерный оборот средств платежей, а не на уклонение от уплаты налогов с легализацией полученного дохода. Однако суды активно

использовали подобную схему назначения наказания, и уже имеются вступившие в силу приговоры, по которым лица были осуждены по ст. 187 УК РФ в связи с уклонением от уплаты налогов. К примеру, по нашумевшему уголовному делу в отношении Елены Блиновской следствие пошло по указанному пути и вменило известному блогеру ст. 199, 187 и 174 УК РФ, а приговором Савёловского районного суда города Москвы от «03» марта 2025 г. Блиновская Елена Олеговна была признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 198, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 и ч. 1 ст. 187 УК РФ, и ей было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 5 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Последние статистические данные показывают, что после вступления в законную силу Федерального закона № 176-ФЗ, правоприменители начали активно применять новую редакцию ст. 187 УК РФ в отношении подсудимых. Так, за второе полугодие 2025 года в РФ было рассмотрено не менее 59 уголовных дел в отношении 60 лиц, обвиняемых по ст. 187 УК РФ за предоставление доступа к банковским счетам для осуществления неправомερных операций. Несмотря на то, что статья предусматривает лишение свободы, подсудимые избегали такого приговора — дропперы получили наказание в виде обязательных работ и штрафов в размере от 15 тыс. до 105 тыс. руб [14].

Подводя итоги, можно заключить, что Федеральный закон от 24.06.2025 №176-ФЗ отражает серьезность намерений законодателя в подходе к проблеме противодействия дропперству. Внесенные изменения упростят деятельность правоприменителей в части квалификации действий лиц, участвующих в схемах по легализации преступного дохода. Однако отсутствие легальных определений понятий «дроппер», «дроповод», «дропперство» приведут к вопросам относительно определения субъектов преступлений, ответственность за которые предусмотрена частями 3 – 6 статьи 187 УК РФ. Статья 187 УК РФ с учетом нововведений отвечает необходимости ограничения преступников в возможностях обналичивания похищенных денежных средств, однако оценить эффективность и полноту принятых изменений можно будет лишь по истечении некоторого времени.

Список литературы

1. Исследование «Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан». [Электронный ресурс]. URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv?tab=vyvod_ukradennogo / (дата обращения: 24.11.2025).
2. Карпов Н.О. Предмет неправомерного оборота средств платежей (правовой и криминалистический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 119–122.
3. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2024 г. по делу № 77-4323/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=31330687&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 / (дата обращения: 21.11.2025).

4. Кисленко С.Л., Фокин А.Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 41–54.

5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 03.04.2025 г. по делу № 66-УДП25-11-К8 [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2454058 / (дата обращения: 21.11.2025).

6. Приговор Анжеро-Судженского городского суда от 02.07.2020 г. по делу № 1-298/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/a1HYXKcxN8L8](https://sudact.ru/regular/doc/a1HYXKcxN8L8) / (дата обращения: 21.11.2025).

7. Приговор Вологодского городского суда от 25.10.2020 г. по делу № 1-817/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/XH20uJI5ps6T](https://sudact.ru/regular/doc/XH20uJI5ps6T) / (дата обращения: 21.11.2025).

8. Приговор Вологодского городского суда от 25.11.2020 г. по делу № 1-1132/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/uBBmnDCLDPWL](https://sudact.ru/regular/doc/uBBmnDCLDPWL) / (дата обращения: 21.11.2022).

9. Приговор Заводского районного суда г. Кемерово от 14.07.2020 г. по делу № 1-567/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/3JSASLA2f2Hc/](https://sudact.ru/regular/doc/3JSASLA2f2Hc/) (дата обращения: 21.11.2025).

10. Приговор Йошкар-Олинского городского суда от 13.07.2020 г. по делу № 1-558/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Ntea1WfR36ms](https://sudact.ru/regular/doc/Ntea1WfR36ms) / (дата обращения: 21.11.2025).

11. Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 28.04.2020 г. по делу № 1-633/2019 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/Yyfy6wgHHImJ](https://sudact.ru/regular/doc/Yyfy6wgHHImJ) / (дата обращения: 21.11.2025).

12. Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 14.07.2020 г. по делу № 1-383/2020 URL: [//sudact.ru/regular/doc/EM7m23gaYJHL](https://sudact.ru/regular/doc/EM7m23gaYJHL) / (дата обращения: 21.11.2025).

13. Приговор Центрального районного суда г. Новокузнецка от 07.07.2020 г. по делу № 1-547/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/AyTBmH82QPg1](https://sudact.ru/regular/doc/AyTBmH82QPg1) / (дата обращения: 21.11.2025).

14. Судебная практика по делам о дропперстве в 2025 году // Ассоциация юристов России. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/alrfRUS/7144> / (дата обращения: 23.01.2026).

15. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79/.&item=7900> / (дата обращения: 22.11.2025).

Об авторе:

СОЛОВЬЁВА Маргарита Юрьевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: margaritasolovyova1@gmail.com

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Ю. Сташевская

ФГПОУ ВО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель к.ю.н., доцент О.И. Юстус

В статье анализируется действующее региональное законодательство о мерах государственной поддержки многодетных семей; рассматриваются аналогичные меры, существовавшие в советский и постсоветский период; в результате анализа судебной практики был выявлен ряд пробелов в действующем правовом регулировании, уточнены правовые подходы по предоставлению мер поддержки многодетным семьям на территории Тверской области

***Ключевые слова:** меры государственной поддержки многодетных семей, многодетная семья, региональные меры поддержки многодетных семей, указ Президента РФ № 63*

Вопросы предоставления мер государственной поддержки семей с детьми для России на протяжении всего ее исторического развития имели основополагающее значение. Народосбережение является ключевой целью, достижение которой реализуется как на федеральном, так и на региональном уровне.

Стоит отметить, что еще со второй половины XVIII века вопрос деторождения уже остро обсуждался в России. Демографическим проблемам уделял внимание М. В. Ломоносов. В письме к графу И. И. Шувалову «О сохранении и размножении российского народа» (1761) он отмечал, что увеличение численности населения для России очень важно, учитывая территорию страны и ее богатые природные ресурсы в связи с необходимостью освоения, прежде всего сибирских территорий [9, с. 46].

Исходя из изложенного, М.В. Ломоносов отмечал важные стратегические цели, достижение которых должно реализовываться через увеличение числа населения посредством освоения территории и пользования ресурсами с целью дальнейшего увеличения рабочих мест, устойчивого роста экономического развития страны, расширения ныне имеющих территорий, а в дальнейшем и существенного прироста населения и расширения нации.

В российской истории выделяются следующие периоды и характерные модели демографической концепции.

В первые годы после Октябрьской революции 1917 года семейный вопрос стал предметом политической борьбы и одним из важнейших идеологических и правовых дискурсов [10, с. 156]. Новая семейная мораль строилась на принципах полной свободы от влияния церкви, приоритета индивидуальных сексуальных свобод над семейными связями, свободного репродуктивного выбора (право женщины на аборт), равенства между мужчиной и женщиной в семье и публичной сфере [10, с. 156].

В 1926 – 1954 годах главным идеологическим смыслом семейной политики этого периода стало институциональное укрепление семьи, возврат к традиционным семейным ценностям и нормам брачного поведения [11, с. 18].

В ходе сравнения периодов Октябрьской революции 1917 года и советского времени можно прийти к выводу, что переход между вышеприведенными демографическими моделями носит радикальный характер. От свободы выбора в рождении ребенка до полного запрета производства абортс прошло 9 лет.

Рассматривая данные с интернет ресурса государственной статистики, можно прийти к выводу, что, начиная с 1926 года и далее, население увеличивается с числа 92,7 млн чел. до 117, 2 млн чел. и выше [21].

Указанное увеличение числа населения может иметь двойственную интерпретацию.

С одной стороны, население увеличивалось в связи с введением мер поддержки семей с детьми, предоставления для них выплат и полного запрета абортс.

С другой, учитывая статистические данные и произведенные переписи населения с 1926 по 1939 год, показывающие прирост на 15,7 млн чел., а также положительную динамику с 1959 года и далее, стоит при этом обратить внимание на показатель смертности населения. На 1000 человек населения, умерших в 1926 году, составило 20,7 ‰ по отношению к числу родившихся (43,4 ‰); в 1940 году – 20,6 ‰ умерших по отношению к числу родившихся 33,0 ‰ [10]. К высокому проценту смертности можно отнести и последствия запретов абортс, что часто приводило к «подпольному» производству абортс во избежание уголовного наказания, которые, как правило критически сказывались на здоровье рожениц.

На основании вышеизложенного возможно предположить, что разные исторические периоды отражали и преследовали свои цели, но как итог, ключевой целью являлось стратегическое развитие государства, с преобладающим числом населения через оказание мер государственной поддержки семей с детьми.

Указанные цели не утратили своей актуальности и в настоящий период. В соответствии с п. 7 ст. 2 Конституции Российской Федерации государством обеспечивается поддержка семей в виде предоставления им социальных гарантий, защиты, пособий и иных мер социальной поддержки [1].

На современном этапе развития России целесообразно отметить следующие Указы Президента РФ, которые позволяют регулировать правоотношения, направленные на укрепление статуса многодетной семьи.

Указом Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах поддержки многодетных семей» (далее – Указ Президента РФ № 63) установлено, что статус многодетной семьи на территории Российской Федерации устанавливается бессрочно [3]. Ранее действующее законодательство определяло категорию семей, которые относятся к

многодетным и нуждающимся в дополнительной социальной поддержке, установил необходимый перечень мер поддержки, а также определил полномочия по определению критериев признания семьи многодетной, где предоставление дополнительной социальной поддержки были отнесены к компетенции субъектов Российской Федерации. Новацией Указа Президента РФ № 63, помимо бессрочного статуса многодетной семьи, стало правило, согласно которому предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 года при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность по очной форме обучения. Указанная норма позволила многодетным родителям сохранить финансовую стабильность семей.

Правовые, организационные и экономические основы социальной поддержки многодетной семьи в Тверской области закреплены в законе Тверской области от 29.12.2004 № 78-ЗО «О многодетной семье в Тверской области и мерах по ее социальной поддержке» (далее – Закон № 78-ЗО) [6].

Анализируя Закон № 78-ЗО можно прийти к выводу, что указанные меры поддержки полностью соответствуют Указу Президента РФ № 63. Также в Законе № 78-ЗО есть меры поддержки, установленные на региональном уровне. Стоит отметить, что меры поддержки, предоставляемые на территории Тверской области и утвержденные Правительством Тверской области, соответствуют нормам Конституции Российской Федерации и не ухудшают положение многодетных семей.

В соответствии с решением Верховного Суда РФ от 07.08.2024 № АКПИ24-393 при предоставлении мер поддержки многодетных семей регионы исходят из национальных и культурных особенностей региона, а также действуют в пределах установленных полномочий и финансовой обеспеченности своего бюджета [11].

Говоря о региональном бюджете можно отметить, что в соответствии со ст. 24 Закона Тверской области от 26.12.2025 № 84-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» утвержден общий объем бюджетных ассигнований, направляемых на государственную поддержку семьи и детей («Детский бюджет»), на 2029 год в сумме 38 683 931,3 тыс. руб., на 2027 год в сумме 37 609 282,9 тыс. руб., на 2028 год в сумме 35 457 509 тыс. руб. [6].

Необходимо обратить внимание на проблематику толкования регионального законодательства. В соответствии со ст. 2¹ Закона № 78-ЗО предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком из трех младших возраста 18 лет или возраста 23 года при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения.

Вместе с тем судебной практикой подтверждается, что граждане ошибочно воспринимают указанную норму. Так, в одном из дел судами трех инстанций истцу было отказано в удовлетворении исковых требований об

обязании государственного казенного учреждения «Центр выплат «Тверская семья» предоставить удостоверение многодетной семьи и назначать меры поддержки в связи с тем, что ребенок обучается по очно-заочной форме обучения [14,15,16].

Понятие очно-заочной формы обучения, которая является отдельной формой обучения, изложено в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2]. В силу п. 2 Порядка выдачи в Тверской области удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи, утвержденного постановлением Правительства Тверской области от 09.06.2015 № 280-пп «О Порядке выдачи в Тверской области удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи» [7], предоставление мер государственной поддержки не связано с наличием очно-заочной формы обучения. Таким образом, анализ указанной судебной практики привел к выводу, что Указ Президента РФ № 63 выступает основополагающим нормативным актом, но право установления критериев предоставления мер поддержки многодетных семей остается за регионами.

Также представляется целесообразным отдельно осветить меру поддержки многодетных семей, предусмотренную ст. 6.5. Закона № 78-ЗО и регламентирующую условия приобретения, страхования и оснащения автотранспорта. Указанную меру можно отметить как уникальную меру, которая позволяет семьям приобрести автотранспорт с использованием Сертификата. В соответствии с Порядком обеспечения приобретения автотранспорта многодетным семьям в Тверской области, утвержденным постановлением Правительства Тверской области от 17.09.2020 № 424-пп «Об автотранспорте многодетным семьям в Тверской области» (далее – Порядок), обеспечение приобретения автотранспорта многодетной семье в Тверской области осуществляется в размере фактически произведенных затрат на приобретение автотранспорта, но не более 1500,0 тыс. рублей [8].

Порядком предусмотрены условия предоставления автотранспорта, одним из которых является наличие 5 и более детей, рожденных не ранее 2019 года и регистрация которых произведена на территории Тверской области. Порядком также предусмотрена ответственность за осуществление продажи автотранспорта до истечения 3 лет с момента его приобретения. Данное условие введено для того, чтобы выделенные из бюджета Тверской области денежные средства были израсходованы по назначению, а также в целях пресечения неосновательного обогащения.

Проанализировав судебную практику по делам о взыскании неосновательного обогащения (заочное решение Заволжского районного суда г. Твери по делу № 2-1513/2025 (УИД 69RS0036-01-2025-003339-76) [19], решение Калининского районного суда Тверской области по делу № 2-1485/2024 (УИД 69RS0037-02-2024-002296-79) [18], решение Пролетарского районного суда г. Твери по делу № 2-1362/2025 [20], решение Удомельского городского суда Тверской области по делу № 2-560/2024 (УИД 69RS0034-01-2024-000733-30) [17], в которых истцом являлось

государственное казенное учреждение «Центр выплат «Тверская семья», третьим лицом Министерство семейной и демографической политики Тверской области, можно прийти к выводу, что суд поддерживает иски требования ввиду установления факта неосновательного обогащения. Позиция судов основывается на положениях, отраженных в заявлениях на получение Сертификата, где устанавливается ответственность за отчуждение транспортного средства в течение 3 лет со дня его приобретения. В связи с тем, что ответчики осуществили продажу автотранспортного средства ранее, установленного срока, и не возвратили средства, полученные путем неосновательного обогащения в срок 15 дней, с них по решению суда были взысканы средства в областной бюджет Тверской области. Исковые требования ГКУ по вышеуказанным делам были удовлетворены.

Таким образом, в целях разрешения спорных ситуаций и исключения коллизий, представляется необходимым на федеральном уровне закрепить право субъектов РФ на самостоятельное определение условий предоставления мер государственной поддержки семей с детьми.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 29.01.2026).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
3. Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 665.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
5. Закон Тверской области от 29.12.2004 № 78-ЗО «О многодетной семье в Тверской области и мерах по ее социальной поддержке» // Тверские ведомости. 2004. № 57.
6. Закон Тверской области от 26.12.2025 № 84-ЗО «Об областном бюджете Тверской области на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 год» // Тверские ведомости. 2025. № 51.
7. Постановление Правительства Тверской области от 09.06.2015 № 280-пп «О Порядке выдачи в Тверской области удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи»
8. Постановление Правительства Тверской области от 17.09.2020 № 424-пп «Об автотранспорте многодетным семьям в Тверской области» // Тверские ведомости. 2020. № 39.
9. Акоюн Е.А. Зарождение и становление демографической политики как социального явления // Социология и право. 2017. №1 (35). С. 45–51.
10. Носкова А.В. Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 155–158.
11. Ромайкин П.Д. Система социальной поддержки семей с детьми: Первый опыт и история развития // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 1 С. 16–27.

12. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. 222 с.
13. Решение Верховного Суда РФ от 07.08.2024 № АКПИ24-393 // Интернет – портал «ЮИС Легалакт». URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07082024-n-akpi24-393> (дата обращения: 12.02.2026).
14. Решение 2-го Кассационного суда от 22.05.2025 по делу № 8Г-10852/2025 [88-11216/2025] // Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=14736747&case_uid=9fea3698-c8cb-46c0-a99b-1c49714966c1&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения: 12.02.2026).
15. Решение Тверского областного суда от 17.12.2024 по делу № 2-1337/2024 (№33-5431/2-24) // Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://oblsud-twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=sf&delo_id=1540005&new=5 (дата обращения 12.02.2026).
16. Решение Центрального районного суда г. Твери от 14.10.2024 по делу № 2-1337/2024 // Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://centralny--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=67329024-4ae9-48d6-9846c983a2f92c33&deloId=1540005&caseType=0&new=0&srv_num=2&hideJudge=0 (дата обращения 12.02.2026).
17. Решение Удомельского городского суда Тверской области от 05.11.2024 по делу № 2-560/2024 (УИД 69RS0034-01-2024-000733-30) // Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://udomelsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=9830de07-cae6-4dbe-9c1d-4f51110f92a3&deloId=1540005&caseType=0&new=0&srv_num=1&hideJudge=0;
18. Решение Калининского районного суда Тверской области от 14.11.2024 по делу № 2-1485/2024 (УИД 69RS0037-02-2024-002296-79) // Интернет – портал ГАС «Правосудие». URL: https://kalininsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=ea830e1a-a9c8-4f27-8341-cfa53c1e354b&deloId=1540005&caseType=0&new=0&srv_num=2&hideJudge=0;
19. Решение Заволжского районного суда г. Твери от 08.07.2025 по делу № 2-1513/2025 (УИД 69RS0036-01-2025-003339-76) // Интернет – портал ГАС «Правосудие». URL: https://zavolzhsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=337c9f38-cd5c-4d0f-8aa8-bde50552871f&deloId=1540005&caseType=0&new=0&srv_num=1&hideJudge=0;
20. Решение Пролетарского районного суда г. Твери от 18.08.2025 по делу № 2-1362/2025 // Интернет-портал ГАС «Правосудие». URL: https://proletarsky--twr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=4365d958-9195-43dc-b26b-345c9f91d2f4&deloId=1540005&caseType=0&new=0&srv_num=1&hideJudge=0
21. Численность населения // Интернет-ресурс федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.htm (дата обращения: 12.02.2026).

Об авторе:

СТАШЕВСКАЯ Виктория Юрьевна – студентка 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Принято в редакцию 05.03.2026.
Подписано в печать 10.03.2026.

НОВЕЛЛЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ЧАСТИ СТИМУЛЯЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОВЕДЕНИЕМ СВО

В.А. Хохлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Научный руководитель к.ю.н., доцент Ю.А. Дронова

В статье анализируются изменения в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве РФ, связанные с участием осуждённых в специальной военной операции (СВО). Рассмотрены ключевые нормативные акты — в частности, ФЗ № 270-ФЗ (утративший силу), ФЗ № 61-ФЗ и ФЗ № 340-ФЗ, — которые устанавливают основания и порядок освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу или заключивших контракт в период мобилизации и военного времени. Отмечается комплексный характер нововведений, затрагивающих уголовное, уголовно-процессуальное и военное право, а также их направленность на укрепление Вооружённых Сил РФ и оптимизацию расходов на содержание заключённых. В то же время подчёркивается наличие актуальных вопросов, связанных с криминологической безопасностью ввиду освобождения от наказания лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: уголовная политика государства, защита национальных интересов, законодательные инициативы, специальная военная операция, уголовная ответственность, амнистия, внутривластная безопасность, правовой механизм, уголовное преследование

Всегда целью уголовной политики государства, было, есть и будет защита интересов его граждан от криминальных угроз наиболее эффективным способом. Социальные и политические процессы, происходящие в обществе, всегда влияют на вносимые поправки. Тем не менее любые законодательные инициативы должны быть направлены на удовлетворение признанных общественных потребностей и соответствовать задачам уголовного закона. Но есть новые обстоятельства, связанные с изменением положения Российской Федерации на мировой арене. Раньше это была Россия, как часть глобального мира, готовая взаимодействовать с Западными странами, принимать международно-правовые механизмы и стандарты. С момента начала вынужденной специальной операции Россия вышла из Совета Европы, что дало дополнительный повод к адаптированному законотворчеству в сложившейся ситуации [3, 124 с.].

Многие источники выделяют различного рода поправки в законодательстве РФ, объединяющих под собой целые кластеры, охватывающие различные сферы правоотношений. Так, с точки зрения Уголовного права можно назвать следующие [2]:

1. «Специальная военная операция и экономические санкции в отношении РФ.
2. Обеспечение внутривластной безопасности.

3. Усиление охраны интересов несовершеннолетних средствами уголовного права.

4. Реакция государства на социальный запрос.

5. Стимуляция осужденных к участию в СВО.

6. И другие».

Ввиду ранее уже проведенной частичной мобилизации среди граждан РФ в 2022 году и, тем не менее, как результат, нехваткой людей на фронте, президентом подписывается Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Нормативный акт был призван установить правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооружённые Силы РФ, а также лиц, проходящих службу по контракту.

Как указывают Васильева Е. Г. и Косторова М. Б. в своей научной работе: «Видятся не случайными высказываемые в специальной литературе суждения, содержащие «намёки»/на комплексную природу Закона № 270: одни авторы связывают его принятие с трансформацией института помилования, другие отмечают, что его новеллы об освобождении от уголовной ответственности «близки по своей правовой природе к институту амнистии». Оба указанных института являются межотраслевыми, и если не брать в расчет субъектов, полномочных осуществлять помилование (Президент РФ) и объявлять амнистию (Государственная Дума), то какие-то прообразы акта помилования, и в особенности акта об амнистии, действительно обнаруживаются в Законе № 270» [1, 184 с.].

С другой стороны, данный акт носил вынужденный характер, однако позволил осужденным, ввиду нестандартных обстоятельств, доказать свою осознанность при совершении каких-либо деяний, иначе говоря, исправиться, а также сократить срок заключения, путем непосредственного участия в СВО до логического завершения или ранения, несовместимого с дальнейшей службой. Если рассматривать данный феномен с точки зрения государственной политики, то указанные нововведения сократили расходы на содержание заключенных под стражей, выплаты потенциальным военнослужащим, проходящим службу по контракту, укрепили вооруженные силы РФ. Нельзя не согласиться что оптимизация расходов, трудовых ресурсов и укрепление армии является самым главным вопросом во время различных конфронтаций, что данным нормативным актом частично было осуществлено.

Также стоит заметить, что отношение данного акта исключительно к уголовной правовой сфере правоотношений не совсем верно.

Так, статья 2 данного акта определяет основания и гарантии освобождения от уголовной ответственности следующих категорий лиц:

«- которые совершили преступления небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных частью первой статьи 205.2, частями первой и второй статьи 220, частью первой статьи 221 и статьей 280 Уголовного кодекса Российской Федерации до дня вступления в силу

настоящего Федерального закона, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

- проходящие военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершившие преступления, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

- имеющие судимость, за исключением судимости за совершение следующих преступлений:

- **131** (изнасилование): пункты «а» части 3, «б» части 4, часть 5.
- **132** (насильственные действия сексуального характера): пункты «а» части 3, «б» части 4, часть 5.
- **134** (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет): части 3–6.
- **135** (развратные действия): части 3–5.
- **205–205.5** (террористическая деятельность).
- **206** (захват заложника).
- **208** (участие в незаконном вооружённом формировании).
- **211** (угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава).
- **220** (незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами).
- **221** (хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ).
- **275** (государственная измена).
- **275.1** (сотрудничество с иностранным государством).
- **276–280** (шпионаж, публичные призывы к экстремистской деятельности и др.).
- **281–281.3** (диверсия).
- **282.1–282.3** (экстремистская деятельность).
- **360** (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой).
- **361** (акт международного терроризма)» [5].

В данном случае прослеживается отношение данного акта еще и к военному праву, что доказывает регламентация ответственности лиц уже состоящих на службе в ВС РФ. Перечень указанных исключений, как видится, основан на нейтрализации возможности осужденных к диверсионным действиям, в том числе в зоне конфронтации военных подразделений. А также те статьи УК РФ, по которым исправление, путем участия в СВО, исходя из субъективизма, является невозможным или существует опасность восстаний и государственного переворота.

23 марта 2024 года был подписан Закон № 61-ФЗ о внесении изменений в Закон о мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ. В данном акте был признан утратившим силу «Закон об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», ранее

рассматриваемый акт. Поправками разъясняется порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время граждан, имеющих судимость.

Так, в статье 21.2. указано следующее: «Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время граждан, имеющих судимость, определяется совместными решениями федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере юстиции, федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел» [6]. Иначе говоря, стало закреплено право Министерства обороны, юстиции и внутренних дел РФ совместно определять порядок взаимодействия по вопросам призыва на военную службу граждан, совершивших преступления или имеющих судимость, а также заключения с ними контрактов о прохождении военной службы. Однако, окончательное решение о заключении контракта на службу в зоне СВО с осуждённым остаётся за сотрудниками военкоматов. Они учитывают возраст, физическую подготовку, навыки и реальные потребности армии. Если военные нуждаются в таком солдате, они удовлетворят ходатайство. После этого в отношении обвиняемого следователь выносит постановление о приостановке уголовного преследования, а осуждённый выходит на свободу условно досрочно и следует в военкомат.

При этом расширен перечень составов преступлений, препятствующих заключению таких контрактов:

- **«189** (незаконный экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ либо оказание услуг, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники).
- **200.1** (незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов).
- **пункт «б» части 2 статьи 215.4** (нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики).
- **217.1** (нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищённости объектов топливно-энергетического комплекса).
- **226.1** (незаконное перемещение через границу оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств).

- **229.1** (незаконное перемещение через границу наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов).
- **274.1** (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации).
- **280.2** (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности).
- **280.4** (публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых Сил Российской Федерации).
- **283–283.2** (разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну).
- **284** (нарушение правил охраны объектов, содержащих государственную тайну).
- **часть 2 статьи 322.1** (организация незаконной миграции).
- **355** (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения).
- **359** (наёмничество)» [5].

Очень показательным, исходя из названий статей и их, скажем, узкой и колоритной направленности, является влияние военного времени на внесение поправок в законодательство. Однако к ним применимы и предыдущие комментарии к исключениям, в частности, предупреждение диверсии. Также, в связи с утратой силы профильного федерального закона, отвечающего за регламентацию участия в СВО осужденных, большинство норм перекечовало в УК РФ и УПК РФ соответственно. А именно в статьи 78.1, 80.2, 86 УК РФ и 208, 28.2 УПК РФ.

При этом Верховный Суд РФ выявил правовой пробел: до недавнего времени законодательство не регулировало в периоды мобилизации, военного положения и в военное время ряд вопросов в отношении обвиняемых (подсудимых) на стадии судебного производства — когда уголовное дело уже направлено прокурором в суд и находится в производстве первой или апелляционной инстанции. В частности, отсутствовали нормы, регламентирующие приостановление производства по уголовному делу, отмену меры пресечения, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела или уголовного преследования, а также освобождение от наказания. Для устранения этого пробела Верховный Суд разработал проект изменений в статью 78.1 УК РФ и УПК РФ. Документ был внесён в Госдуму 2 сентября 2024 года и впоследствии принят. Закон вводит механизм освобождения от уголовной ответственности на стадии судебного производства для обвиняемых (подсудимых), которые призваны на военную службу в ВС РФ, заключили контракт о прохождении военной службы либо проходят военную службу в период мобилизации, военного положения или в военное время [7].

Одновременно в уголовно-процессуальное законодательство внесены корреспондирующие изменения, которые устанавливают: «основания и порядок приостановления производства по уголовным делам (по ходатайству

командования воинской части или учреждения), процедуру отмены меры пресечения, правила прекращения уголовного дела или уголовного преследования в отношении указанных лиц» [7]. Кроме того, аналогичный правовой механизм распространён на осуждённых, чей приговор ещё не вступил в законную силу, в том числе на стадии апелляции.

В итоговый текст закона включено положение о том, что: «порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и судов по перечисленным вопросам определяется совместными решениями Минобороны России и Судебного департамента при Верховном Суде РФ» [7].

По разъяснению ВС РФ, поправки направлены на усиление процессуальных гарантий для лиц, призванных на военную службу или заключивших контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время, а также проходящих военную службу в указанные периоды. Этого планируется достичь за счёт совершенствования правового механизма, позволяющего: приостанавливать производство по уголовному делу, отменять меру пресечения, освобождать от уголовной ответственности, освобождать от наказания на судебных стадиях производства по делу. Тем самым, вносимые изменения являются закономерными, так как фактически нет принципиального отличия, на какой стадии судопроизводства обвиняемый заключит контракт о прохождении военной службы.

Адвокат филиала «Технологии защиты» Башкирской республиканской коллегии адвокатов, Исянаманов Р., обратил внимание на то, что полномочия суда — единственного органа, осуществляющего правосудие, — не могут быть ограничены по сравнению с полномочиями органов предварительного расследования. Он указал, что «действующие редакции УК РФ и УПК РФ создают неравенство: лицо, чьё уголовное дело передано в суд для рассмотрения по существу, фактически имеет меньше прав, поскольку обязано «дождаться» приговора. В то же время лицо, чьё дело находится на стадии предварительного расследования, может заключить контракт о прохождении военной службы и впоследствии быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных законом» [4].

То есть, принятые поправки способствуют восстановлению баланса процессуальных функций суда и органов предварительного расследования, а также обеспечивают равенство лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, независимо от стадии уголовного производства.

Подводя итог, можно сказать, что новеллы в сфере участия осуждённых в СВО являются оптимальным решением для укрепления армии России, примером тому является Великая Отечественная война, где с 1941 года до дня победы на полях сражения в «Штрафбатах» поучаствовало около миллиона осуждённых, что ни могло не повлиять на ее исход и протяженность. На повестке дня остается вопрос о криминологической опасности в государстве в связи с неотбытыми наказаниями и участием граждан РФ, попавших под частичную мобилизацию, в военной операции в последствии.

Список литературы

1. Васильева Е. Г., Кострова М. Б. Вопросы правовой специфики и применения федерального закона от 24 июня 2023 года № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Правовое государство: теория и практика. 2024. №1 (75). 181 – 196 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovoy-spetsifiki-i-primeneniya-federalnogo-zakona-ot-24-iyunya-2023-goda-270-fz-ob-osobennostyah-ugolovnoy> (дата обращения: 20.11.2025).

2. Голикова А. В., Ковлагина Д. А. Изменения уголовного законодательства и тренды российской уголовной политики в условиях Специальной военной операции // Пробелы в российском законодательстве. 2023. №7. 205 – 213 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmeneniya-ugolovnogo-zakonodatelstva-i-trendy-rossiyskoy-ugolovnoy-politiki-v-usloviyah-spetsialnoy-voennoy-operatsii> (дата обращения: 21.11.2025).

3. Лечиев Р. С. Уголовная политика по обеспечению специальной военной операции и защите суверенитета России в новую эпоху // Криминологический журнал. 2023. №3. 123 – 130 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-po-obespecheniyu-spetsialnoy-voennoy-operatsii-i-zaschite-suvereniteta-rossii-v-novuyu-epohu> (дата обращения: 22.11.2025).

4. Адвокатская газета [Электронный ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-zakon-utochnyayushchiy-mekhanizm-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-uchastnikov-svo/> (дата обращения: 25.11.2025).

5. Федеральный закон «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» от 24.06.2023 N 270-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_450391/

6. Федеральный закон от 23.03.2024 № 61-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», статью 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и признании утратившим силу Федерального закона «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403230017>

7. Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410371160/>

Об авторе:

ХОХЛОВ Виктор Алексеевич – студент 1 курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», e-mail: viktor03775@gmail.com

Принято в редакцию 05.03.2026.

Подписано в печать 10.03.2026.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Сборник научных работ

Выпуск 1

Подписано к использованию 05.03.2026.

Электронный образовательный ресурс. Заказ № 44.

Издательство Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. (4822) 35-60-63.